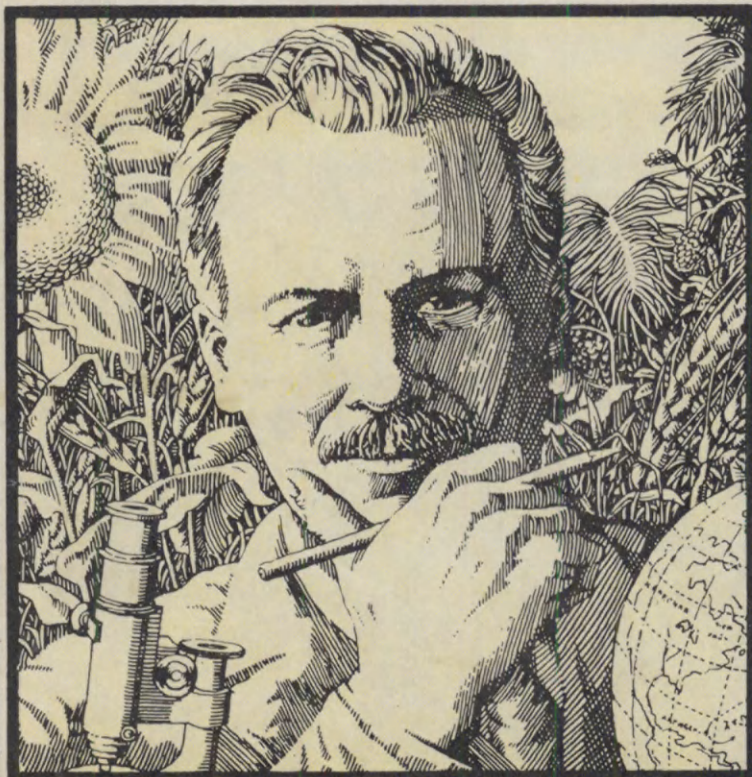

Глеб Голубев

ВЕЛИКИЙ СЕЯТЕЛЬ

**О тех, кто первым ступил на неизведанные земли,
О мужественных людях — революционерах,
Кто в мир пришел, чтоб сделать его лучше.
О тех, кто проторил пути в науке и искусстве,
Кто с детства был настойчивым в стремленьях
И беззаветно к цели шел своей.**

**МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1979**

НИКОЛАЙ ВАВИЛОВ

Выпуск 63

Глеб Голубев

ВЕЛИКИЙ СЕЯТЕЛЬ

*** СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ УЧЕНОГО ***

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ УЧЕНОГО

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ УЧЕНОГО

*** СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ УЧЕНОГО ***

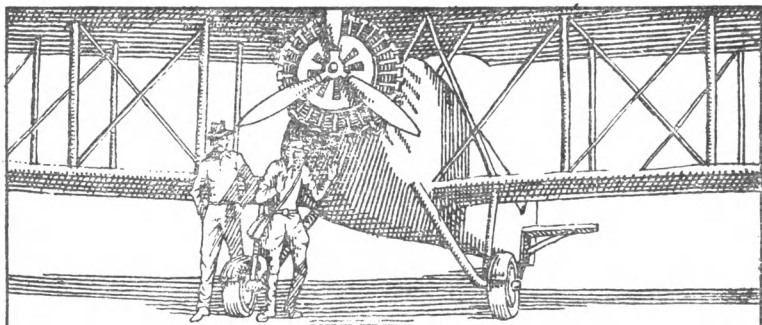
28r
Г62

Художник В. ЛЮБАРОВ

Г $\frac{70803-152}{078(02)-79}$ 059—79. 4800000000

© Издательство «Молодая гвардия», 1979 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Н.И.Вавилов
выбирает жизненный путь,
неожиданно оказавшийся
богатым опасностями
и приключениями

Лев зарычал снова, требовательно, грозно. Будто над самым ухом.

Сейчас он прыгнет! Невольно захотелось присесть на корточки и втянуть голову в плечи...

Летчик выронил отвертку и повернул к Вавилову побелевшее лицо.

— Надо погасить костер, мосье профессор, — прошептал он, с трудом шевеля губами. — Может быть, он уйдет. Его злит огонь.

— А как вы станете в темноте чинить свою летающую этажерку? Только костер нас и спасает. Он отпугивает хищника. Продолжайте работать. Он не кинется.

Летчик неуверенно взялся за инструменты. Они звякивали: может, он гремел нарочно, чтобы отпугнуть льва? Но звяканье лишь раздражало хищника. Лев рычал опять, теперь уже в другом месте.

Или это уже второй? Нет, пожалуй, один ходит в темноте, не решаясь прыгнуть в круг неверного, зыбкого света от тревожно полыхающего костра.

В рыке льва все нарастали гнев и голод. Если они пересилят страх и лев прыгнет, чем защищаться? Отверткой? Молотком? Или перочинным ножом, который Вавилов, оказывается, зажал в кулаке? Когда это успел вынуть его из кармана, открыть, даже не заметил. Глупо. Николай Иванович усмехнулся, покачал головой, быстро сложил ножик и спрятал в карман.

Как все вообще глупо и неправдоподобно! Рычанье льва напоминало детство, когда его с братом и сестренками мать водила в зоопарк. Лев рычал, а они прижимались к маминой юбке и восторженно трепетали.

Мог ли он подумать, что снова услышит **львиный рык** так близко? И зверь будет не в клетке, а на **свободе**. А кругом на сотни километров — никакого **жилья**, только сыпучий раскаленный песок, не успевающий за **ночь** остыть от дневного зноя.

Пустыня Сахара. Самое подходящее место для вынужденной посадки. Как это они ухитрились приземлиться, не увязли в песке, не перевернулись.

Крутом бродят голодные львы, и еще неизвестно, удастся ли починить заглохший мотор. А тогда уже все

равно — если их не сожрут до утра осмелевшие львы, днем спалит неистовое солнце.

Сколько раз он оказывался вот в таких трудных положениях, на волосок от гибели?..

Замерзал на ледяных, поднятых к фиолетовому небу грозных перевалах Памира. Пробирался через ущелья над сверкавшими где-то далеко внизу бурными речками по-предательски прогибавшимися, трещавшими под ногой висячими мостами из веток — оврингам, про которые говорили: «Путник, будь осторожен! Ты здесь, как слеза на реснице...»

Сколько раз он тонул, умирал от жажды, совершал вот такие вынужденные посадки в самых неожиданных местах! А попадал под обстрел? Кто только в него не стрелял — и солдаты, турецкие и свои, русские, и басмачи, и полицейские, сторожа порядка. Стреляли в него из винтовок и старинных кремневых ружей, из пистолетов и пулеметов, даже из пушек! А он все еще жив.

Сколько раз его пытались умертвить змеи, скорпионы и фаланги, проглотить крокодилы, растерзать стервятники, а теперь вот мечтает сожрать голодный лев.

Жизнь получилась похожей на приключенческий роман. А все считают: невозможно найти более мирной, тихой и спокойной профессии, чем у ботаника, растениевода! Цветочки, семена, ароматные румяные плоды... Копайся себе в тишине и мирном одиночестве на грядках, наслаждайся безмятежным покоем, дыши целебным свежим воздухом. Какая идиллическая картинка — и как далека от действительности!

Николай Иванович не удержался и громко расхохотался.

Лев от неожиданности притих. Летчик с ужасом уставился на Вавилова. Губы у него шевелились, но никак не могли произнести ни одного слова. Еще минута — и он вскочит и убежит в темноту.

— Не бойтесь, камрад, я не сошел с ума, — сдерживая смех, виновато сказал Вавилов. — Продолжайте работать. Ничего не бойтесь. Мы выберемся!

А начиналась его жизнь вполне обыкновенно, скромно и тихо — в Москве, где он родился в 1887 году, двадцать пятого ноября по новому стилю. И никто и представить тогда не мог, куда заведут его жизненные дороги...

Даже много позднее само его решение стать ботаником у многих вызывало удивление. Почему, в самом деле, откуда возникло такое желание у юноши, который родился в большом городе и провел детство в кривых переулочках Пресни?

Правда, отец его, Иван Ильич, происходил из крестьян Волоколамского уезда. Но покинул он родную деревню еще мальчиком, давно потерял с ней всякие связи. Иван Ильич «сделал блестящую карьеру», как говорили с почтением в те времена, — от ученика в церковном хоре до директора знаменитой «Прохоровской трехгорной мануфактуры», доверенного по распространению ее изделий на Востоке.

Говорят, однажды молодой Вавилов на вопрос о том, какую цель себе ставит в жизни, будто бы шутливо ответил: «Привести в порядок земной шар!» Звучит, конечно, красиво, но довольно расплывчато.

Кто из нас не мечтает в юности о дальних странствиях, о великих делах?

Нет, никак еще не объясняет эта юношеская мечта, почему Вавилов увлекся именно ботаникой, растениеводством. Даже наоборот. Ведь странствующий земледелец — явление вроде совершенно противоестественное. Если уж решил копаться в земле, сажать семена, ухаживать за всходами, собирать урожай — тут не до странствий...

Пожалуй, только Николаю Ивановичу Вавилову впер-

вые удалось примером своей замечательной жизни опровергнуть такое устойчивое представление.

Сам он, к сожалению, не объяснил подробно, как выбирал себе жизненный путь. Тем ценнее каждое, даже скупое, его свидетельство:

«В 1905—1906 годах пишущему эти строки, кончавшему в то время среднюю школу, пришлось решать, куда идти. Медицина, естествознание, агрономия — к ним влекло больше всего». Так писал Вавилов в 1929 году в статье, посвященной памяти одного из своих учителей, профессора Н. Н. Худякова.

Итак, медицина, естествознание, агрономия. Тоже пока еще слишком широко и расплывчато. Несомненно одно: Вавилова влекут не гуманитарные, а естественные науки.

Но это лишь определенная направленность интересов. Говорить только на основе их о способностях и призвании еще рано.

Не сразу выбрал себе профессию Николай Иванович Вавилов. Жизненный путь его далеко не был прямым и ясным с самого начала.

Семья Вавиловых удивляла и восхищала всех, кто ее знал. «Вот семьяца так семьяца была!» — восторгался академик В. А. Обручев. Биографов удивляет, как, почему в этой семье, вроде бы весьма далекой по своему укладу от всяких научных интересов, у родителей — людей, как принято говорить, простых и не получивших даже хорошего образования, выросли такие замечательные дети. Все они стали учеными.

Не одного Николая Вавилова привлекали естественные науки. Его младший брат Сергей станет выдающимся физиком, в будущем — президентом Академии наук СССР. Обе сестры — Александра и Лидия — стали микробиологами.

И сыновья и дочери в этой славной семье с юности умели обращаться с микроскопами и пробирками.

Вероятно, в этом немалая заслуга не только Ивана Ильича, но и матери — Александры Михайловны, о которой дочери и сыновья всегда отзывались с большой любовью и признательностью. И пожалуй, главное, что способствовало такому неожиданному расцвету талантов в замечательной «семье» Вавиловых, — не только хорошее образование, которое каждый из детей получил, но и свобода в поисках призвания, в проверке своих интересов и симпатий, какую им предоставили родители.

На своей половине в большом доме на Средней Пресне сыновья и дочери Вавиловых устроили настоящую лабораторию, хранили гербарии, различные препараты, собирали солидную библиотеку по ботанике, археологии, истории науки, географии с книгами не только на русском, но и на французском, немецком, английском, итальянском языках. Эти языки Николай Иванович выучил уже в детстве.

Впрочем, сестры его с таким же увлечением занимались и музыкой, обе учились в филармонии. И братья интересовались искусством: посещали выставки, концерты, музеи, собирали репродукции картин.

А что касается гербариев, то, как свидетельствуют воспоминания, у младшего брата, Сергея, будущего физика, они получались даже лучше, чем у Николая. Так что, конечно, трудно говорить о призвании, о каких-либо наследственных способностях, когда речь идет сразу о четырех естествоиспытателях, вышедших из одной купеческой семьи.

Несомненно одно: не расплывчатые полудетские мечтания, а широкий круг интересов, проверка их характерны для юности Николая Вавилова, его сестер и брата. И родители — Александра Михайловна и Иван Ильич — всячески поощряли интерес к науке у своих детей.

Позднее Сергей Иванович Вавилов вспоминал об отце: «Был он человек умный, вполне самоучка, но много

читал и писал и, несомненно, был интеллигентным человеком. По-видимому, он был отличный организатор, «дела» его шли всегда в порядке, он был очень смел, не боялся новых начинаний. Общественник, либерал, настоящий патриот... Его любили и уважали. В другой обстановке из него бы вышел хороший инженер или ученый».

Иван Ильич поместил старшего сына не в гимназию, а в коммерческое училище. Древние языки здесь не изучали, но зато много внимания уделяли современным европейским языкам и естественным наукам. Химию, физику, естествознание преподавали выдающиеся педагоги Я. Я. Никитинский и С. Ф. Нагибин. Они устраивали краеведческие экскурсии, учили своих воспитанников овладевать методикой научных исследований и опытов, водили их на лекции крупнейших ученых в Политехнический музей. Все это укрепляло молодого Николая Вавилова в его интересе к естественным наукам.

Внешне братья так походили друг на друга, что их порой путали. Но характеры у них были очень разные. Это проявлялось даже в забавных мелочах. Иван Ильич был вспыльчив и нередко хватался за ремень. Сергей переносил наказание столь мужественно, что отец даже восхищался, хотя ему стоило задуматься над тем, почему звук при порке получался несколько подозрительным... Находчивый Сергей сделал себе щит из толстого картона и при возникновении опасности поспешно закладывал его в брюки.

Николай к подобным мерам не прибегал и повел себя иначе.

Однажды отец хотел его наказать. Тогда тринадцатилетний мальчик вскочил на подоконник и крикнул: «Не подходи! Вниз брошусь».

Иван Ильич молча спрятал ремень и вышел из комнаты. Порки прекратились.

Отец хотел, чтобы Николай непременно пошел

«по коммерческой части». Когда сын закончил училище и выбирал, в какое высшее учебное заведение поступить, Иван Ильич пригласил опытного «магистра экономических наук», чтобы тот убедил юношу заняться коммерцией, последовать примеру энергичного, деловитого отца.

Сын решил иначе.

«В 1905—1906 годах в Московском Политехническом музее шли замечательные курсы лекций, посещаемые нашими учителями, а по их совету и нами, — вспоминал Н. И. Вавилов в уже упоминавшейся статье, посвященной памяти Н. Н. Худякова. — Морозов, Муромцев, Хвостов, Реформатский, Вагнер, Кулагин, Худяков — один сменял другого. Из них особенно ярки были выступления Н. Н. Худякова. Задачи науки, ее цели, ее содержание редко выражались с таким блеском. Афоризмы Н. Н. Худякова врезывались в память. Основы бактериологии, физиологии растений превращались в философию бытия. Блестящие опыты дополняли чары слов. И стар и млад заслушивались этими лекциями.

Горячую пропаганду за Петровскую академию вели... наши учителя в средней школе. Лекции Н. Н. Худякова, незабываемая первая ботаническая экскурсия с ними в Рааумовское, агитация Я. Я. Никитинского решили выбор».

Но в одном из писем, правда, отправленных явно в минуту недовольства собой и сомнений, какие нередко одолевают каждого мыслящего человека, Николай Иванович признался: «Хорошо помню состояние «без руля и без ветрил». Случайная волна хаотических вероятностей забросила в Петровку, по-видимому, счастливая случайность».

И из некоторых воспоминаний известно, что сначала Вавилов хотел поступить на медицинский факультет университета. Но там требовалось сдать экзамен по латыни, а ее в коммерческих училищах в отличие от гимназии не преподавали. Вавилов не захотел терять год и поступил

в Петровскую академию вроде бы действительно по счастливой случайности.

Впрочем, многие великие люди далеко не сразу находили свое призвание и выбирали жизненный путь. «У тебя только и есть интерес, что к стрельбе, возне с собаками и ловле крыс. Ты будешь позором для себя и своей семьи», — выговаривал отец молодому Чарлзу Дарвину. А великого систематика Карла Линнея в юности считали достойным лишь удела сапожника, настолько он не блистал ни интересами, ни талантами...

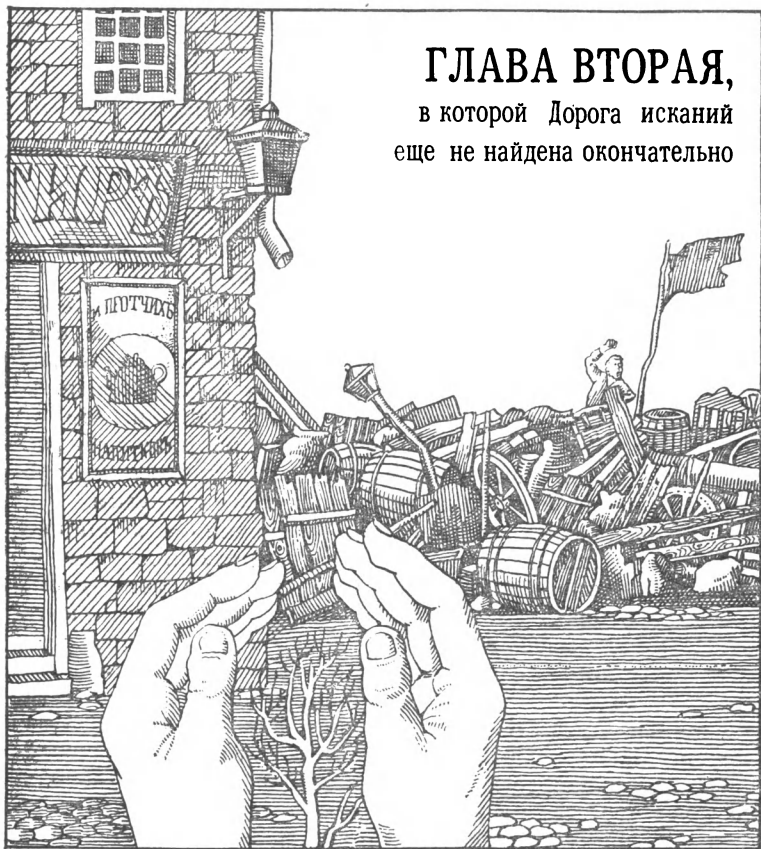
Некоторые биографы Вавилова радуются тому, что он не стал медиком, а поступил учиться в Петровскую академию. Но, вероятно, и в медицине Николай Иванович стал бы великим деятелем и принес бы не меньше пользы людям. Натура у него была столь богатой, что он паверняка прославился бы и на других поприщах. В растениеводстве ему было порой тесновато, широта интересов заставляла его увлекаться еще многим другим.

Для человека, всесторонне образованного и широко мыслящего, нет, в сущности, узкого призвания. Чем богаче его знания и шире круг интересов, тем меньше ему грозит опасность ошибиться в выборе жизненного пути.

«В мире всегда есть место подвигам», — напоминал в те годы Горький в рассказе «Старуха Изергиль», всегда есть возможность найти никем еще не проторенный и славный путь. И замечательная жизнь Николая Ивановича Вавилова служит блестящим тому подтверждением. Выбрав профессию растениевода, вроде бы довольно обычную, тихую и спокойную, он сумел придать ей новую глубину и широту, совершить немало подвигов и сделать много важных открытий, заставляя припомнить другой мудрый афоризм Горького: «Всякое дело человеком ставится, человеком и славится».

Чем дольше изучаешь жизнь Николая Ивановича Вавилова, тем все больше восхищаешься мастерством, с каким он ее сознательно, целеустремленно построил.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой Дорога исканий еще не найдена окончательно

1905—1906-е горячие годы. Первая русская революция.

На Пресне баррикады, бои, пожары. Студенческие дружины отстаивают от черносотенцев родную Петров-

скую академию, куда приходит учиться Николай Вавилов.

Кажется, все ясно: природная любознательность, интерес к естественным наукам, советы учителей, увлекательные лекции выдающихся ученых помогли сделать правильный выбор. Судьба Вавилова решена — и притом удачно, легко, без всяких колебаний.

Не стоит так думать. Только лишь кажется, будто судьба Вавилова складывается счастливо, словно сама собой. Не только на школьной скамье он тщательно искал свое призвание, обдумывал жизненный путь, взвешивал, проверял. Он продолжает это и в академии.

Вспомните, чем привлекли молодого Вавилова лекции профессора Худякова: блеск, с каким выражал старый профессор задачи науки, его яркие афоризмы... «Основы бактериологии, физиологии растений превращались в философию бытия. Блестящие опыты дополняли чары слов».

Пожалуй, пока студента-первокурсника Николая Вавилова увлекают больше самые общие проблемы, некая «философия бытия». Не столько сама наука, сколько чары слов талантливого старого профессора. А в науке надо заниматься конкретными исследованиями, иначе никакими открытиями ее не обогатишь.

И Вавилов все продолжает уточнять, настойчиво искать собственный путь в науку. На первом курсе он слушает у профессора Худякова курс физиологии растений и почвоведения, проходит практикум по бактериологии. Он так увлекается и гордится этим, что называет себя «маленьким бактериологом».

Может, в этом его призвание? Николай Иванович не спешит. Он проверяет себя не семь, а множество раз. Под руководством Д. Н. Прянишникова изучает питание растений. Но первую самостоятельную научную работу выполняет при кафедре зоологии и энтомологии, исследуя летом на подмосковных полях улиток — вредите-

лей озимых посевов. Она была удостоена премии Политехнического музея.

Но первый в своей жизни большой научный доклад Николай Иванович в 1909 году посвятил весьма широким, коренным проблемам естествознания — «Дарвинизм и экспериментальная морфология». Чувствуется, что его все время тянет к обобщениям, по-прежнему манит «философия бытия».

«Не скрою от вас и того, что стремлюсь, имею нескромное хотение посвятить себя *Erforschung Weg*»*, — пишет он девушке, которая вскоре станет его женой.

«Цели определенной, ясной, которая может быть у любого агронома, не имею, — сетует он в другом письме. — Смутно в тумане горят огни (простите за не свойственную поэтичность), которые манят... Рюмкар пишет, что если он сделал в своей жизни что-нибудь важное, нужное не только ему одному, то только потому, что он имел в виду всегда постоянно определенную конкретную цель. Увы, ясная и конкретная цель у меня облечена туманом. Но пойду. А там будь что будет...»

Он все время сужает круг поисков — от общих, довольно туманных идей и «философии бытия» нащупывает дорогу к определенной, конкретной специальности. Правда, энергии, воли и таланта у Николая Ивановича было столько, что он сумеет изменить традиционную, старинную профессию, придав ей новое направление — перекроить ее, так сказать, «по своему образу и подобию». В его лице впервые растениевод станет великим путешественником. Но это еще впереди.

Чувствуется, что все годы учебы в академии Вавилов продолжает взвешивать, проверять и уточнять, какую именно дорогу выбрать. Лекции чередуются с занятиями на опытных делянках. Летом длительные экспедиции по Северному Кавказу и Закавказью, сбор местных расте-

* Дорога-исканий (нем.).

ний, изучение древних приемов земледелия. Вавилов — один из инициаторов создания научного студенческого кружка, существующего в Тимирязевке и поныне. Все активнее он занимается исследовательской работой. Его посылают делегатом на съезд русских естествоиспытателей, потом съезд «деятелей по селекции сельскохозяйственных растений и семеноводству».

После окончания академии в 1911 году его оставляют при кафедре частного земледелия, которую возглавлял Д. Н. Прянишников, — «для подготовки к профессорской деятельности», что соответствует нынешней аспирантуре. На селекционной станции академии он начинает первую самостоятельную большую научную работу.

Настало время окончательного выбора, и Вавилов делает его. Он возвращается к своему первому увлечению — физиологии растений. Но теперь его больше всего интересуют тайны иммунитета — стойкость растений к различным заболеваниям.

Почему он выбрал именно эту область растениеводства? Вавилов, к сожалению, не оставил насчет этого подробных объяснений, хотя всю жизнь с гордостью подчеркивал: «Я патолог растений прежде всего». Вероятнее всего, Вавилова, влюбленного в жизнь во всех ее проявлениях, привлекала благородная задача защиты жизни, борьбы со всякими напастями, ей угрожающими. Вспомним, что его влекла и медицина.

Сколько трудов прилагает земледелец, воистину добывая хлеб в поте лица своего, так мечтает о щедром урожае — каково же ему видеть, как молодые всходы губят ржавчина, мучнистая роса или другие бесчисленные напасти?

Теперь благодаря открытиям Вавилова и других ученых мы знаем об иммунитете растений гораздо больше, чем в те времена, когда он только начинал свои исследования, и химия дала земледельцу мощные средства

борьбы с болезнями и вредителями. Но даже сейчас, по данным ООН, они отнимают у нас треть всех урожаев в мире, выращенных с таким трудом! Целую треть — миллиарды тонн! А ведь пока еще каждый третий человек на Земле страдает от голода.

А шестьдесят лет назад, когда Николай Иванович начинал борьбу с ними, вредители и болезни растений отнимали у земледельца не меньше половины урожая!

Молодой ученый был тогда почти единственным воином в поле. И оставалось совершенно неясно, как же вести эту борьбу. Все было неведомо и темно, — даже не бой, не сражение, еще только первая разведка. Но тем было интереснее!

Уже давно с успехом вел свои классические исследования по иммунитету у людей и животных Илья Ильич Мечников. Они произвели большое впечатление на Вавилова. Недаром свой первый труд по вопросам иммунитета растений он посвятил Мечникову.

Но никто не мог объяснить, почему одни сорта растений, да и то не везде, поражает какая-нибудь болезнь, а в других местах они оказываются не подвержены заболеванию. Передается ли иммунитет по наследству или возникает в определенных местах под воздействием среды? Можно ли сознательно выводить сорта, стойкие к различным болезням?

С характерной для него пунктуальностью Вавилов начал с изучения всей литературы, посвященной иммунитету растений, — и разыскал всего-навсего около двухсот книг и статей. Это во всем мире, на всех языках!

Все предстояло исследовать и открывать заново — и это особенно привлекало молодого ученого. А чтобы разобраться во всех загадках иммунитета, следовало серьезно заняться систематикой растений, изучением всего многообразия видов и сортов, всего богатства растений мира, — и непременно в неразрывной связи со средой,

с условиями процветания или, наоборот, угнетения каждого сорта.

Вавилов ставит перед собой неотложную задачу: как уже сейчас, немедленно, использовать естественную природную невосприимчивость некоторых форм растений для выведения новых, не подверженных болезням сортов. А для этого прежде всего предстояло выявить, разыскать эти формы и выяснить, возможно ли передать их стойкость новым сортам по наследству, для чего следовало хорошо изучить достижения и методику только что нарождавшейся новой науки — генетики.

Казалось бы, частные вопросы защиты растений от болезней оказались связанными с коренными, важнейшими проблемами биологии — с генетикой и систематикой, с экологией и эволюционным учением. Так получалось, что выбранная Вавиловым вроде бы тихая, боковая, уединенная тропинка выводила молодого исследователя на широчайшие научные просторы, требовала от него глубоких обобщений, богатой эрудиции, властно звала на дорогу дальних странствий. Или это он придавал всем проблемам поистине глобальный размах?

Так будет всю жизнь. Вавилов всегда старался разобратся до конца в манивших его загадках, пробивался в самую глубину проблем, а для этого оказывалось необходимым все расширять круг исследований, привлекать материалы из других областей науки. Так и развивался его гений — проникая все глубже в тайны бытия и постоянно расширяя фронт открытий.

И всегда его интересы определяла и направляла не одна только научная любознательность. Делая очередное открытие, Вавилов тут же задумывался: «А как применить его на практике, какую пользу сейчас, немедленно оно может и должно принести родной стране, всем труженикам земли?»

На делянках первой в стране селекционной станции Вавилов начал проверять, какие из сортов овса и пшени-

цы устойчивы к различным грибковым заболеваниям, наиболее распространенным в европейской части России. Коллекция этих культур считалась богатой, в ней были семена из различных мест России, Европы, даже Малой Азии. Все лето, с рассвета и до темна молодой исследователь проводил в поле; сеял, наблюдал за всходами, заражал их мучнистой росой и всякими ржавчинами, не только записывал результаты наблюдений, но и все тщательно зарисовывал, фотографировал.

Тысяча делянок была у него. На них Вавилов проверял шестьсот пятьдесят сортов пшеницы и триста пятьдесят сортов овса. Богатырский размах!

Он быстро перерастал учителей. Один из них, руководитель станции профессор Д. Л. Рудзинский, «дедушка русской селекции», как его любовно называли, позднее писал Вавилову:

«Мне очень совестно, когда Вы называете меня своим учителем. Ведь мы лишь совместно работали на станции самостоятельно, и я во много раз заимствовал больше от Вас, чем (Вы) от меня, и вообще на дне горький осадок, что я очень мало давал от себя моим сотрудникам, требуя от них большой работоспособности, которой я тогда был одержим...» Впрочем, и в такой скромности и самокритичности Д. Л. Рудзинский оказался хорошим наставником для молодого ученого.

Много дали Вавилову занятия в Бюро прикладной ботаники в Петербурге, где собирали и изучали коллекцию всех возделываемых в стране зерновых растений.

Весьма по-разному реагировали на болезнь всходы растений даже одного сорта, но из семян, привезенных из различных мест, и Вавилову становилось ясно: работа предстоит бесконечная. В идеале нужно собрать и проверить образцы из всех стран, со всей планеты. Чем богаче окажется коллекция, тем надежнее сможет земледелец выбирать и выращивать такие растения, которые не погубят болезни, опасные в этих краях.

И селекционер, обладая такой коллекцией, сможет создавать не поддающиеся болезням сорта, если только устойчивость эта передается по наследству, что предстояло еще выяснить.

О наследовании тех или иных признаков у растений наука в те годы знала еще очень мало. Гениальные открытия скромного монаха Грегора Менделя прошли незамеченными. Только на рубеже двадцатого столетия их заново открыли сразу Гуго де Фриз в Голландии, Карл Корренс в Германии и австрийский ботаник Эрих Чермак.

Селекция ведется по старинке, вслепую, наугад: авось и получится нужный сорт. На такие поиски уходят долгие годы, и нередко впустую. Генетика лишь рождалась — в противоречивых по результатам опытах, в горячих спорах. Пожалуй, к ней можно было с еще большим правом отнести то, что позднее великий Эйнштейн как-то сказал о кризисе в физике: «Это драма, драма идей».

В свое время всех биологов мира потрясло самоубийство Пауля Камерера, обвиненного в подтасовке результатов опытов по наследованию приобретенных признаков. Научные споры приобретали такой накал, что старые друзья становились врагами и переставали здороваться.

Надолго затянулась эта драма, и дорого она обошлась многим исследователям. А в те годы она только начиналась.

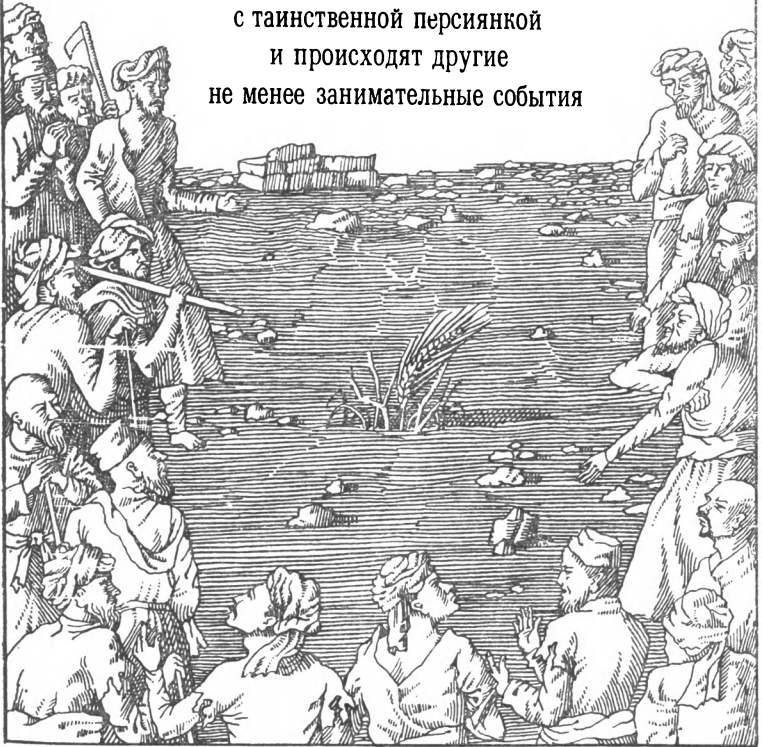
В одном из писем того времени Вавилов жалуется, что даже само слово «генетика» для многих еще непонятно и незнакомо... Практически нигде было ему в родной стране знакомиться с основами новой науки. И в 1913 году Николай Иванович отправляется в свое первое путешествие — пока еще только за знаниями, за опытом проведения генетических исследований. Он учится этому в Кембридже и в лаборатории великого Вильяма Бэтсона

около Лондона, потом во Франции у выдающегося селекционера Вильморена, чья фирма снабжала превосходными селекционными семенами многие страны мира. На следующий год Вавилов переезжает в Германию, чтобы поработать в лаборатории Эрнеста Геккеля. Но тут его застигает начало мировой войны, и молодому русскому ученому приходится спешно возвращаться на родину, чтобы не угодить в лагерь для интернированных.

По дороге погибает вместе с пароходом, подорвавшимся на mine, весь его багаж, и сам Вавилов лишь каким-то чудом остается в живых. Это первое приключение в его жизни едва не стало и последним...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой завязывается затяжной роман
с таинственной персиянкой
и происходят другие
не менее занимательные события

Его встречали как самого дорогого гостя, посланца небес. Еще за несколько верст до кишлака их поджидали всадники. Завидев Вавилова, часть из них стремительно мчалась к серым домикам кишлака, оповещая всех о при-

бытии гостя громкими выкриками и пальбой из винтовок. Остальные всадники спешили и бросались ниц в дорожную пыль. Как ни упрашивал смущенный Вавилов их подняться, все было тщетно. Только когда он проезжал вперед, воины вскакивали в седла и торжественно ехали следом, из почтительности потупив глаза.

А у въезда в кишлак их ожидало уже все население — от велика до мала. Впереди стояли на коленях в глубокой пыли самые богатые и почтенные купцы и землевладельцы. За ними — кто победнее. Чумазая детвора гроздьями висела на ветках старых карагачей и шелковицы, толпилась на плоских крышах домов. И уже тянуло со всех сторон вкуснейшим дымом, предвещавшим обильный пир.

Последнее время так повторялось в каждом кишлаке.

— Почему они нас так встречают? — допытывался Вавилов у переводчика.

Закатывая черные глаза, большие и маслянистые, как маслины, и поглаживая тщательно подстриженную, надушенную бородку, тот восторженно отвечал:

— Восточное гостеприимство, о эфенди! Они счастливы принимать у себя такого почетного гостя.

— Ну какой я почетный! Объясните им наконец.

Переводчик, словно не слыша, отводил глаза и начинал милостиво раскланиваться направо и налево. Он выглядел куда внушительней, чем гость из России...

«Вот тебе и Персия! — удивлялся Вавилов. — Какие нелепые обычаи...»

Шел 1916 год. Турция воевала против России на стороне Германии. Чтобы ударить по турецким войскам с фланга, русские полки вторглись в северную часть Персии, как тогда называли Иран. И тут среди русских солдат началась какая-то странная болезнь. Они становились шальными, словно пьяными, почти безумными. Как вести наступление с такой армией?

Полковые медики подметили, что загадочное опьяне-

ние, похоже, вызывает, казалось бы, совершенно безобидный хлеб, выпеченный из местной пшеничной муки. Возможно ли это? Чтобы выяснить, в чем тут дело, военные власти попросили министерство земледелия прислать в экспедиционные войска опытного специалиста-растениевода.

Выбор пал на Вавилова, и он с радостью согласился, хотя прекрасно понимал, что война — не самое подходящее для путешествий и занятий наукой время. В армию его не взяли — у него еще с детства был поврежден один глаз. Вавилов мог спокойно заниматься научными исследованиями.

А в Персию его влекло давно. Когда Николай Иванович высевал на делянках селекционной станции Петровки все пшеничные зерна, какие ему попадались, и проверял, поражают ли всходы различные болезни, его особенно интересовал один сорт. Он оказался совершенно не подвержен заболеванию мучнистой росой.

Поехав в Англию, Вавилов захватил с собой семена стойкой пшеницы и высеял их там. И на английских полях она не потеряла своей драгоценной стойкости в отличие от других сортов, семена которых он также привез из Москвы.

Очень интересно, но опять все загадочно! Что же определяет стойкость иммунитета: строгая, неизменяющаяся наследственность или воздействие местной среды? Было весьма важно получше изучить замечательную пшеницу. С другими сортами она скрещивалась плохо, отличалась и другими примечательными особенностями, так что Вавилов даже решил выделить ее в отдельный вид. Ее посевы были заметны издали — на гибких стеблях опушенные колосья почти черного цвета. Выглядела она мрачновато, не радовала глаз Вавилова.

Семена поступили из Европы. В каталоге немецкой семеноводческой фирмы сорт значился просто под номером 173. Но тут же было помечено, что пшеница в про-

сторечии называется «персидской». Следовало понимать, что родиной ее была Персия?

Как же можно было отказаться от возможности познакомиться с замечательной персиянкой поближе! И вот Николай Иванович спешит в Персию.

С таинственной болезнью, ради которой его сюда прислали, молодой ученый разобрался быстро. Как он и предполагал, пшеничные поля оказались сильно засорены ядовитым опьяняющим плевелом. Вавилов дал простые рекомендации: не есть местного «пьяного хлеба», как тут его называли, а снабжать пекарни мукой, привезенной из России.

Задание, с которым он приехал, было выполнено. Но Вавилов не спешил возвращаться домой. Снарядив крошечный караван, всего из трех лошадей, он отправился по пыльным дорогам, тянувшимся вдоль засоренных, убогих полей, на поиски заветной пшеницы. На одной лошади ехал Вавилов, на другой — переводчик, третья шла под вьюками. Никакой охраны у Николая Ивановича не было.

Пшеничные поля чередовались с посевами опийного мака — казалось, у подножия серых складчатых гор сели на землю отдохнуть бесчисленные мириады бабочек-лимонниц. Кружил голову густой аромат цветущего клевера-шабдара. На поливных землях, в садах и огородах, зрели душистые дыни, наливался виноград. Брызгая алым соком, начинали трескаться созревшие гранаты.

Благодатные края, щедро согреты солнцем. Но поля обрабатывались плохо, древними, примитивными орудиями. Каменистую землю еле ковыряли деревянными сохами, жалкими мотыгами. Она давала ничтожные урожаи. И селения были нищими. Но каждое старалось отгородиться от всего мира глинобитными стенами, словно крошечная крепость. В любой миг могли напасть враги: чужеземные солдаты и свои собственные, бродячие разбойничьи шайки или просто жители соседнего селе-

ния — вытоптать посевы, спалить хижины, отобрать последнее.

Вавилову часто приходили на память иронические слова Пушкина из «Путешествия в Арзрум»: «Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь. Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари, оставя голые стены и дубовые стулья своих замков, увидели в первый раз красные диваны, пестрые ковры и кинжалы с цветными камушками на рукояти. Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство и проч., но роскошь есть, конечно; принадлежность Европы...»

Со времен путешествия Пушкина в здешних краях, похоже, ничего не переменялось. Время тут словно остановилось. Народ по-прежнему прозябал в вековой темноте и убожестве, каждый помыкал им как хотел. Возились в пыли полутолые, на ножках-сничках дети, с вечным выражением голода, застывшим в глазах.

Вавилова возмущало, с какой грубой бесцеремонностью держал себя переводчик, крикливый толстый человек с наглыми глазами навывкате — его рекомендовал ему русский консул, — и как покорно, привычно испуганно раболепствуют перед ним крестьяне в попутных селениях. Наглеца приходилось то и дело одергивать. Он только мешал. Было мучительно понимать лишь отдельные слова. Вавилов решил сам учить вечерами фарсидский язык.

А тут еще новая непредвиденная помеха. Поведение Вавилова, который то и дело останавливал свой маленький караван; сворачивал с дороги и бродил по полям в поисках новых образцов местных растений, показалось подозрительным военным властям.

Николая Ивановича задержали и, несмотря на сопротивление, обыскали. Воинственные чубатые казаки, не обращая никакого внимания на его просьбы, вывалили прямо в дорожную пыль пшеничные колосья.

Не помог и открытый лист Российского министерства иностранных дел. Вавилова посадили в раскаленную, словно печка, глинобитную мазанку и послали начальнику сообщение, уже предвкушая солидную награду — до тысячи рублей золотом, которая была обещана за поимку шпиона. И какие будут указания, как с ним поступить: высылать опаснейшего преступника в Россию или расстрелять на месте?..

Николай Иванович томился под арестом, правда, недолго — всего трое суток. Но они показались очень длинными...

Особенно было обидно, что посадили в этот клоповник свои же, русские. И у двери сидел в тени с винтовкой свой, русский солдат — губастый паренек из рязанского села с глупым круглым лицом, сплошь усеянным веснушками.

Хорошо, за трое суток чиновники наверху все же разобрались. Пришел телеграфный приказ освободить путешественника. Вернули, к счастью, и все собранные образцы, сваленные в кучу и так перепутанные, что долго пришлось разбирать их.

Николай Иванович поехал дальше и вдруг, словно буквально по старинной пословице, попал «из грязи да в князи». В каждом селении его теперь встречали поклонами, устраивали торжественные церемонии, произносили пышные приветствия. Переводчик с удовольствием их переводил, причмокивая пухлыми мокрыми губами в предвкушении близкого пиршества. И пиршества действительно устраивали в каждом селении, каким бы ничем оно ни было, несмотря на все отказы и возражения смущенного ученого. На ночлег их помещали в самом богатом доме, а утром после обильного завтрака караван провожали низкими поклонами чуть не все жители селения.

Что за чертовщина? Вот и сейчас, бормоча витиеватые приветствия и пожелания счастья и благополучия высо-

кому гостю, седобородые старики норовят поцеловать его стремя, припадают к запыленным сапогам Вавилова.

Николай Иванович торопится спешиться, пытается поднять стариков с колен.

— Да помогите же, черт возьми! — кричит он переводчику. — И объясните им наконец, что мне совершенно не нравятся такие церемонии. За кого они меня принимают?

— Законы гостеприимства священны, — выпевает, укоризненно качая головой, толмач. — Нельзя обижать этих добрых людей. Они выполняют заветы аллаха, эфенди.

Как ни упирается смущенный путешественник, его бережно берут под руки и, как тяжелобольного, ведут в самый просторный и чистый дом, где уже раскинуты ковры и расставлены на них дымящиеся блюда с шашлыком и пловом, горами высятся пшеничные лепешки, гранаты, яблоки, виноград...

С чего вдруг ему устраивают пышные приемы? Вавилов не знал, что и делать. Хоть объезжай селения стороной и ночуй в поле, под топодем.

Чуть не на каждом поле Николай Иванович обнаруживал какую-нибудь новую разновидность мягкой пшеницы. Сбирать образцы приходилось под палящим солнцем, когда температура даже в тени поднималась до пятидесяти градусов. Зато никто не мешал ему. Но заветная «персидка» почему-то ни разу не попадалась. И в поисках ее Вавилов ехал все дальше, словно в азартной погоне за сказочной жар-птицей.

Николай Иванович решил обследовать поля вокруг Керманшаха. Здесь были найдены любопытные виды дикой пшеницы — не окажется ли среди них и «персидки»?

Но через древний Керманшах как раз проходила линия фронта. Все поля были изрыты окопами. И как нарочно, тот участок, где, возможно, вместе с образцами

дикой пшеницы пряталась и «персидка», оказался на «ничьей земле», между русскими и турецкими позициями!

Вавилов все же решил проникнуть туда. Нашел проводника, щедро заплатил ему. Командир части, восхищенный мужеством ученого, пообещал выделить целый отряд из полусотни казаков. Получалась такая разведка боем во имя науки.

Однако утром, когда было намечено выступить, проводника неожиданно и след простыл. И казаки не явились, им пришлось отражать неожиданное наступление турок. Попробовал было Вавилов отправиться на поиски «персидки» один. Вдруг поднялась стрельба, загремели даже орудийные выстрелы. И, опасаясь, как бы его скромная научная вылазка не привела к непредвиденному сражению, Николай Иванович, к радости переводчика, повернул в сторону от линии фронта.

Они отправились в горы, где таились среди скал редкие селения курдов. Но и здесь оказалось неспокойно. В горах рыскали басмачи, грабя всех, кто подвернется.

Переводчик со слезами в нахальных глазах умолял вернуться в Тегеран или хотя бы под защиту русских войск. Вавилов отказался:

— Чтобы снова попасть под артиллерийский обстрел или угодить в клоповник по подозрению в шпионаже? Нет, здесь, в горах, гораздо спокойнее.

— А басмачи, о эфенди!

— Басмачи днем спят, затаившись от жары в холодке, — засмеялся Вавилов. — А мы будем как раз в это время осматривать поля без помехи.

Так и вышло. Остроумное решение помогло исследователю, как потом еще не раз выручала его находчивость в богатой приключениями и опасностями жизни.

Правда, раза два в них все же стреляли, впрочем, лениво, откуда-то издалека, больше для острстки. А в

общем никто не мешал Николаю Ивановичу осматривать крошечные поля среди выжженных солнцем скал.

Его мужество и настойчивость были вознаграждены интересным открытием. Поля озимой пшеницы оказались сильно засорены рожью. Видимо, дикая рожь и была в глубокой древности просто сорняком на пшеничных полях. Лишь потом ее ввели в культуру и стали сеять специально в тех краях, где она давала урожай более высокие и надежные, чем пшеница, скажем, в России.

Вечерами в палатке, поставленной где-нибудь в укромном месте, Вавилов при свете свечи разбирал дневные находки, радуясь каждому новому колосу, и еще непременно заучивал несколько новых слов на фарси. Но вскоре приходилось гасить свечу, чтобы не привлечь внимания вышедших на ночной промысел басмачей.

Потом они снова спустились с гор в населенные долины, и переводчик опять ожил, обнаглел, сразу даже стал вроде выше ростом. И опять началась вокруг Вавилова смущавшая его загадочная возня. Обгоняя маленький караван, впереди мчалась какая-то непонятная слава. В нищих селениях ученого встречали униженными поклонами, совали в руки жалобы и петиции, резали последних барашков и раскладывали щедрое угощение на изорванных, заштопанных достарханах. И после такого торжественного приема, как заметил Вавилов, багаж переводчика увеличивался. В пору было заводить специально для него вторую вьючную лошадь. Переводчик мурлыкал, как довольный кот, и на каждом попутном базаре что-нибудь продавал или обменивал. Купил винтовку — обменял на ковер. А на следующий день у него, как в сказке, уже стало три ковра...

В одном селении Вавилову преподнесли громадную бумагу, размером чуть не с простыню. На ней было что-то написано изящной вязью, а ниже по местному обычаю во множестве приложили перстни вместо печатей самые богатые и почтенные жители селения.

«Высокочтимый и великий... Смиренно просим о великой милости...» — отдельные слова, которые понимал Николай Иванович, были словно криками о помощи.

Переводчик, прищипывая мокрыми губами, перевел всю петицию. Оказалось, это была челобитная русскому царю с жалобами на притеснения местного губернатора и с просьбой сместить его. Тщетно пытался Николай Иванович втолковать через помрачневшего переводчика, что русский царь не имеет власти над местными чиновниками, а он, Вавилов, не уполномочен принимать никакие жалобы.

Но люди, стоявшие перед ним на коленях в серой мягкой пыли, смотрели на него с такой надеждой, так упорно кланялись и не хотели взять бумагу обратно, что Николай Иванович вздохнул и сделал единственное, что мог: аккуратно сложил их петицию и бережно спрятал в карман, чтобы при возвращении передать ее русскому консулу. Какой из этого будет толк?

Переводчик повеселел. Но слово, которое особенно часто и многозначительно повторял он, показалось Вавилову особенно подозрительным: «сардар, сардар»... Высокий, почти царский титул?!

Николай Иванович не мог больше терпеть и на первом же привале загнал лукавого толмача в угол. И тот после долгих виляний и закатываний глаз покаялся...

— Вы меня выдавали за царского шурина? — опешил Вавилов. — За брата царевой жены?!

— Зато как нас везде встречали, эфенди!

— Да как вы посмели?

— Мне стало вас так жалко, когда вы сидели в тюрьме. Я решил вам помочь. Не гневайтесь на меня, о эфенди!

Сначала, рассказал переводчик, в его выдумку не поверили: что это за царский родственник, если путешествует с ничтожным караваном и без всякой охраны? А потом именно отсутствие охраны и свиты стало вроде бы

подтверждением плутовской выдумки. Видно, в самом деле, этот русский — знатный, большой человек, коли не боится ездить повсюду без охраны. И зачем ему свита, большой караван? Такой высокий гость везде дома. Он всюду должен быть принят по-царски.

Вот откуда и низкие поклоны, и загадочные петиции, и щедрые угощения, опустошавшие и без того небогатые кладовые, и подозрительные обновы наглеца переводчика!

Вавилов пришел в такую ярость, что тут же чуть не выгнал пройдоху в три шеи. Однако недостаточно он еще овладел языком, чтобы путешествовать одному, пришлось бы прервать экспедицию.

Скрепя сердце Николай Иванович был вынужден пока оставить жулика. Но теперь строго присматривал за ним, а вечерами допоздна ускоренно учил язык.

И вскоре настал день, когда Вавилов с большим удовольствием сказал поникшему толмачу на превосходном, звучном фарси:

— Убирайтесь прочь, негодяй! Я больше не нуждаюсь в ваших услугах.

Переводчик захныкал, начал униженно кланяться, поминать русского консула, который с него якобы шкуру снимет, если он позволит себе оставить уважаемого профессора одного в чужой стране...

— Вы же не нашли еще самой лучшей в мире персидской пшеницы, о эфенди! И разве найдете без меня? Мало знать язык, нужно знать и страну.

Лукавый пройдоха нащупал больное место...

Но Николай Иванович остался непреклонен.

— Я обойдусь без вас, — твердо сказал он. — Убирайтесь!

И добавил, наставительно подняв палец:

— Приказания царского шурина следует выполнять незамедлительно. Сколько раз повторять?

И жулик слабо ахнул, всплеснул пухлыми ручками и поспешил исчезнуть.

А Николай Иванович отправился дальше и весьма удобным манером — на перекладных, на тройке, как некогда странствовали путешественники по российским родным дорогам. Только ямщики выглядели необычно — тощие, полуголые, смуглые. Вавилов заговаривал с ними, и они прониклись к нему таким уважением, что по его просьбе останавливались у любого поля и терпеливо ждали, пока приветливый чужеземец соберет очередной снопок местной пшеницы.

Вавилов наслаждался знанием языка — пусть еще неполным, далеким от совершенства, но позволявшим ему разговаривать со всеми без посредников и помех.

Возле Мешхеда Николай Иванович собрал много семян великолепной пшеницы, не боящейся засухи. А на одном из полей издали приметил заветные черные колосья, и сердце у него забилося чаще.

Вавилов поспешил к ним... Мягкая пшеница, очень похожая на «персидку», но все-таки иная.

Проклятый жулик-толмач оказался прав. Николай Иванович покидал Персию, так и не найдя заветной пшеницы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой поиски приводят путешественника
на Крышу мира — к Подножию солнца

Вот это был овринг! А он-то думал, будто уже повидал все...

Каким-то чудом в трещины отвесной, как стена, скалы неведомый смельчак вбил деревянные клинья. И к

этим клиньям прикрепил висячую тропу из бревен и хвоста, присыпав их сверху щебнем, чтобы копыта лошадей не застревали между ветками.

Тропа тянется вдоль скалы, над бездной, на дне которой кривой саблей сверкает река. До нее не меньше километра, но, если присмотреться, видно, как она беснуется и пенится на острых камнях.

— Вниз не смотри! — приказал хан Кильды. — А то конец, амба. Смотри прямо перед собой. Пусти вперед лошадь, держись за ее хвост, если хочешь, — и шагай себе потихоньку. Не спеши. Лошадь умная, лошадь выведет. А вниз не смотри. Амба!

Он громогласно расхохотался по своему обыкновению и первым шагнул на висячую тропу. Вавилов зачарованно смотрел, как легко и свободно он нес по качавшимся и скрипевшим мосткам свое тучное тело, словно грациозная балерина или ловкий танцор на проволоке. Ай да хан Кильды! Ай да мирза-баши!

А ведь, увидев впервые этого толстяка, назначенного ему в сопровождающие, Вавилов совсем приуныл.

Вообще все это путешествие удивляло Николая Ивановича. Оно началось как-то неожиданно — и дальше пошло в том же духе.

На Памир он ехать вовсе не собирался. Но после путешествия в Персию осталось свободное время, было жалко его не использовать. Тем более было обидно, что заветной «персидки», ради которой, собственно, и отправился он в чужие края, найти так и не удалось. Может, ее следует поискать восточнее — в соседнем с Персией Афганистане? Ведь пограничные районы тут не раз переходили от одной страны к другой.

Но для европейских путешественников Афганистан в те годы был недоступнее Луны. Все, что мог сделать Вавилов в оставшееся теплое время длинной среднеазиатской осени, — это хотя бы пройти вдоль афганской границы, протянувшейся на полторы тысячи верст.

А по эту сторону границы высился Памир — суровые, мрачные скалы, вознесенные к самому небу. Их так и называли — Крыша мира, или Подножие солнца. Или совсем уж зловеще — Подножие смерти. И было известно об этих диких местах немногим больше того, что сообщил легендарный Марко Поло, побывавший тут шесть с половиной веков назад:

«...Поднимаешься в самое высокое, говорят, место на свете. На том месте между гор находится равнина, по которой течет славная речка. Лучшие в свете пастбища тут, самая худая скотина разжиреет здесь в десять дней. Диких зверей тут множество...

Двенадцать дней едешь по той равнине, называется она Памиром; и во все время нет ни жилья, ни травы, еду нужно везти с собою. Птиц тут нет оттого, что высоко и холодно. От великого холода и огонь не так светел и не того цвета, как в других местах, и пища не так хорошо варится...»

Насчет травы Марко самому себе противоречит: какие же без нее «лучшие в свете пастбища»? Все равно Вавилов колебался. Стоит ли карабкаться на поднебесные горы? Что там делать растениеводу, искателю высокоурожайных и стойких к болезням сортов пшеницы и других зерновых?

Но все же слабенькая надежда манила его: может быть, где-нибудь в приграничных с Афганистаном долинах и найдется пшеница. Ведь растения не признают границ, проложенных людьми. Для них границы устанавливает лишь природа.

Николай Иванович решил отправиться на Памир, и это путешествие оказалось для него полным поразительных неожиданностей...

Поначалу казалось, будто и люди и природа нарочно сговорились сорвать путешествие, помешать ему, не пустить в зачарованную горную страну. Конечно, опять стреляли. Спасаясь от мобилизации на трудовые работы,

мужчины из кишлаков убегали в горы, объединялись там в повстанческие отряды. Многие районы были охвачены настоящим восстанием. Дать Вавилову охрану военный губернатор отказался:

— Два-три казака вас не спасут, а целый отряд где взять? Все заняты на усмирении. Так что возвращайтесь, молодой человек, в Москву, ожидайте лучших времен.

Николай Иванович решил ехать без всякой охраны, на свой страх и риск. Ему дали в проводники одного из чиновников эмира бухарского, и, увидев его, Вавилов совсем приуныл. Даже среди отъездившихся приближенных эмира хан Кильды — мирза-баши, как его пышно величали, отличался удивительной тучностью.

— Семь пудов вешу, — похвастал он Вавилову, расплываясь в улыбке и любовно поглаживая необъятный живот.

Приставка «мирза-баши» к его имени как будто свидетельствовала об учености толстяка — во всяком случае, хоть писать и читать он, наверное, умеет. Это хорошо. Но его вес!

В пестром халате с серебряным поясом хан сидел на коне так величественно, что Вавилов рядом с ним выглядел скромным чиновником, сопровождающим важного вельможу.

К счастью, важничал хан Кильды недолго. На самом деле он оказался человеком простым и веселым, отличным попутчиком. Чем дальше они удалялись от эмирского дворца и углублялись в горы, тем проще, естественней держался мирза-баши. Он посылал вперед гонцов, так что в попутных кишлаках уже знали об их приезде, готовились — и в то же время не злоупотреблял властью, как тот жуликоватый переводчик. Впрочем, независимых обитателей горных кишлаков на испуг было взять трудно...

В горах хан Кильды словно помолодел. Был неутомим

в пути: умело выбирал место для ночлега, руководил разбивкой лагеря — и все это с прибаутками, веселыми шуточками. Он даже словно наслаждался трудностями, вспоминая молодость, проведенную в этих гордых горах. Хан показал себя опытным путешественником. Умел выбрать лучших лошадей и место для ночлега, быстро разжечь костер прямо на снегу, сварить вкусную похлебку из любой подстреленной птицы. Он все время рассказывал забавные истории и сам первый начинал громогласно хохотать. В горных ущельях ему вторило эхо, распутивая барсов и волков.

Мирза-баши увлекся сборами растений, помогал Николаю Ивановичу расспрашивать о них местных жителей. Он стал для Вавилова хорошим помощником. И все же Николай Иванович побаивался: как его перетаскивать через висячие мосты — овринги, сплетенные из ветвей?

О поджидавших его трудностях и опасностях Вавилов уже знал из описаний немногих путешественников, пытавшихся до него проникнуть к Подножию солнца.

«Если вы познакомитесь со всеми ужасами этой дороги, — писал один из них, — вы получите впечатление потрясающее. Это дикие утесы и скалы, по которым ползут люди с ношей за спиной. Лошадь по этим путям не пройдет. Я шел когда-то этими тропами. Переводчик моего друга из свежего и бодрого человека стал стариком. Люди седеют от тревог, начинают бояться пространства. В одном месте мне пришлось отстать, и когда я вновь догнал спутников, то застал наших двух переводчиков плачущими. Они говорили: «Туда страшно идти, мы там умрем...»

Веселенькие места! Но чем дальше они углублялись в горы, тем очевиднее становилось, что трудности дороги были вовсе не преувеличены. На военных картах зияли белые пятна со зловещими вопросительными значками. Но и там, где на карты были нанесены горные хребты и долины, они оказались очень далеки от действительности

и свидетельствовали, пожалуй, лишь о находчивости и богатой фантазии топографов...

Караван опять был маленький — шесть лошадей, всего четыре всадника: кроме Вавилова и хана Кильды, два местных проводника. Никакой охраны. Чтобы не столкнуться с отрядами восставших, приходилось идти глухими тропами, напрямую через горы, обходя населенные долины и выбирая для ночлега самые глухие кишлаки, а чаще просто разбивая палатки где-нибудь в укромном местечке.

А многие перевалы уже завалило снегом. Проход в Гарм закрывала почти отвесная скала, рассеченная глубокой трещиной. Через нее ловко перепрыгнул один из проводников, врубил в лед острый крюк, крепко уцепился за него... Второй проводник цепко ухватил товарища за ноги, и по этому живому мосту перебрались через пропасть и Вавилов, и тяжеленный мирза-баши. Но лошадей с вьюками пришлось обводить низом, окружной дорогой, через яростно kloкочущие и норвящие свалить с ног горные реки.

Они забрались так высоко, что костер еле горел, задышался в разреженном воздухе — Марко Поло говорил правду.

Дальше пошли по краю огромного ледника. Ночевали прямо на льду. То и дело приходилось вскакивать и плясать, нахлестывая себя по бокам окоченевшими руками. Не верилось, что совсем недавно и недалеко отсюда он изнывал от жары, собирая колосья на персидских полях. Казалось, это было на другой планете.

Наконец-то на третий день они сошли с ледника. Исчезло уже начавшее овладевать им предательское тупое безразличие, когда ничего не интересовало, ничего не хотелось делать. Хотелось только лечь прямо на лед и не вставать, спать, спать.

Но, оказывается, прежде времени радовался он, что эта мука кончилась. Дальше начались овринги. Николай

Иванович о них много слышал, но все же не мог представить себе, каково это — идти вдоль совершенно отвесной скалы по висячей тропе из веток, предательски трещащих и проваливающихся под ногами. И перебираться по таким висячим мосточкам через ущелья!

Было совершенно непонятно, как же прокладывали эти тропы, вбивая колья в отвесные скалы, как перекидывали через пропасти висячие мосты! Мысль об этом придавала Вавилову мужество.

И ведь надо было пройти по этим тропам не только самому, но и провести лошадей с тяжелыми вьюками. Тут уж никаких обходных дорог не было. Впрочем, лошади оказались привычными и спокойно проходили по немыслимым висячим тропам, проложенным вровень с облаками.

А тяжеленный хан Кильды? Выяснилось, что Николай Иванович совершенно напрасно за него беспокоился. Овринги, трещащие под его тяжестью, мирза-баши проходил с беспечной улыбкой на круглом лоснящемся лице.

Вот и сейчас он пошел первым и весело крикнул Вавилову:

— Что стоишь? Пускай лошадь и иди следом. Она выведет! Я жду тебя.

Хан уже благополучно перешел по оврингу, стоял на прочном выступе скалы и простирал к Вавилову руки, призывая:

— Иди, иди.

Вавилов пустил вперед лошадь. Она спокойно ступила на шаткую тропу. На всякий случай придерживаясь за лошадиный хвост, Николай Иванович тоже шагнул на овринг.

Овринг был, видно, очень старый. Его давно не приводили в порядок. Высохшие сучья с треском ломались, ноги проваливались в щели. Лошадь дергалась, приседала. Приходилось осторожно освобождать ее ноги.

Местами щели зияли так широко, что была видна река, сверкавшая далеко внизу лезвием занесенной сабли...

А тут еще в одном месте из расщелины струится ручеек, обдавая тропу ледяными брызгами. Маленький ручеек. Но сучья стали мокрыми, предательски скользили под ногами...

Слава богу, опасное место позади. Тропа расширяется. Можно передохнуть и ехать дальше.

Николай Иванович сел в седло и наклонился, чтобы поправить подпругу. И вдруг лошадь испуганно захрюкала и резко дернулась. А в лицо Вавилову неожиданно откуда-то пахнуло ветром. Проводники за спиной испуганно закричали.

Николай Иванович не мог понять, что случилось. Какая-то тень нависла над ним. Мелькнули перед самым лицом острые, загнутые когти, перья... Он услышал гневный, рассерженный клекот и совсем рядом увидел грозный, немигающий глаз...

Орел!

Вавилов не успел разглядеть, какой он породы, но размах его крыльев показался огромным. Они словно закрыли все небо.

Испуганная лошадь рвалась вперед, Вавилов еле ее сдерживал. А если она с перепугу встанет на дыбы? Это на висячей тропе над пропастью в целую версту?!

Николай Иванович не помнил, как добрался до конца овринга, бессильно сполз с дрожащей лошади и опустился на прочную, надежную, такую твердую скалу. Хаи Кильды что-то весело выкрикивали, хлопали его по плечу. Только постепенно стали доходить до сознания его слова:

— Кумай! Большой кумай*! Тут их гнездо. Вот они и рассердились. Давно тут никто не ходил. Они сделали себе гнездо. А гнезда у них знаешь какие бывают? Са-

* Местное название белоголового сипа, самого крупного из памирских орлов.

жень * в высоту, полторы в ширину. Во! — широко размахнул он ручищами. — Как башня!

Вавилов помотал головой.

— Но ты молодец! — заорал хан на весь Памир и так хлопнул Николая Ивановича по плечу, что тот едва не свалился в пропасть. — Теперь ты настоящий памирец. Тебя ничего не испугает.

Вечером, хотя глаза слипались от усталости и пережитых волнений, Николай Иванович записал об испытанном приключении в дневнике. Рука еще плохо повиновалась, мешала противная дрожь. Но, преодолевая ее, он как можно тверже написал: «Такие минуты дают закалку на всю жизнь, они делают исследователя готовым ко всяким трудностям, невзгодам, неожиданностям». И, подумав, добавил: «В этом отношении мое первое большое путешествие было особенно полезно».

Вавилов заколебался: не вычеркнуть ли эти слова? Ведь путешествие еще далеко не закончилось. Но потом решил оставить их.

И не ошибся. Было еще немало других приключений, но они только подтверждали правоту этих слов.

Когда уже остались позади ледники и овринги, Вавилов чуть не утонул при переправе через бешеную горную речку. Одна из вьючных лошадей поскользнулась на горящих камнях. Порвался повод, соединявший ее с другими лошадьми, — и ее тут же сбilo с ног. Не успели опомниться, как лошадь затащило под ледяной козырек у подножия скалы.

Пропало немало образцов, дневников. Пришлось срочно восстанавливать по памяти, пока еще не забылись, утерянные записи. Но потерянных растений вернуть было невозможно. Это печальное происшествие тоже стало уроком для Вавилова. Теперь дубликаты всех материалов он хранил отдельно.

* Сажень — старая русская мера длины — 2,13 метра.

А Памир оказался вовсе не унылой, мертвой пустыней, каким его представляли. В долинах за ледяными перекатами и ущельями, куда можно было проникнуть только по висячим тропам, скрывалась удивительная страна, сущий рай для ботаника, растениевода!

На крошечных полях, стиснутых скалами, землю для которых приходилось приносить в корзинах через горы, росла рожь с огромными усатыми колосьями и стеблями в полтора метра, чуть не скрывавшая всадника с головой! Это была явно особая разновидность — без лигул, пленчатых язычков у основания листьев.

— Ради нее одной стоило побывать на Памире! — восторженно воскликнул Вавилов.

Попадались и сорта пшеницы, еще не упоминавшиеся ни в одном каталоге или справочнике — со вздутыми колосьями и крупными зернами удивительной белизны. Их посевы не были заражены ни ржавчиной, ни мучнистой росой.

Пшеницу, рожь и ячмень сюда, видимо, завезли из южных районов бедняки, спасавшиеся в горах от притеснений и неумных поборов. И здесь, как в удивительной природной лаборатории, изолированной от всего мира, под воздействием необычных местных условий растения менялись. Возникали новые своеобразные формы, поражавшие своей пластичностью, приспособленностью к суровым природным условиям. Вавилов уже мечтал о том, как окажутся они полезны для выведения новых сортов.

Природа Памира поражала контрастами. Нешадно припекало солнце, лица путешественников стали черными от загара. Но стоило только шагнуть в тень скалы, как на коже выступали мурашки. Днем — тридцать три градуса жары, а ночью замерзала вода в котелке.

Тут шел жесточайший отбор наиболее приспособленных к этим природным условиям растений. В разреженном воздухе не хватало кислорода, — задыхались и еле горели костры, долго и плохо варилась на них пища,

правильно рассказал Марко Поло. С неба обрушивались чудовищные дозы ультрафиолетового облучения.

В этих условиях и растения вели себя необычно. Корни обыкновенного ревения разрастались до чудовищных размеров. Листья приобретали фиолетовую окраску. Ячмень, посеянный высоко в горах, вдруг начинал усиленно откладывать сахар в стеблях и листьях и становился сущим лакомством для скота, Марко Поло тоже не преувеличивал. Это потому, что сахар связывает воду в клетках растений, делая их более стойкими против холода.

Но во всех загадках памирской природы ученые разобрались лишь позднее, когда построили на Крыше мира научные станции и начали вести постоянные наблюдения. Пока же Вавилов поражался и восхищался парадоксами здешней природы. Трудное путешествие это стало для Вавилова и школой мужества, неустойчивости. На горных перевалах Памира, вознесенных под самое небо, он навсегда усвоил суровое правило, которому потом следовал неуклонно: как бы ни было трудно, начальник экспедиции идет впереди. Он стал настоящим путешественником.

Все время в этой экспедиции приходилось пересматривать шаблонные предубеждения о том, что Памир будто бы неинтересен для растениевода. Вавилов учился смотреть вокруг без всяких шор — «глазами Адама», первого человека, прежде которого еще никто здесь не проходил и ничего не видел. И это, пожалуй, было самым главным и важным, что вывез он с Крыши мира.

Каждый день в этом путешествии приносил что-нибудь новое, неожиданное. И пожалуй, последним сюрпризом явился... рояль, каким-то чудом завезенный неведомо кем по висячим тропам в глухой пограничный Хорег и украсивший местную библиотеку.

Вавилов смахнул с него пыль, неуверенно открыл

сверкнувшую черным лаком крышку. Он словно опасался, что рояль вдруг исчезнет, как мираж.

Но это был не мираж, как и книги на библиотечных полках. Николай Иванович тронул клавиши. Играть он не умел, но все же взял звучный аккорд. Перекрывая рев реки, рояль загремел ликующе и победно.

Но тут же взгляд Вавилова задержался на окне с выбитым стеклом, Николай Иванович помрачнел.

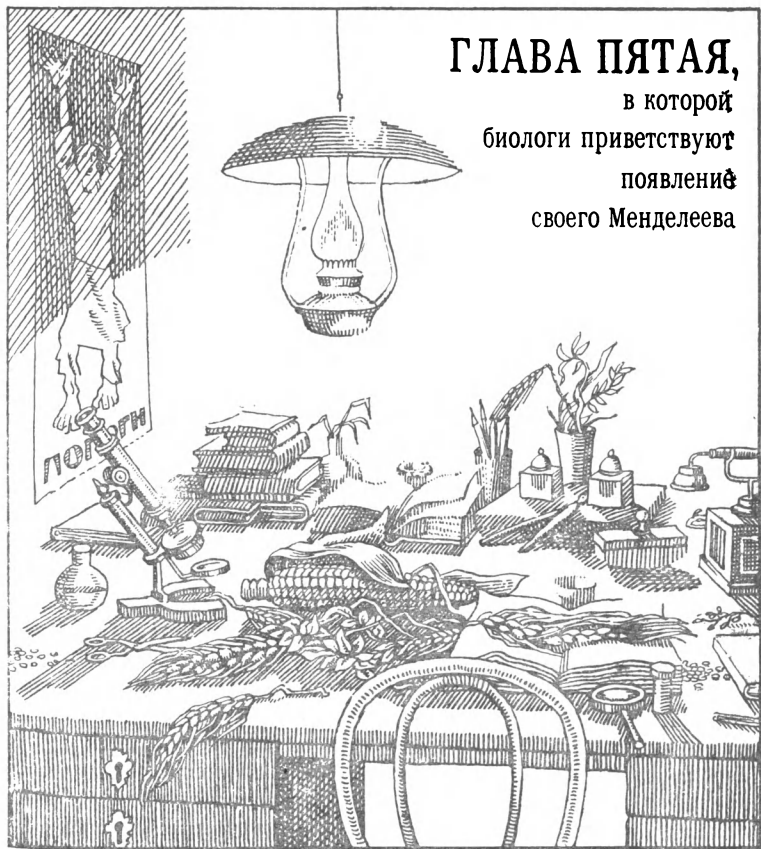
За окном, в глубине ущелья, высились горы так и оставшегося недоступным Афганистана. И родины прекрасной персиянки он ведь так и не нашел... Ликовать было рано.

...Этот затянувшийся «роман с персидской пшеницей», как Николай Иванович назовет свои поиски в одном из писем, закончится совсем неожиданно, но еще не скоро. Через шесть лет выяснится, что на поиски отчизны уникальной «персидки» вовсе не было нужно ездить так далеко. Она пряталась в горных долинах Дагестана! А кто и почему назвал пшеницу «персидской», так и останется неизвестным.

Причем еще оказалось, что по иронии судьбы совершенно не подверженным заболеванию мучнистой росой оказался лишь тот сорт, какой случайно попал в руки Вавилова. Все другие семена той же «персидки», в том числе и привезенные с Кавказа, давали всходы, которые такой стойкостью против болезни, увы, не отличались. Вот как нелегко искать нужные сорта! Очень многое зависит просто от счастливого случая. Одному повезет, другому — нет... Но тем важнее неустанно искать!

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой
биологи приветствуют
появление
своего Менделеева

1917—1923 годы... Нелегко рассказать о жизни Николая Ивановича Вавилова за этот сравнительно небольшой отрезок времени, насыщенный великими историческими событиями. В начале его Вавилов — никому еще

не известный молодой ученый, преподаватель кафедры частного земледелия высших сельскохозяйственных курсов в Саратове. А в 1923 году уже ученый с мировым именем, член-корреспондент Академии наук СССР.

Стремительный, орлиный взлет. Но внешне жизнь Николая Ивановича в эти годы тиха и небогата событиями — особенно на фоне великих перемен, охвативших Россию и всю планету: мировой войны, двух революций, гражданской войны, голода и разрухи.

Революция захватила Николая Ивановича своим высоким пафосом и благородством целей. Он понимал, какие безграничные просторы открывает она перед наукой, делая ее поистине демократичной, близкой и нужной всему народу, — и безоговорочно принял революцию, стал служить ей самоотверженно и преданно.

Недостаточно было признать Революцию — как сделали уже обремененные годами Тимирязев, Прянишников и другие старые ученые. Предстояло создавать новую демократическую науку. Николай Иванович Вавилов блестяще подходил для этой трудной, исполинской задачи: были у него молодость, широкий кругозор, глубокие знания, энергия и неутомимость, и, как обнаружилось в эти годы, умение работать с людьми, вдохновить их, увлечь.

Небольшая, но характерная деталь: Вавилову предлагают на выбор должность преподавателя сельскохозяйственных курсов в Саратове или кафедру в институте в Борогнеже. Он отказывается от профессорской должности и едет в Саратов: там ему кажется интереснее работа. Так он будет выбирать всегда: прежде всего — дело, научные интересы.

Внешне это была будничная, размеренная работа, не бросающаяся в глаза. С рассвета — в полях, на опытных делянках. Потом лекции, опыты — и при первой возможности снова в поля. Далеко за полночь не гаснет лампа на его рабочем столе, заваленном колосьями и се-

менами. День Вавилова расписан, как он любил говорить, «по получасам».

Он тщательно изучает растительные богатства засушливого Поволжья, испытывает и проверяет на своих делянках сотни местных сортов. И монографию, обобщившую эти исследования, снабжает проникновенным посвящением: «Солнечному, знойному, суровому краю, настоящей и будущей агрономии юго-востока, как дань за несколько лет приюта и гостеприимства».

Решая эти первоочередные, практические задачи, Вавилов получает все новые интереснейшие материалы и для продолжения прежних исследований.

Из двух своих первых экспедиций — в Иран и на Памир он привез около восьмисот образцов одной лишь мягкой пшеницы! Теперь его коллекция с каждым днем пополнялась образцами местных сортов. И становилось все яснее: это лишь капля из безбрежного океана растительных богатств планеты.

Идеи, возникшие во время путешествий, требовали тщательного обдумывания и проверки. Этим и занялся Николай Иванович.

Его монография «Иммунитет растений к инфекционным заболеваниям», опубликованная в 1919 году, не только обобщала все, что было известно к тому времени по этому вопросу, но и вооружала исследователей совершенно новым оригинальным подходом к проблеме.

Вавилов первым стал изучать растения, не подверженные тем или иным болезням, в неразрывной связи с природной средой и растительными сообществами, в которых они прошли многовековой путь развития. Он доказал, что естественный иммунитет у растений как раз и возникает в результате длительной совместной эволюции с их врагами — паразитами и носителями болезни. Эти враги как бы служат природными «браковщиками», уничтожая слабые растения и «отбирая» такие, у которых в результате случайных мутаций возник иммунитет к

данной болезни. Значит, стойкие к различным заболеваниям сорта нужно искать прежде всего на древней родине интересующих нас растений.

Такой подход — экологический и эволюционный — был совершенно новым и оригинальным. Идеи и открытия Вавилова подсказывали селекционерам, где именно следует искать формы с нужным иммунитетом, чтобы использовать их для выведения новых стойких сортов. Он взялся за работу с таким увлечением и размахом, что курсы вскоре преобразуют в Саратовский сельскохозяйственный институт, и Николай Иванович становится профессором.

Но не только проблемы иммунитета увлекали его. Открывались новые интереснейшие перспективы и в генетике.

За эти шесть лет Вавилов с учениками, число которых быстро росло (их веселое и шумное общежитие — коммуна метко окрестили «Вавилоном»), тщательно изучили одной лишь мягкой пшеницы тысячу семейств образцов! Выяснилось, что по шестидесяти с лишним отдельным стойким признакам среди них можно выделить около тысячи различных рас.

За ошеломляющим с первого взгляда и даже кажущимся хаотическим разнообразием растительных форм проступала, угадывалась строгая система. Ее можно и нужно было познать, изучить. Тогда поиски нужных сортов, урожайных и стойких к болезням, можно будет вести наверняка, а не наугад, вслепую.

Разработкой этой системы и занялся Николай Иванович. Его влекут проблемы самые коренные, тянет к широким обобщениям.

Грозным и тяжким выдался тысяча девятьсот двадцатый год.

Зноем дышали заволжские степи. Суховеи сжигали посевы. Надвигался страшный голод. Но, словно делая ему вызов, именно в Саратове собираются на свой оче-

редной съезд селекционеры молодой Советской страны. И главным событием съезда становится доклад профессора Вавилова «О законе гомологических рядов в наследственной изменчивости растений».

Считалось, будто передающиеся по наследству изменения генов — мутации происходят случайно и совершенно беспорядочно. Эта теория не вдохновляла, а, наоборот, обезоруживала селекционеров. Ведь ничего нельзя было предвидеть при таком своеволии природы. Но, изучив множество видов и тысячи разных сортов растений, Вавилов сумел в кажущемся хаосе подметить определенную систему.

Остроумно сказал известный генетик профессор Тимофеев-Рессовский: «Вспоминаю слова Платона: «Лошадь увидеть всякий глупец сумеет, а вот увидеть лошадиность — талант, который дается немногим». Вавилов умел видеть «лошадиность», умел находить общее среди разрозненных и, казалось бы, несвязанных явлений природы».

Вот где понадобилась и блистательно проявилась широта кругозора, присущая ему с молодости! Он показал, что в одинаковых природных условиях наследственные изменения родственных растений происходят не беспорядочно, а закономерно.

Хотя мутации и вызывают в различных растениях совершенно случайные изменения наследственности, отбираются и закрепляются возникшие новые признаки не как попало, а со строгой закономерностью — схожие у растений разных видов. Изменчивость у них происходит параллельно.

В каждом из видов пшеницы — твердой, мягкой или карликовой — одинаково есть формы озимые и яровые, с белыми колосьями и красными, с лигулами — пленчатыми язычками у основания листьев и без них. И не только разные виды пшеницы повторяют друг друга схожими формами. Обнаруживаются такие же формы и у всех дру-

гих хлебов — у ржи, ячменя, овса. Разновидности всех родственных видов растений как бы образуют параллельные ряды схожих форм. Эти ряды Вавилов предложил назвать гомологическими (в буквальном переводе греческое слово «гомология» означает согласие).

Раньше была неизвестна рожь без лигул, — Вавилов нашел ее во время путешествия по Памиру. Никто еще не видел твердой пшеницы с колосьями без остей, и селекционерам никак не удается ее вывести. Известны только безостые формы мягких пшениц. Но, значит, должны обнаружиться где-то в природе такие же формы и твердой пшеницы, нужно только настойчиво искать.

Открытый Вавиловым закон подсказывал ботаникам и селекционерам, что именно следует им искать, какие формы растений они могут обнаружить — так же как периодическая система Менделеева предсказывала, какие элементы могут рассчитывать открыть химики.

«По существу это первое крупное исследование, внесшее новый вклад в бессмертное творение Дарвина о происхождении видов.

Важнейшая философская сущность этого труда заключается в том, что Н. И. Вавилов, признавая значительную роль внешней среды в эволюции растительных форм, придавал первостепенное значение внутренним особенностям самого растительного организма как объекта эволюции, ибо направления эволюционного развития зависят прежде всего от природных возможностей самого организма. В эволюционном развитии живых организмов нет хаоса,.. изменчивость укладывается в определенные закономерности». (Академик, ВАСХНИЛ Н. А. Майсунян.)

Замечательные идеи Вавилова вооружали селекционеров точным знанием, надежным компасом взамен прежних гаданий на авось. Значение этого сразу оценили участники съезда.

«Открылся съезд в самой большой аудитории университета. Ни один доклад впоследствии не производил на меня такого сильного впечатления, как выступление Николая Ивановича, — вспоминает кандидат биологических наук А. И. Мордвинкина. — Он говорил вдохновенно, все слушали его с затаенным дыханием, чувствовалось, что перед нами открывается что-то очень большое, новое в науке.

Когда раздались бурные, долго не смолкающие аплодисменты, профессор Вячеслав Рафаилович Заленский сказал: «Это биологи приветствуют своего Менделеева».

Съезд послал специальную телеграмму:

«Москва, Совнарком, Луначарскому. Копия — Совнарком, Середе. На Всероссийском селекционном съезде заслушан доклад профессора Н. И. Вавилова исключительного научного и практического значения с изложением новых основ теории изменчивости, основанной главным образом на изучении материала по культурным растениям. Теория эта представляет крупнейшее событие в мировой биологической науке, соответствуя открытиям Менделеева в химии, открывает самые широкие перспективы для практики. Съезд принял резолюцию о необходимости обеспечить развитие работ Вавилова в самом широком масштабе со стороны государственной власти и входит об этом со специальным докладом».

Эта телеграмма и сообщения об открытии Вавилова были напечатаны в газетах рядом с боевыми сводками с фронтов и материалами о борьбе с голодом и разрухой.

Имя Вавилова сразу стало известно всем растениеводам и генетикам мира. Начиналась всемирная слава молодого ученого.

Но ему было некогда упиваться ею. Весной двадцать первого года Николай Иванович переезжает в Петроград, чтобы возглавить отдел прикладной ботаники, где когда-то проходил практику.

«Хлопот миллионы, — сообщал он в одном из писем. — Воюем с холодом в помещении, за мебель, за квартиры, за продовольствие. Попали действительно на Петроградский фронт, да еще в Кронштадтскую историю*. Должен сознаться, что малость трудноато налаживать новую лабораторию, опытную станцию и устраивать 60 человек персонала (вместе с питерскими).

Набираюсь терпенья и настойчивости...»

Этих драгоценных качеств характера Вавилову было не занимать.

Между тем страшный голод, в прошлом году лишь поразивший отдельные районы, охватывает все Поволжье. Под угрозой голодной смерти тридцать миллионов человек.

Николая Ивановича посылают в Америку. Заданий у него много: представлять молодую советскую науку на международном съезде по болезням хлебов, познакомиться с новейшими достижениями в области генетики и растениеводства и закупить лучшие сортовые семена для районов, пораженных засухой.

Океан, как нарочно, разгулялся. А Николая Ивановича всю жизнь мучила слабость, совершенно неподходящая для великого путешественника. Он страдал от морской болезни при малейшей качке, которую остальные даже не замечали. Преодолеть болезнь Вавилов пытался работой. Вот и теперь он занялся переводом своего доклада о законе гомологических рядов на английский язык.

Этот доклад, прочитанный на превосходном английском языке перед крупнейшими учеными мира, становится сенсацией. Портреты Вавилова появляются во всех газетах.

Все, встречавшиеся с Николаем Ивановичем, отмечают его редкостное обаяние.

* Имеется в виду Кронштадтский мятеж в марте 1921 года.

«Хорошо сложенный, среднего роста, с живыми глазами и большим лбом, он привлекал внимание своей внешностью и чем-то еще — то ли это была его белозубая улыбка, то ли деловитость скупых движений и глубокая сосредоточенность» (М. П. Петров, действительный член Академии наук Туркменской ССР).

«Если бы меня спросили, что больше всего запомнилось в его образе, я, не задумываясь, ответил бы: обаяние. Оно покоряло с первого рукопожатия, с первого слова знакомства. Оно исходило из его умных, ласковых, всегда блестящих глаз, из его своеобразного, слегка пепеляющего голоса, из простоты и душевности его общения.

Обаяние Николая Ивановича не было мимолетным, временным, связанным с минутами его хорошего настроения, с творческим подъемом, с удачным решением той или иной задачи... Нет, это было постоянным редкостным даром, привлекавшим и радовавшим души людей, встречавшихся на его жизненном пути» (П. А. Баранов, член-корреспондент Академии наук СССР).

Бывают обаятельными ведь и не очень богатые внутренне, просто, что называется, милые люди. Но это обаяние чисто внешнее, его хватает ненадолго. Скоро оно перестает восхищать и привлекать. Обаяние Вавилова было совсем иным, и это специально подчеркивает П. А. Баранов:

«И все же не в глазах, не в голосе, не в простоте обращения был источник обаяния Николая Ивановича. Все это внешне лишь удивительно адекватно отражало внутреннюю душевную красоту и мощь этого человека. Обаяние Николая Ивановича — это прежде всего обаяние ученого, неустанного труженика, упорно и настойчиво добывающего новые научные факты, и смелого мыслителя-теоретика, своими обобщениямидвигающего вперед науку. Обаяние Николая Ивановича — это обаяние патриота, мужественного общественного деятеля широчайшего раз-

маха, видевшего перспективы грандиозного социалистического переустройства своей родной земли и отдавшего всю свою неумную энергию и знания этому великому делу».

Вспоминает французский ученый — профессор Гайсинский: «Николай Иванович принадлежал действительно к категории весьма редких светлых людей, представляющих собой какое-то удивительное сочетание простоты и обаяния, которые сразу же вызывают чувство глубокого уважения и дружбы. Когда я ближе познакомился с ним, меня поразили и другие его черты: именно, с одной стороны, щедрость, полное отсутствие мелочности и острое внимание к нуждам других, а с другой стороны, весьма ограниченные личные потребности, глубокая культура, безграничная и бескорыстная преданность науке и непримирность к невежеству».

В 1923 году в Петрограде вышла небольшая книжка Р. А. Грегори «Открытия, цели и значение науки». Ее рекомендовал для издания и отредактировал Николай Иванович Вавилов, а перевела его жена Е. И. Барулина. Перелистывая ее пожелтевшие, ломкие страницы из скверной оберточной бумаги, читаешь:

«Самопожертвование, настойчивость, сознание долга, точность и скромность являются обычными чертами характера большинства людей науки, хотя об этом редко говорят...

Невозможно приказывать говорить правду, способность видеть и говорить правду — особый дар здоровья, который необходимо тщательно охранять. Возмездие за ложь есть ложь...

Чтобы довести научную работу до конца — нужно сознание святости научной работы, и никогда человек науки, взявшийся за труд, не бросит его, ибо он знает, что поле его исследований бесконечно, и что его работа будет оценена не по ее непосредственным результатам, но в связи с работой будущих исследователей, которые

придут ему на смену. Поэтому ученый работает не за страх, а за совесть».

Я нарочно привел довольно большую цитату. Мне кажется, эти заповеди приоткрывают перед нами какие-то черты характера самого Николая Ивановича Вавилова. Для него, как и для Грегори, в них — идеал ученого. Николай Иванович сам был таким рыцарем науки — живым, не книжным.

«Николай Иванович работал всегда, не признавая никакого отдыха. Знания его были огромны. Трудно сказать, как все это мог охватить один человек. Недаром Д. Н. Прянишников сказал мне как-то: «Николай Иванович — гений, и мы не сознаем этого только потому, что он наш современник» (Л. П. Бреславец, доктор биологических наук).

Это наука. Но Николай Иванович был велик и принципиален во всем, даже в житейских мелочах:

«Я наблюдала, — добавляет Л. П. Бреславец, — что в присутствии Николая Ивановича никогда не велись обычные разговоры, они всегда поднимались на большую высоту».

«...Не по себе ходить тут по улицам, заходить в магазины, кофейни, когда у Вас там так трудно», — пишет Вавилов из-за границы на Родину. И это не фраза, не поза. Николай Иванович всегда воспринимал и переживал общественные проблемы так же глубоко и искренне, как свои личные, точнее, не разделял их.

Вот такой человек — обаятельный, умный, доброжелательный, талантливый и веселый, в высшей степени порядочный и благородный, приехал в 1921 году в Америку. И одна из американских газет, помещая его фотографию на первой странице, написала над нею крупными буквами: «Если все русские такие, как Вавилов, нам следует дружить с Россией».

В перерывах между заседаниями съезда Николай Иванович беседует с учеными из разных стран, посещает ла-

боратории, опытные станции, институты. Каждую минуту пребывания в Америке он стремится провести с максимальной пользой. Мчится на другой конец континента, в Калифорнию, чтобы осмотреть чудо-сад Бербанка.

Вавилов одним из первых оценил значение работ И. В. Мичурина, внимательно следил за ними, всячески помогал талантливому преобразователю природы. Ему было очень интересно сравнить эти работы с достижениями прославленного американского самоучки-селекционера.

Но особенно заинтересовала Николая Ивановича замечательная коллекция семян и плодов различных растений, привезенных в Америку из многих стран.

Собственных интересных сортов США не имели. Невсегда там были введены в культуру лишь подсолнечник да земляная груша. Все остальные растения — иноземные, привозные. Самые прославленные сорта пшеницы дал Соединенным Штатам Россия.

Американцы продолжали регулярно посылать экспедиции в разные страны. Они искали и привозили в Штаты лучшие сорта всех местных растений — авось приживутся на америкапской земле. За годы мировой войны Америка еще больше разбогатела. Денег было много, их не жалели в надежде получить новые барыши.

Знакомясь с этой коллекцией, Николай Иванович решил перенять ценный опыт, по повести работу с гораздо большим размахом и совсем по-другому — на строго научной основе. Американцы искали «на авось», интересовались только отборными сортами.

А Вавилов считал, что нужно изучить все растительное богатство мира, все без исключения виды и формы растений, чтобы дать селекционерам как можно больше «красок» для создания новых сортов. Ведь еще неизвестно, какие именно растения окажутся для этого наилучшими. Надо не проглядеть ни одного «гадкого утенка»! И следует посылать экспедиции не наугад, а наверняка —

в те места, где должны найтись нужные образцы. Нельзя тратить зря народные деньги.

Закон гомологических рядов подсказывал, на какие открытия можно было надеяться, рассчитывать: что можно найти. Ну а где следовало искать интересные растения? Можно ли узнать и это? Только тогда поиски действительно удастся вести не «на авось», не вслепую, а истинно по-научному.

Эта проблема станет для Вавилова основной на долгие годы. Он будет продолжать работы по иммунитету растений, обогащать новыми оригинальными идеями и генетику, и систематику растений, и селекцию. Но во всех исследованиях Вавилов будет стремиться найти какие-то новые тропки к решению основной, самой главной задачи: как научиться наилучшим образом использовать для создания новых сортов все растительное богатство Земли, как вести поиски нужных для этого растений не наугад, а наверняка.

Первые идеи насчет этого уже возникли у Вавилова после путешествия в Персию и на Памир. Они были новыми и еще нуждались в проверке.

Было принято считать, будто земледелие зародилось в широких долинах крупных рек — Нила, Тигра и Евфрата, Ганга. А Вавилов начинал думать, что это произошло сначала в более благоприятных по природным условиям и лучше укрытых от вражеских нападений горных долинах. Об этом свидетельствовали многие признаки, и прежде всего изобилие различных форм культурных растений в таких местах. Но это еще предстояло сто раз проверить! И надо было путешествовать, посетить разные страны, познакомиться с их растительными богатствами.

Николай Иванович торопится. Его ждут голодающие крестьяне Поволжья. Он везет им не только пятьдесят тысяч пудов отборных семян для засева пораженных за-

сухой полей. Вавилов думает и о будущем. В бесчисленных ящиках тщательно упакованы лучшие семена различных культур из всех стран, где он успел побывать. Их надо использовать для создания новых сортов — самых урожайных и стойких против болезней. Письма его друзьям и помощникам на родину проникнуты нетерпением и страстной энергией:

«Вот и Кёльнский собор, позади Америка, Англия, Франция, Бельгия. Скорее надо в Питер, хочется скорее взяться за ряды, системы, починить полевые культуры Юго-Востока, проблем без конца. Надо бы повидать Baur'a, Correns'a, Lotsy, de Vries'a, Nillson'a Ehle, Johannsen'a *. Не знаю, удастся ли всех. Визы даются нелегко.

Боюсь, что год этот слишком труден в России. Скорее надо на выручку...»

«Проблем перед Россией больше, чем перед Швецией. Генетиков же еще меньше, чем в Швеции. Надо закалить себя, вооружиться с ног до головы и суметь сделать то, что кажется таким нужным и для России, и, пожалуй, для всего мира.

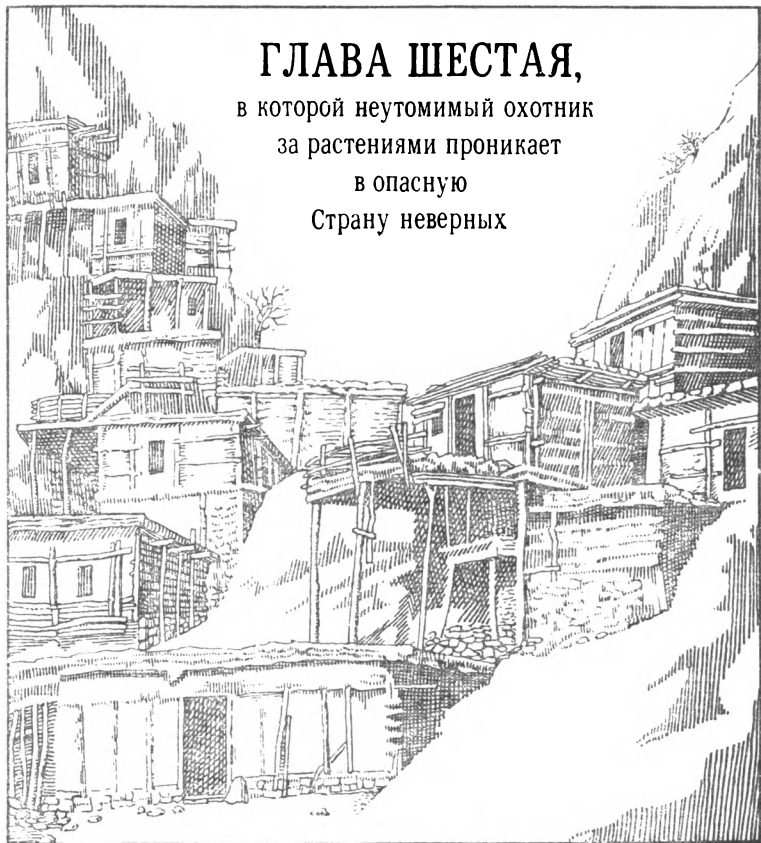
Итак (это адресуется всем), вооружайтесь языками, знанием литературы, строгой критикой к самим себе и другим. Поведем штурм».

Великие планы вдохновляют его и торопят. Растениеводство — вроде занятие для домоседов. Поля, делянки привязывают человека к земле. Странствующего земледельца трудно представить. Но именно эта прикованность к земле, к своему полю, делянке и мешала обновлению древней науки земледелия. И Вавилов смело ломает традиции.

* Баур, Корренс, Лотси, де Фриз, Нильсон Эле, Иогансон — выдающиеся генетики разных стран.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой неутомимый охотник
за растениями проникает
в опасную
Страну неверных

У висячего мостика через реку, ревевшую глубоко внизу, проводники остановились. Они о чем-то поговорили между собой, потом старший вытащил из кармана халата грязный платок, развернул его и достал четыре мо-

неты по пять рупий. Он покачал их на мозолистой грязной ладони и нехотя протянул деньги Вавилову.

— Чего вы хотите? — устало спросил Николай Иванович.

— Мы возвращаем деньги, сахиб. Не пойдем дальше Боймсы. Там живут дузт-разбойники.

Сняв фуражку, чтобы ветерок хоть немного освежил голову, Николай Иванович оглянулся на маленький караван. Вьючные лошади пошатывались, переступая дрожащими от изнеможения ногами.

Возвращаться назад? Безумие. Серые горы, поросшие арчей и колючим кустарником, стиснули ущелье. Высоко вверху голубела полоска неба, а снизу тянуло холодом и сыростью от беснующейся в камнях реки.

На сотни километров вокруг — нагромождение горных хребтов, не нанесенных ни на какие карты, мрачные долины, снежные перевалы. В укромных местах далеко одно от другого лепятся по склонам гор крошечные нищие селения. Жители их никогда не бывают у соседей, даже говорят на разных языках.

Кафиристан — Страна неверных, самый дикий и недоступный уголок Афганистана. Неужели им придется прервать путешествие, эти долины так и останутся неисследованными, неприступными? Пожалуй, удивительно, как еще они добрались сюда...

Как Вавилов обрадовался, когда наконец осуществилась его давняя мечта: летом 1924 года он смог отправиться в Афганистан!

Двери в заветную страну открыла Октябрьская революция. Страна Советов первой признала независимость Афганистана, послала в Кабул дипломатическую миссию, стала оказывать южному соседу дружескую помощь. И советские ученые стали желанными гостями в Афганистане.

Правда, с переводчиком опять не повезло: его гораздо больше привлекали спиртные напитки, чем скучная фар-

сидская грамматика, но теперь уже Николай Иванович не стал рисковать и тут же уволил пропойцу. Чтобы лучше овладеть языком, пришлось снова заниматься по вечерам. Но уж никто не мешал Вавилову объясняться с дехканами в попутных селениях, и с каждым днем он делал это все увереннее.

На сей раз у него был надежный спутник — тоже воспитанник Петровской академии, инженер-агроном Д. Д. Букинич. Он уже несколько лет работал в Средней Азии, хорошо изучил здешние условия, а главное, был человеком спокойного и твердого мужества: Николай Иванович помнил, как еще во время революции 1905 года Букинич возглавлял студенческую дружину, защищавшую родную Петровку от погромщиков.

Они ехали по древним караванным тропам. На сухих лугах, раскинувшихся у подножия серых гор, паслись стада пестрых овец и черных длинноухих коз, как в библейские времена. Изредка попадались черные шатры пастухов, кочующих вместе со своими стадами.

К полудню солнце пекло невыносимо, ехали словно по раскаленной сковороде.

А потом задолго до Герата начались поля и сады. Они постепенно сливались друг с другом. Одно селение незаметно переходило в другое. Минареты, мечети, тихие кладбища. Голубятни, такие роскошные и огромные, что путники первое время принимали их за мечети и памятники древней цивилизации. Голубей берегли и разводили повсюду. Их помет служил превосходным удобрением для полей.

Древняя земля, кто только ее не топтал! Сюда устремились ассирийцы, персы, греки, скифы, парфяне, гунны, турки, арабы, монголы. Всех привлекали цветущие оазисы и древние города, которые пышно воспевали поэты: «Ангелы, увидев Кабул, сказали: «Здесь лучше, чем на небе...»

Но Вавилова больше всего интересовали поля, огоро-

ды и базары. О эти восточные базары! Гортанные крики продавцов, которым неистово вторят ишаки. Колышутся над пестрой толпой длинные шеи верблюдов, поглядывающих на суету вокруг презрительно и надменно. Музыка и смех вокруг шатров бродячих фокусников. Запахи жарящихся шашлыков, пирожков и плова, способные пробудить аппетит у мертвого.

И разноцветные кучи всех плодов земных: пшеницы и ячменя, кукурузы, бобов. Горы сизых, словно подернутых дымкой, баклажанов, чудовищной по величине редьки, черной моркови, причудливых огурцов, изгибающихся, словно змеи.

Хотелось воспевать базары тоже пышными стихами. Глаза разбегались от невиданного изобилия удивительных форм и расцветок, казалось бы, самых обычных растений. Здесь, в стране древней земледельческой культуры, таились истоки происхождения большинства европейских растений. Не зря он так стремился в Афганистан.

Особенно заинтересовала Николая Ивановича карликовая пшеница — не боящаяся холодов и совершенно не осыпающаяся. Ее тугие колосья порой приходилось даже обмолачивать дважды, так неохотно они отдавали зерно.

Это путешествие было первой проверкой закона гомологических рядов. И он ее блистательно выдержал! Как и предсказывал закон, различные виды растений развивались схожим образом, параллельно друг другу, а не беспорядочно, как попало. Стойкие карлики обнаружили много признаков, характерных для мягких пшениц, хотя, несомненно, были особым, редким видом. И очевидно, здесь, в Афганистане, находился центр формообразования карликовой пшеницы: Вавилон вез домой, на родину, образцы целых пятидесяти ее интереснейших разновидностей!

И опять повсюду на пшеничных полях сорняком росла рожь. Теперь о ее происхождении уже не оставалось никаких сомнений.

За пять месяцев Вавилов и Букинич объездили весь Афганистан, стараясь не упустить ничего интересного. Они покупали семена червой, как уголь, моркови и гонялись по пустыне за шариками диких арбузов, катимых ветром. Все пригодится!

В октябре 1924 года путешественники вышли к ревущему среди скал Пянджу. Снова начались овринги, ледяные перевалы. И пшеница и рожь тут росли на полях такие же, какие Вавилов видел уже на Памире. Ничего нового ожидать не приходилось.

Вот он, Памир, за рекой. Достаточно переправиться через бешеный Пяндж на гупсарах — плотах из надутых бараньих бурдюков — и они дома. Можно заканчивать путешествие. Все трудности и тревоги позади.

Вьюки туго набиты колосьями и плодами. Вавилов возвращался на родину с богатым урожаем. Одних только пшениц собрано шестьсот образцов!

Но взгляд Николая Ивановича снова и снова притягивает нагромождение на карте причудливо переплетающихся горных хребтов на востоке Афганистана, на границе с Индией. Загадочная Страна неверных — Кафиристан. Населяют ее, говорят, какие-то неведомые племена, якобы потомки еще греков, воинов Александра Македонского, застрывших некогда в горных долинах. Об этих краях ходят зловещие легенды. Там не бывал еще никто из европейцев, кроме некого английского полковника Робертсона в 1891 году. С его слов и нанесены весьма примерно на карту горные хребты, а между ними зияют белые пятна с вопросительными знаками. И это совсем рядом, рукой подать...

Разве может Вавилов устоять против такого искушения? Посоветовавшись с Букиничем, он отправляет в Москву письмо о том, что задержится и вернется в Кабул через Страну неверных, а оттуда уже домой.

С любопытством приглядывались путешественники ко всему вокруг. Кишлаки нищие, но поражают своей при-

ды и базары. О эти восточные базары! Гортанные крики продавцов, которым неистово вторят ишаки. Колышутся над пестрой толпой длинные шеи верблюдов, поглядывающих на суету вокруг презрительно и надменно. Музыки и смех вокруг шатров бродячих фокусников. Запахи жарящихся шашлыков, пирожков и плова, способные пробудить аппетит у мертвого.

И разноцветные кучи всех плодов земных: пшеницы и ячменя, кукурузы, бобов. Горы сизых, словно подернутых дымкой, баклажанов, чудовищной по величине редьки, черной моркови, причудливых огурцов, изгибающихся, словно змеи.

Хотелось воспевать базары тоже пышными стихами. Глаза разбегались от невиданного изобилия удивительных форм и расцветок, казалось бы, самых обычных растений. Здесь, в стране древней земледельческой культуры, таились истоки происхождения большинства европейских растений. Не зря он так стремился в Афганистан.

Особенно заинтересовала Николая Ивановича карликовая пшеница — не боящаяся холодов и совершенно не осыпающаяся. Ее тугие колосья порой приходилось даже обмолачивать дважды, так неохотно они отдавали зерно.

Это путешествие было первой проверкой закона гомологических рядов. И он ее блистательно выдержал! Как и предсказывал закон, различные виды растений развивались схожим образом, параллельно друг другу, а не беспорядочно, как попало. Стойкие карлики обнаружили много признаков, характерных для мягких пшениц, хотя, несомненно, были особым, редким видом. И очевидно, здесь, в Афганистане, находился центр формообразования карликовой пшеницы: Вавилон вез домой, на родину, образцы целых пятидесяти ее интереснейших разновидностей!

И опять повсюду на пшеничных полях сорняком росла рожь. Теперь о ее происхождении уже не оставалось никаких сомнений.

За пять месяцев Вавилов и Букинич объездили весь Афганистан, стараясь не упустить ничего интересного. Они покупали семена червой, как уголь, моркови и гонялись по пустыне за шариками диких арбузов, катимых ветром. Все пригодится!

В октябре 1924 года путешественники вышли к ревущему среди скал Пянджу. Снова начались овринги, ледяные перевалы. И пшеница и рожь тут росли на полях такие же, какие Вавилов видел уже на Памире. Ничего нового ожидать не приходилось.

Вот он, Памир, за рекой. Достаточно переправиться через бешеный Пяндж на гупсарах — плотах из надутых бараньих бурдюков — и они дома. Можно заканчивать путешествие. Все трудности и тревоги позади.

Вьюки туго набиты колосьями и плодами. Вавилов возвращался на родину с богатым урожаем. Одних только пшениц собрано шестьсот образцов!

Но взгляд Николая Ивановича снова и снова притягивает нагромождение на карте причудливо переплетающихся горных хребтов на востоке Афганистана, на границе с Индией. Загадочная Страна неверных — Кафиристан. Населяют ее, говорят, какие-то неведомые племена, якобы потомки еще греков, воинов Александра Македонского, застрывших некогда в горных долинах. Об этих краях ходят зловещие легенды. Там не бывал еще никто из европейцев, кроме некого английского полковника Робертсона в 1891 году. С его слов и нанесены весьма примерно на карту горные хребты, а между ними зияют белые пятна с вопросительными знаками. И это совсем рядом, рукой подать...

Разве может Вавилов устоять против такого искушения? Посоветовавшись с Букиничем, он отправляет в Москву письмо о том, что задержится и вернется в Кабул через Страну неверных, а оттуда уже домой.

С любопытством приглядывались путешественники ко всему вокруг. Кишлаки нищие, но поражают своей при-

бранностью, чистотой. Повсюду посажены деревья, проложены тропинки. Дома напоминают таджикские, какие Вавилов видел на Памире, только победнее. И поля совсем крохотные, тщательно использована каждая ровная площадка. В корзинах наношена земля, из булыжников сложен заборчик. Журчат ручьи, на них много водяных мельниц.

Мужчины мрачноваты, ходят в домотканых, застиранных блузах. Женщины не носят чадры, разговаривают свободно, держатся независимо.

Край своеобразный, укрывшийся от всего мира за барьером гор. Язык непохож ни на фарси, ни на пушту. Вавилов с увлечением записывает новые названия привычных растений: «джум» — горох, «оран» — просо. Солнце по-карифски «сун», ничего общего ни с таджикским «автуб», ни с пушту — «лмар».

В самом деле, откуда взялись эти странные люди? Пожалуй, к легендарным воинам Александра Македонского они все же никакого отношения не имеют. И по облику, и по обычаям, по одежде и жилищам кафиры больше всего напоминают все-таки таджиков.

Но в другом кишлаке путешественников настороженно встречают совсем иные люди: смуглые, узколицы, похожие на испанцев или итальянцев. И говорят они на особом наречии.

А в кишлаке Вама женщины щеголяют в ярких, синих и красных, платьях с вышивкой, неожиданно напоминающей родную, российскую! Тут вообще любят всякие украшения: носят браслеты, огромные серебряные серьги, оттягивающие уши, да еще вдобавок татуируют звездочки на лбу.

Все дальше углублялся крохотный караван в укромные долины Страны неверных. Каждое селение точно крошечная отдельная страна. И названия их звучат странно, словно на разных языках: Шар, Тли, Парун, Вама.

Проводников приходится нанимать от одного селения до другого. Дальше они идти отказываются. На все распросы о дороге проводники туманно отвечают:

— Настыг! (Близко!)

А путь становился все труднее. Страна неверных не имела дорог. Их не прокладывали нарочно, чтобы сделать горные селения еще недоступней. Только козьи тропы выются по ущельям среди камней. Ноги лошадей застревают в камнях, а на перевалах копыта скользят по синему льду, и на нем остаются алые пятна крови. Приходится снимать с лошадей вьюки и тащить на себе. Пожалуй, дорога оказалась даже труднее, чем на Памире.

Путешествие по Стране неверных продолжалось всего четыре дня. Но Вавилов запомнил их на всю жизнь.

«Караван передвигается с трудом, — записывал он в дневнике. — Лошадей приходится вести, люди и лошади вязнут в снегу. Проводники выводят караван через перевал к спуску по приметам, известным им одним».

«Если принять во внимание двухдневный утомительный переход по безлюдной местности, потерю подков, израненные ноги лошадей, то из всех пройденных через Гиндукуш перевалов Парун надо считать наитруднейшим».

«23 октября... Более трудного пути за все наше путешествие по Востоку нам не приходилось встречать...»

Вавилову все чаще вспоминалась зловещая фраза из описаний одного старого путешественника: «Иностранец, которому случится попасть в Афганистан, будет под особым покровительством неба, если он выйдет оттуда здоровым, невредимым, с головой на плечах...»

А теперь?

Неужели все их страдания и перенесенные тяготы оказались напрасны и придется возвращаться? Одни, без проводников, они не выберутся из лабиринта диких скал, сгинут в нем без вести. Уж если нищие горцы даже ре-

пили вернуть деньги, выплаченные им вперед, вряд ли возможно их переубедить.

Но все-таки Николай Иванович начал уговаривать проводников. Они упрямо качали головами, деньги не брали.

Когда Вавилов совсем устал и отчаялся, его горячая, сбивчивая речь вдруг подействовала.

— Только до той вон скалы! — сказал старший проводник и начал завертывать деньги в платок.

Николай Иванович с облегчением вытер бусинки пота на лбу и улыбнулся.

Но радоваться было рано. Едва первая лошадь робко ступила на мостик, как сучья затрещали...

Лошадь провалилась, беспомощно повиснув над пропастью. Она испуганно ржала и билась, грозя вот-вот сорваться вниз, на белые от пены камни, торчавшие из воды оскаленными клыками. Стали ее вытаскивать, хотя мостик грозил обрушиться в любую минуту и всех унести в бездну.

Все-таки лошадь удалось спасти. А мост пришлось строить заново, таская с горы камни и сучья арчи. Проводники торопили, тревожно озираясь на быстро спускавшееся к вершинам гор солнце.

Наконец осторожно переправились через пропасть. Караван обогнул скалу, и проводники снова остановились.

— Гурсалик, — коротко сказал старший и махнул рукой.

Николай Иванович не рассмотрел, куда он показывает, и ничего не успел спросить. Остальные проводники, обгоняя друг друга и тревожно топоча сапогами, кинулись по тропинке назад, обратно к мосту. Старший, ничего более не сказав, поспешил за ними, придерживая халат на груди, где за пазухой у него были спрятаны деньги.

Постепенно шум, поднятый беглецами, стих. Только снизу доносился еще стук скатившихся камней да рев реки.

— Вот черти! — засмеялся Букинич. — Все-таки сбежали. Ничего не поделаешь, Николай Иванович, все пути отступления отрезаны. Только вперед! Придется дальше добираться самим. Надо успеть спуститься в селение, пока совсем не стемнело.

Они решительно двинулись вниз по тропе, к прилепившимся к склону горы убогим хижинам.

Селение напоминало кавказский аул. Только хижины были сложены не из камней, а из бревен. Но так же, как и сакли на Кавказе, они громоздились одна на другую, тесно лепились, словно пчелиные соты. Вавилов насчитал десять ярусов. Каждый этаж соединяли с другими лестницы и мостики из тонких жердей. Некоторые хижины украшала незатейливая резьба.

Селение казалось вымершим. Но вдруг Букинич потянул Николая Ивановича за рукав. Из-за угла ближайшей хижины высунулась голова в лохматой бараньей шапке. На всякий случай Вавилов начал поспешно выкрикивать приветствия на всех наречиях, какие знал.

Через несколько минут к ним настороженно вышли двое мужчин, потом, помедлив, еще трое.

Вскоре вокруг путешественников собралась уже небольшая толпа. Хозяева и незваные гости с тревогой и любопытством присматривались друг к другу.

Вавилов начал объяснять, откуда и зачем они приехали. Кафиры слушали мрачно, лица их оставались угрюмы и недоверчивы. Николай Иванович попытался ласково погладить по бритой головенке одного из ребятшек, тот испуганно отскочил.

Тогда Вавилов, улыбнувшись, кивнул и неторопливо, деловито направился прямо к ближайшему полю, видневшемуся на склоне горы. Толпа расступилась и двинулась за ним.

Поле было и так небольшим, но каменные невысокие заборчики разгораживали его на несколько совсем крохотных участков, ступеньками карабкавшихся по склону.

Вавилов еще издали заметил необычно низкорослую пшеницу. Присев на корточки, он начал рассматривать ее колосья.

Он так любовно и бережно покоил их на своей ладони, что его прекрасно поняли без перевода.

Николай Иванович нашел безошибочный путь к сердцам этих недоверчивых людей, загнанных врагами в неприступные горы. Какая речь может быть понятней и доходчивей для земледельцев всех стран, чем язык труда? Разве враг станет так ласково перебирать пшеничные зерна? Он сожжет дома и вытопчет посевы. А так поступит лишь друг, это понятно каждому без слов.

И сразу, как уже бывало не раз, все переменялось.

Люди в накидках из козьих шкур приветливо заулыбались. Посылали куда-то мальчишек. И вот уже на разостланной кем-то кошме раскладываются кучки семян пшеницы, проса, сорго, початки кукурузы...

Вечером у костра, окруженные любопытными мальчишками, прихлебывая из кружек чай, заправленный по местному обычаю солью, а не сахаром, которого тут никогда не видали, Вавилов и Букинич разбирают и упаковывают в полотняные мешочки собранные семена.

— Ну как? — с надеждой спрашивает Букинич.

— Есть кое-что любопытное, но ничего особенно интересного...

— Выходит, зря старались?

Вавилов молчит.

Наконец они благополучно выбираются из лабиринта горных хребтов. Нелегкое путешествие закончилось. Они возвращаются домой, везя с собой свыше семи тысяч образцов различных семян.

Сидя в поезде, мчавшем его в Ленинград, верный своим привычкам, Вавилов решил не терять времени и тут

же начал обрабатывать, приводить в порядок собранные материалы. Обстановка для этого была самой подходящей. В купе светло, уютно. Никто не мешает, ничто не отвлекает, все опасности позади.

Перечитывая дорожные записи, Вавилов испытывал какое-то двойственное чувство. Экспедиция была безусловно удачной: они объездили весь Афганистан, побывали даже в Стране неверных, повидали немало любопытного, собрали множество ценных образцов.

Подтверждалась и новая теория, которую давно уже обдумывал Вавилов. Пример Афганистана, как и соседнего Ирана (Персии), где Вавилов побывал раньше, подтверждал, что именно в горных долинах следовало искать древнейшие центры происхождения культурных растений. Не случайно именно в них он обнаружил такое богатство сортов и видов. Да и техника земледелия была тут весьма древней, тщательно отработанной. Очевидно, именно здесь была родина мягких пшениц.

А Страна неверных, куда они так стремились и с таким трудом проникли? Положа руку на сердце, пожалуй, следовало признать, что, рискуя жизнью, немногими образцами пополнили они тут свои коллекции.

Хотя в здешних долинах попадались весьма интересные формы пшеницы и ржи, все же явно не тут была древняя родина хлеба. Природные условия Страны неверных были уже слишком суровы для расцвета земледелия, как и Памир. Все культурные растения сюда некогда завезли беглецы, изгнанники из более плодородных долин. А то, что на новом месте растения уже успели образовать новые оригинальные формы, не встречающиеся больше нигде, говорит лишь о том, что люди заселили эти укромные долины очень давно.

Выходит, совершенно напрасно стремились они в Страну неверных, испытывая на каждом шагу такие трудности, что запомнятся они ему до конца жизни? Зря рисковали не только своими жизнями, карабкаясь по ледни-

кам и срываясь в пропасти, рискуя быть убитыми и ограбленными недоверчивыми обитателями горных селений?! Это еще полбеды. Путешественники знают, на что идут. Но ведь с ними бы погибли все собранные материалы, экспедиция оказалась бы напрасной. Никто бы не узнал о том, что они открыли.

Но ведь стало это ясно лишь после того, как они объездили весь Афганистан и побывали в Стране неверных! Для подтверждения научных теорий необходимы и «доказательства от противного». В науке напрасных поисков не бывает. Отрицательный результат так же полезен, как новые открытия. Он тоже подтверждает или опровергает выдвинутую теорию, хотя вроде никаких открытий и не произошло.

Это было исключением, лишь подтверждавшим открытый Вавиловым новый закон: земледелие зарождалось в горных долинах, но не таких изолированных и суровых по своим природным условиям, как на Памире и в Стране неверных. Все оказалось сложнее, его теория уточнялась. Нет, переносили трудности и рисковали жизнями они не напрасно.

Повеселев от этой мысли, Николай Иванович отложил дневники и перечитал открытку, которую собирался послать старому другу, доктору П. П. Подъяпольскому: «Обобрал весь Афганистан, пробрался к Индии, Белуджистану, был за Гиндукушем. Около Индии добрали до финиковых пальм, нашли прарожь, видел дикие арбузы, дыни, коноплю, ячмень, морковь. Четыре раза перевалили через Гиндукуш, один раз по пути Александра Македонского...»

«Ишь расхвастался, — усмехнулся Николай Иванович. — Впрочем, в письме старому другу можно. Надо будет не забыть послать открытку на ближайшей станции».

Вавилов сладко потянулся, распрямляя затекшую спину, и встал. Хватит работать. Помыв руки, он отправился поужинать в вагон-ресторан. Приятно после трудных

и опасных странствий вернуться к цивилизации, мчаться вот так в поезде, рассекая тьму — в чистоте и уюте, в полной безопасности...

И в тот же момент Бавилов вдруг почувствовал, что проваливается куда-то вниз, прямо под гремящие и повизгивающие колеса поезда!

Его спасла только ставшая уже рефлексом постоянная готовность к неожиданному. В последний момент локти Бавилова сами непроизвольно взметнулись, словно выросшие вдруг крылья...

Он повис на локтях над колесами на буферах вагона. Поджатые ноги его едва не задевали за шпалы, их больно секли, как пули, вылетающие из-под колес камешки гравия...

Медленно, сантиметр за сантиметром, с огромным трудом подтянувшись на дрожащих, непослушных руках, Бавилов чудом выбрался из ловушки.

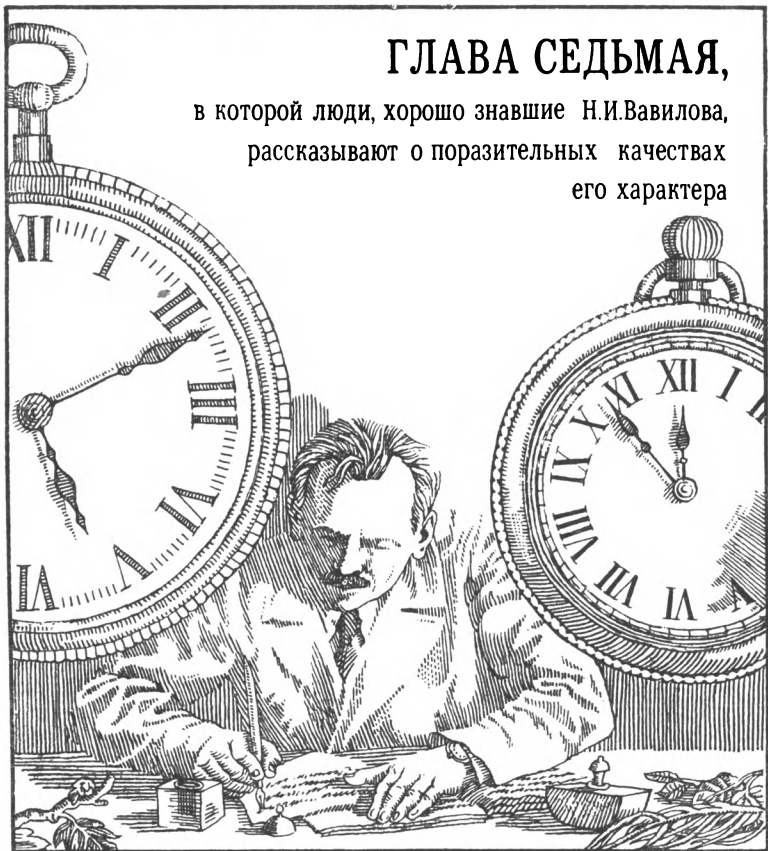
Оказывается, прицепляя вагон к ташкентскому поезду, забыли поставить переходные мостки...

«Ну, судьба кочевая! — покачал головой Николай Иванович. — Не знаешь, где и что тебя ждет. Поневоле станешь фаталистом».

Аппетит у него пропал. На нетвердых, словно чужих, ногах он побрел обратно в купе, где было так покойно и чисто...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой люди, хорошо знавшие Н.И.Вавилова,
рассказывают о поразительных качествах
его характера

Все, кто знал Николая Ивановича, отмечают его спокойное непоколебимое мужество. Оно не покидало его в самые трудные минуты, не оставляло до конца жизни. Это мужество проявилось у Вавилова уже в юности. Когда

его сестра Лидия, молодой микробиолог, умирала от черной оспы, которой она заразилась на эпидемии, он, каждую минуту рискуя жизнью, преданно ухаживал за ней до ее последнего слабого вздоха.

Таким он оставался всю жизнь. Вот что рассказывают люди, хорошо знавшие Вавилова.

«Ему всегда были глубоко противны слова «страх» и «усталость». И тем более он был строг в отношении к самому себе. Николай Иванович шел в бурю в экспедиции на Памире, прекрасно сознавая, что любой неверный шаг приведет его к гибели. И на мой вопрос ответил очень просто и спокойно: «Ведь я был начальником экспедиции и должен был идти первым» (Л. П. Бреславец).

О вынужденной посадке в Сахаре, когда они всю ночь жгли костер, а вокруг расхаживал грозно рычащий лев, Николай Иванович рассказал только жене. Но его выдал донимавший некоторое время нервный тик левой стороны лица. Товарищи по работе стали тревожно расспрашивать о причинах. Пришлось рассказать им о пережитом приключении, а то оно, наверное, осталось бы неизвестным.

Всех поражали совершенно изумительная энергия и неутомимость Вавилова.

«В саратовские годы, как и всю свою жизнь, Николай Иванович работал чрезвычайно много. Летом он выходил в поле буквально с зарей, встречи со студентами на полянках начинались в половине пятого утра; ...потом он работал весь день, и свет в его окне был еще виден в час и два ночи. То же было и в городе. Знаю, что зимой 1921 года, когда наступал «комендантский час», для Николая Ивановича доставали специальный пропуск для ночного хождения по городу.

Николай Иванович не прерывал работы и во время болезни. Летом 1919 года, живя на Гуселках, он заболел малярией. Не успевал еще закончиться приступ болезни, как он уже приглашал к себе то одного, то другого из студентов, расспрашивал о работе, давал указания. При-

ходившие всегда заставляли Николая Ивановича за книгой или рукописью и с удивлением рассказывали, что он всегда принимал их одетым в «полную форму».

За годы пребывания в Саратове Николай Иванович сделал очень много» (А. Г. Хинчук, кандидат биологических наук).

Бывший старший научный сотрудник Института растениеводства А. Ю. Тупикова вспоминает, как однажды ей довелось странствовать с Николаем Ивановичем по туркменским полям:

«Ехать приходилось на арбе или телеге, часто даже не по дорогам, а по межам через арыки или идти пешком по изнурительному зною. Николай Иванович, казалось, не знал, что такое усталость. Попадая поздно вечером в какой-нибудь кишлак на ночевку, он еще отправлялся смотреть, как производят ночью полив, беседовал с жителями кишлака, расспрашивал об агротехнике, о семенах, о болезнях хлебов, а утром чуть свет уже осматривал сельскохозяйственный инвентарь, домашнюю утварь узбеков, фотографировал, писал дневник. Не знаю, ложился ли он спать, отдыхал ли. И часто мы слышали от него фразу: «Жизнь коротка, надо спешить».

Ее рассказ дополняет кандидат биологических наук Э. Э. Аникина: «Очень удивляло туркменов, как он мало спал, мало ел, мало пил, а ходил, писал много, хорошо платил и быстро, всего за полторы-две недели совместной работы научился понимать их язык».

Художник-портретист И. Б. Стреблов жаловался на то, как трудно ему было писать портрет Вавилова, — так быстро все время менялось выражение лица Николая Ивановича.

— Если ты встал на путь ученого, — говорил Вавилов, — то помни, что обрек себя на вечные искания нового, на беспокойную жизнь до гробовой доски. У каждого ученого должен быть мощный ген беспокойства. Он должен быть одержимым.

Вспоминая эти слова Вавилова, действительный член Академии наук Туркменской ССР М. П. Петров добавляет: «И он был одержим. Не знал отдыха. Вероятно, находил его в смене видов занятий. Умел работать в любых условиях — в поезде, на скучных заседаниях. Мог назначить деловое свидание в самых неожиданных местах, даже в вагоне «Красной стрелы» по дороге в Москву».

Опытные репортеры, стараясь приноровиться к неутомимости Вавилова, брали у него интервью в поездах.

— Нет, правда, когда и как находите вы время для личной жизни? — допытывались иногда газетчики у Николая Ивановича.

— Для личной жизни? — отвечал он. — А разве наука для меня не личная жизнь?

Известный лесовод профессор А. В. Гурский вспоминает, как однажды весной Николай Иванович Вавилов посетил опытную станцию «Отрада Кубанская»: «Закрываясь плащами от проливного дождя, мы с раннего утра долго ездили по опытным участкам, и я думал: «Что заставляет академика, ученого с мировым именем, вставать на рассвете и на тачанке колесить по размокшей степи для того, чтобы посмотреть лесные посадки? Разве многие агрономы интересуются этим? Как может один человек вместить в себе большие вопросы происхождения, географии и систематики культурных растений, сложнейшие спорные проблемы генетики и сверх всего глубоко вникать в дело интродукции древесных пород в степи?»

— Нужно, — говорил Николай Иванович, — взваливать на себя как можно больше, это лучший способ как можно больше сделать.

«Жизнь коротка, проблем без конца, и стоит забирать все», — напоминает он в одном из писем.

«Приехав в Ленинград, я прямо с вокзала направился в институт, — рассказывает действительный член Академии наук УССР Н. Н. Кулешов. — Николай Иванович пригласил остановиться у него. В недавно полученной

квартире он жил пока один, мое пребывание никого особенно стеснить не могло.

К 11 часам вечера я почувствовал себя утомленным и хотел лечь. Вавилов сидел в это время за письменным столом. Работа была в полном разгаре. Он принес мне белье, одеяло, подушку, предложил устраиваться здесь же, в кабинете, на диване, загородил его какой-то ширмочкой, чем-то прикрыл лампу, и я очень быстро заснул. Проснулся в восьмом часу утра. За окном еще совсем темно, а на столе Николая Ивановича по-прежнему горит лампа, и он сидит за столом в той же позе, в какой я видел его накануне. Мне показалось, что он совершенно не спал и работал всю ночь. Но Николай Иванович ответил мне, что уже хорошо отдохнул, а теперь продолжает работу. Все дни, что я прожил у него, я ложился спать, когда он еще работал, и просыпался, когда он уже работал. Спал он ежедневно не больше 5—6 часов...

Летом 1928 года, незадолго до созревания озимых, Николай Иванович приехал к нам на станцию. В это время там был также Л. И. Говоров. За общим ужином разговор затянулся до 11 часов. На мой вопрос, когда мы на следующий день и в каком порядке начнем смотреть посевы, Николай Иванович весело ответил: «Солнышко встает рано. Начнем с озимых в четыре часа утра». Всем показалось, что это шутка, но он серьезно просил показать ему, в какое окно надо стучать к сотруднику, работающему с озимыми. У меня в это время болела нога, и я извинился, что с четырех часов в поле не буду.

В начале восьмого на лошадях я поехал в поле и еще издали увидел на озимой пшенице большую группу людей — Н. И. Вавилова, Л. И. Говорова и с ними всех сотрудников и практикантов станции. Л. И. Говоров навстречу мне шутливо закричал: «Благодетель! Отец родной! Спасайте! С четырех часов ходим, маковой росинки во рту не было!» Николай Иванович засмеялся и попросил дать ему еще полчаса до завтрака...

В течение пяти дней с четырех часов утра и дотемна Николай Иванович был на посевах. Физически очень крепкий и выносливый, он был все время весел и полон энергии. Все сотрудники и практиканты, как только у них выдавалась свободная минутка, спешили к нему. В эти дни вся станция начинала жить с четырех часов утра».

— Заходите ко мне после двенадцати на квартиру, тогда и побеседуем, сейчас не могу, — предлагает Вавилов только что поступившему в институт профессору Вульффу.

Тот удивился, взглянув на часы:

— Но ведь сейчас уже первый час.

— После двенадцати ночи, понятно, — поясняет Вавилов.

Вспоминает профессор Б. С. Мошков, проработавший вместе с Вавиловым в Институте растениеводства почти двадцать лет: «Мне, работавшему в области фотопериодизма, часто случалось бывать на территории Пушкинских лабораторий ВИРа и в 5 часов утра, и в 12 часов ночи, когда с боем Кремлевских курантов заканчивался последний на этот день опыт. И в эти, такие необычные для работы часы неоднократно появлялся Николай Иванович, или идущий с поля, или приехавший из Ленинграда.

Памятно одно утро в середине августа, уже нетеплое, сырое, с моросящим дождем. Я только что раздвинул фотопериодические кабины, открывающиеся в 5 часов утра... Вдруг послышался такой знакомый голос: «Здорово, камрад!» — ко мне на участок с огромным портфелем в руке шел Николай Иванович, успевший уже побродить по опытному полю. Был он один, без своей частой добровольной свиты, и никуда не спешил. Посмотрев на меня, сказал:

— Счастливый вы человек, хорошая у вас работа! Она не дает вам лениться. Ведь утром работать лучше всего...»

«Характерным для Николая Ивановича было его непрерывное стремление вперед, поэтому наш дорожный режим был не из легких... За Сочи остановились на 10 минут, чтобы искупаться, в Туапсе — еще на 15 минут, чтобы выпить по стакану чая. В дороге делали короткие остановки для отдыха водителей, чтобы подкрепиться бутербродами, которые Николай Иванович делал для всех сам. Таким образом, мы ехали целый день и всю ночь, в 5 часов утра были в Майкопе, а в 6 часов — уже в Шунтуках. Здесь около административного здания для встречи собрались все сотрудники... На предложение позавтракать Николай Иванович сказал: «Пойдемте прежде осматривать поля» (В. А. Алферов, бывший научный сотрудник Сухумской опытной станции).

«Н. И. Вавилов, — вспоминает профессор Б. Н. Семевский, — был неукротим, не умел отдыхать или «ничего не делать». Мне несколько раз приходилось ездить с ним поездом, плыть на судне, лететь на самолете. Едва заняв свое место, Николай Иванович доставал книги, бумаги и начинал работу... Кратким отдыхом для него была беседа со спутником...

Должен сознаться, что сопровождать в поездках Николая Ивановича физически было очень тяжело. Я был много моложе его и считал невозможным отдыхать, когда он работает, а в результате возвращался совершенно изможденным...»

«Способность моментально засыпать была его природным даром. Он с легкостью как бы выключал себя из деятельного состояния, засыпая во время поездки в автомашине, если не было интересных объектов для наблюдения, но столь же быстро и включался в рабочий ритм» (профессор Ф. Х. Бахтеев).

Работавшие с Николаем Ивановичем вспоминают, что просьба об отпуске была, пожалуй, единственной, не встречавшей у него сочувствия и поддержки.

— Зачем вам отпуск? — хмурился он. — Поезжайте

лучше на какую-нибудь опытную станцию, поработайте в поле. Это самый чудесный отдых, по себе знаю.

«Николай Иванович был очень скромен и неприхотлив. Складывалось впечатление, что ему совершенно безразлично, где спать ночью: в роскошном номере лучшего отеля или в палатке, расставленной в пустыне (пожалуй, при возможности выбора он предпочел бы последнее); что он не обращает внимания на то, что ест.

Он побывал в шестидесяти странах, но я никогда не слышал от него ни слова о Париже, Берлине, Лондоне, о жизни больших западноевропейских или американских городов. Однако очень ярко и увлекательно он рассказывал о своих экспедициях...» (Б. Н. Семевский).

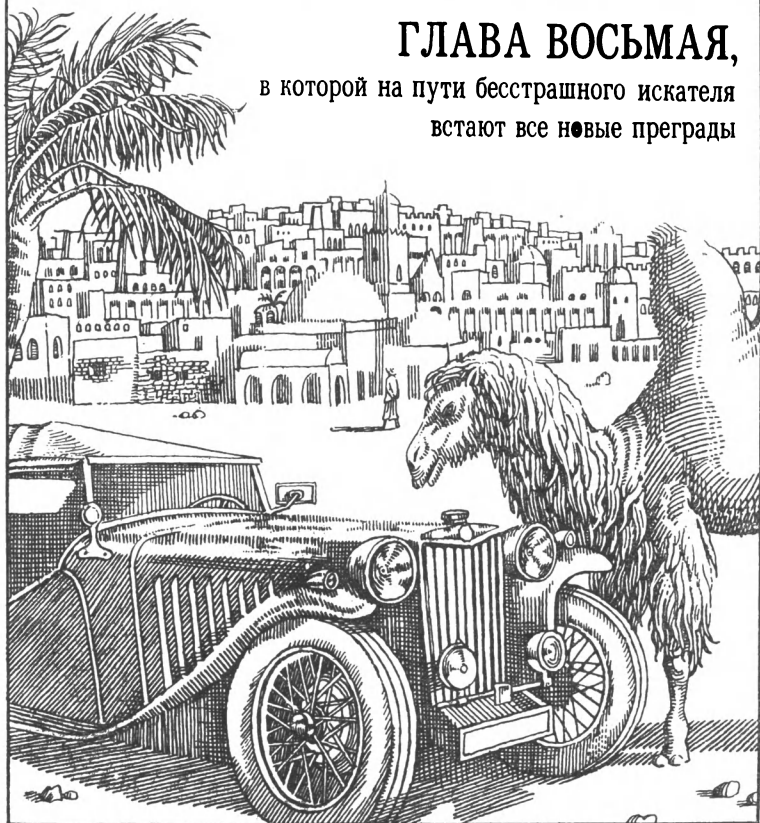
Николай Иванович любил и умел хорошо, со вкусом одеться, но никогда не ценил людей «по одежке». Однажды он сказал профессору Б. С. Мошкову:

— Обратите внимание, Левицкий часто ходит в потертых костюмах и даже локти его пиджака блестят, а ему совершенно все равно, ему просто некогда об этом думать.

«Это было сказано без всякого осуждения, — вспоминает профессор Мошков, — и даже как бы в похвалу, хотя в то же время Николай Иванович ничего не имел против того, чтобы ученый был «как денди лондонский одет», о чем я не раз от него слышал. Сам он, по-видимому, стремился к этому, но так же, как и Г. А. Левицкий, много думать об этом не мог. Во всяком случае, Николай Иванович даже в жаркие сухумские дни появлялся на опытных участках не только в костюме и шляпе, но и обязательно с галстуком, хотя иногда и съехавшим несколько на бок. Единственно, что он позволял себе, — это снять пиджак и остаться в жилете...»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой на пути бесстрашного искателя
встают все новые преграды

От раскаленного асфальта тянуло жаром, как из печки. На белые стены домов нельзя было смотреть даже сквозь темные очки. Откуда-то из прохладных недр кофейни появился босиком курчавый мальчишка, воло-

ча огромную лейку. Сверкая улыбкой, он начал весело поливать асфальт, норовя плеснуть прямо под ноги прохожим. Над асфальтом закружился пар. Дышать стало легче.

Николай Иванович вытянул ноги поудобнее и отхлебнул глоточек крепчайшего кофе из маленькой кружечки. Рядом с ней стоял запотевший стакан с ледяной водой. В этот полуденный зной было непередаваемо приятно сидеть вот так в тени полотняного навеса, отпивать вперемежку то горячего кофе, то ледяной воды и любоваться пестрой толпой, что текла, не останавливаясь, по улице мимо кофейни.

Стройные женщины в чадрах, франты в малиновых фесках. Выдубленные солнцем до черноты и сухости важные старики с белоснежными чалмами на головах. Звонкам трамваев вторят ишаки. Не обращая внимания на неистовые гудки столпившихся на углу автомобилей, медленно и величаво проходят навьюченные верблюды, презрительно поглядывают вокруг с высоты. Узорчатые тюки с таинственными товарами на их спинах вызывают в памяти сказки «Тысячи и одной ночи»...

Проводив караван глазами, Николай Иванович заказал еще кофе, достал ручку, положил перед собой гляцевитую почтовую открытку с роскошными видами дворцов и мечетей Дамаска и задумался: что писать? Подумав, он перечитал открытку, которую написал три дня назад, да так и не успел до сих пор отправить:

«Вот и в самом старом городе мира. Хотя и с бронированными вагонами, со стражей, удалось проникнуть. Город на краю пустыни, но сам весь в воде. Сады, ручьи. По корану — здесь все для рая...»

Вавилов усмехнулся и начал заполнять новую открытку.

«Я опечален, дорогая, но должен написать тебе — я поймал малярию. Будет очень неприятно, если это изменит мои планы. Первые приступы случились, когда

я был вблизи провинции Друзов (Ю. Сирия). Французские власти разрешили мне пойти в эту область.

Я нашел здесь дикую пшеницу в местах, не указанных в литературе. Теперь я тороплюсь в Бейрут, пойти к врачу. Это очень жаль, т. к. на счету каждый день и я не могу себе позволить болеть».

Про малярию пришлось написать. Вернешься домой, начнет трепать, не скроешь. Но о том, что он ездил от селения к селению с белым флагом мира и собирал колоски под обстрелом, Николай Иванович жене писать не стал. Зачем зря тревожить? Тем более, к счастью, все позади.

Отложив нарядную открытку и принимаясь за кофе, Вавилов думал о том, что все его путешествие по странам Средиземноморья проходит в преодолении бесконечных помех и преград, какие чинят то природа, то люди. И люди, пожалуй, больше.

Хотя и в Лондоне, и в Париже принимали его с большим почетом. Он уже был не только известным ученым, но и лицом официальным — директором Института прикладной ботаники и новых культур, членом правительства — ЦИКа СССР. (Впрочем, последнее обстоятельство иногда даже осложняло дело: газетчики путали ЦИК с Коминтерном, что делало Вавилова особенно опасным «красным комиссаром» в глазах чиновников.)

Во всяком случае, с визами везде было туго. Сколько пришлось истратить времени и энергии в Париже, пытаясь получить разрешение посетить страны Средиземноморья, которые тогда были владениями Франции — Марокко, Алжир, Тунис и Сирию. Спасибо, помогла «прекрасная маркиза» — госпожа де Вильморен, возглавившая после смерти супруга прославленную на весь мир семеноводческую фирму, с работой которой Николай Иванович специально приезжал знакомиться еще в молодости, в 1914 году.

Маркиза отличалась поразительной энергией. О зна-

комстве с нею Николай Иванович писал домой в юмористических тонах, но и с восхищением:

«Был у маркизы de Vilmorin. Готовился, как никогда. Был званый обед. Директор здешнего И. Прикл. Ботаники Шевалье, дети с жепами (Вильморен).

Пришел раньше времени. Входит леди. Сначала не понравилась. Возраст неопределенный. По детям лет 50—55, но и брови, и волосы, и губы крашенные. Лицо, правда, красивое. «Je suis très fatiguée *. И все такие бестолковые, глупые. Вы этого не находите». Ну, думаю, ни черта не выйдет.

Затем пригласила в свой кабинет. Весь в книгах, картинах. Показала медаль Менделя, ей лично присужденную в Брюнне...

Затем обед. Разговор, поднятый Шевалье о происхожд. культ. растений, поставил меня на ноги. Работы они мои знают. На днях подробно излагается моя книга в *Revue de Bot. applique* **.

Словом, обед сошел. С порядком блюд справился. Особенно не конфузился. Дальше с Шевалье начался разговор, что со мной делать. Тревожить ли Бриана, Пуанкаре ***. Ну, думаю, попал...»

Госпожа де Вильморен в самом деле дошла до президента Франции! Только тогда Вавилов получил визу. Префекту, оформлявшему ее, это показалось чудом: в Марокко и Сирию не пускали тогда даже французов. А тут вдруг профессор из Страны Советов. Невероятно!

Николай Иванович, пока власти не передумали, поспешил в Марсель и сел на пароход. И конечно, сразу начался шторм.

«Я чувствую, предстоит нелегкое путешествие, — писал он жене разбегающимися во все стороны буквами, по-

* Я очень устала (франц.).

** Обзорение прикладной ботаники (франц.).

*** Бывший президент республики и нынешний председатель Совета Министров. (Примеч. Н. И. Вавилова в письме.)

ка его не свалила окончательно качка. — 12 дней и ночей в лучшем случае. Но я не колеблюсь, дорогая. Это необходимо сделать по логике жизни. Это не является удовольствием, дорогая, поверь мне. От поездов, экспрессов и моря (я уже сделал, по крайней мере, 25 000 км) я получил постоянную головную боль...»

И дальше пошло все в том же печальном духе — одна преграда за другой, хотя на сей раз путешествовал Вавилов вроде по странам, которые принято считать центром цивилизации и культуры, не по забытым богом горным тропам и оврингам Памира и Кафиристана.

Тут можно было путешествовать со всеми удобствами — на пароходах, самолетах или в поездах — на выбор. И дороги везде превосходные. Но далеко ли по ним уедешь, если они упираются в полосатые пограничные шлагбаумы или перегорожены баррикадами с колючей проволокой?

Странам Средиземноморья уже надоело быть жалкими жертвами в давнем соперничестве «великих держав». Они стремились освободиться от колониальной зависимости. Повсюду гремели выстрелы, вспыхивали восстания, строили баррикады.

Жарким было лето 1925 года. В одном месте восстали кочевые племена друзов, в другом — волновались арабы. В Северной Африке давно шла затяжная «священная война» рифов с испанскими и французскими колонизаторами.

Не лучше оказалось и в Марокко. Тут Вавилову тоже приходилось объезжать селения на свой страх и риск, каждый день опасаясь ареста. Местная эмигрантская белогвардейская газетка, захлебываясь ненавистью, прямо наускивала колониальные власти:

«Большевики, забывшие одно время Алжир, снова зашевелились. Появляются какие-то профессора, интересующиеся Марокко и проникающие будто бы с научной целью. Интересно, что эти «ученые» как-то случайно выкапывают в Алжире неизвестных русской колонии рус-

ских проводников из Марокко. Интересно еще и то, что бумаги у этих господ оказываются еще в Париже приведенными в такой порядок, что придраться решительно не к чему».

Из другой эмигрантской газетки «Дни» Николай Иванович случайно узнает о том, что ему на родине присуждена только что учрежденная премия имени В. И. Ленина.

«...За внимание тронут, — пишет Вавилов жене. — Будем стараться».

Если бы все зависело только от него!

«Пробираюсь ко львам, но пока трудно с визами, — жалуется Вавилов старому другу П. П. Подъяпольскому. — Львов отгородили визными затруднениями, для нас почти непроходимыми...»

В Египет его так и не пустили. Поневоле начнешь мечтать о том, думал Николай Иванович, чтобы человечество вернулось к идиллическим временам Марко Поло. Тот мог свободно путешествовать без всяких виз через континенты и океаны, и всюду его встречали как желанного гостя. Марко мешали лишь природные опасности и преграды — штормы, горы, дикие звери.

Впрочем, и таких опасностей в этих давно обжитых местах оказалось на пути Вавилова немало.

При перелете из Рабата в Оран у самолета забарахлил мотор. Летчик, опасавшийся садиться в пустыне, начал выделывать замысловатые виражи, забыв о пассажирах, буквально катавших по кабине.

Когда мотор наконец закашлял, зачихал и снова зашелся, Николай Иванович в полубесчувственном состоянии выбрался из-под навалившегося на него другого пассажира — громадного офицера с чудовищными усами. Окончательно пришел в себя Вавилов только через несколько часов, пересев от греха в поезд.

Другой полет прервала вынужденная посадка в Сахаре, о ней уже говорилось. Прислушиваясь к грозному рычанию бродившего вокруг льва, Вавилову пришлось

всю ночь поддерживать костер, при неверном свете которого летчик пытался наладить мотор.

К утру ему это, к счастью, удалось. Они благополучно взлетели из-под самого носа взревшего особенно громко от разочарования льва.

А теперь еще вот угораздило подцепить тропическую малярию. Три дня сплошной простой, а потом недели починки, пока придешь в себя... Местные сведущие люди уверяют, будто здесь заболевших французских солдат после каждого приступа отпускают на шесть недель в отпуск. Можно вот так сидеть в кафе хоть целый день...

— Мосье профессор? — В голосе звучит удивление.

Николай Иванович поднимает голову. Возле его столика остановился высокий офицер в помятой и выгоревшей форме французских колониальных войск.

— Добрый день, мосье профессор, — прикладывает он два пальца к огромному козырьку над длинным унылым лицом. — Значит, вы не решились поехать в горы? Приехали прямо в Дамаск? Очень правильно сделали.

— Я уже вернулся, — весело отвечает Вавилов. — А вы тоже сюда приехали?

— Вернулись? — Офицер даже не пытался скрыть разочарования. — Вы побывали в горах? И бандиты вас не тронули?

— Как видите, нет. Вы напрасно опасались за меня, капитан. Я жив, невредим и собрал интереснейшие материалы. С помощью местных жителей. Вопреки вашим опасениям они встретили меня весьма дружески.

Лицо офицера каменело. А Николай Иванович продолжал светским тоном:

— Я вам очень признателен за совет. Присаживайтесь, пожалуйста.

— Благодарю вас. Но меня ждут друзья, — деревянно поклонился помрачневший офицер и, снова церемонно козырнув, тягостно вздохнул и зашагал в глубину кофейной.

Николай Иванович не мог удержаться, чтобы весело и громко не сказать ему вслед:

— Еще раз благодарю вас, капитан. Вы дали очень ценный совет. Спасибо!

Офицер не обернулся, только спина у него напряглась под выгоревшим кителем. Николай Иванович проводил его насмешливым взглядом.

С этим капитаном он познакомился в Бейруте, где Вавилова для начала арестовали, несмотря на добытую с таким трудом визу, и через весь город, пешком, как отъявленного злодея, под конвоем отправили в префектуру. Собственно, виза-то и подвела: никто из местных чиновников не мог поверить, что ее в самом деле выдали большевику, когда в Бейрут не пускают в эти горячие времена даже французов. Конечно же, она поддельная. Попался, коварный русский шпион! Снова обыскивали, обшаривали багаж, просматривали бумаги, запрашивали по телеграфу начальство. Вавилов томился в камере, вонючей, как захудалый зверинец, и не знал, чем же все кончится: вышлют его из страны как опасного «красного агитатора», аннулировав визу, или разрешат ехать дальше?

Наконец, его выпустили. Но куда ехать дальше, если весь город опоясан баррикадами, а по железным дорогам ходят только бронированные поезда? Манят поля, раскинувшиеся вдоль гор, но все дороги туда закрыты, находятся под обстрелом мятежных друзов. Как быть?

Этот унылый капитан и дал Николаю Ивановичу довольно странный совет:

— А вы привяжите, мосье профессор, на палку белый платок, знак дружелюбия, — и друзья вас не тронут. Они враждебны только к нам, французам, но не к большевикам.

Совет был явно провокационным, ибо на лбу у путешественника не написано, откуда он и с какими намерениями идет. Но Вавилов решил последовать ему. И в него действительно не стреляли, пожалуй, впрочем, не из-за

белого флага на палке, а скорее из уважения к его мужеству.

Ну а когда Вавилов брал в руки колосья или пересыпал из ладони в ладонь семена, всем уже становилось понятным без слов, что это друг, а не враг. Все повторялось, как в диких горах Страны неверных. Интерес и уважение к древнему, как мир, священному труду на земле открывали перед ним сердца крестьян во всех странах вернее, чем заветное «Сезам, откройся!» старых сказок и служили надежной защитой. Из восставших поселений Николай Иванович вернулся живым и даже невредимым, с большим запасом образцов местных растений.

Что бы с ним ни происходило, где бы он ни был и в какие бы приключения ни попадал, Вавилов отовсюду аккуратно посылал в Ленинград бесчисленные ящички, сопровождая их подробными инструкциями, как семена хранить и высевать:

«Материал посылается исключительной ценности. Многое совершенно невозстановимо... Институт должен дать в руки селекционеру источники мировых сортовых богатств. Прошу очень всех проникнуться ответственностью за материал экспедиции. Это святая святых Института».

И делает так характерную для него самокритичную приписку: «Я один плохо справляюсь с функциями исследователя и дипломата, упаковщика и писаря. И поэтому промахи возможны. Их надо иметь в виду...»

Хорошо, хоть почта здесь работала, не надо было все собранные образцы возить с собой, как на Памире и в Афганистане. И он спешил отправить их, потому что не знал, что может с ним случиться завтра...

Буквально под обстрелом Николай Иванович ухитрился добыть образцы очень интересной местной твердой пшеницы — хоранки. Она обретет вторую родину на полях Азербайджана.

Многие местные сорта пшеницы, ячменя, льна и овса, образцы которых отослал домой Вавилов, отличались

стойким иммунитетом против опасных грибных заболеваний и таких прожорливых вредителей, как шведская и гессенская мухи. Отличный материал для селекционеров!

...Николай Иванович допил кофе, расплатился и встал. Посмотрел в дальний угол, где сидел со своими приятелями долговязый капитан. Но тот нарочно устроился спиной к Вавилову, чтобы не видеть коварного гостя из России и не портить себе настроения. Усмехнувшись, Николай Иванович все же учтиво кивнул в его сторону и направился в парикмахерскую.

Можно даже подремать в удобном кресле, пока бойкий парикмахер коротко подстригает волосы. Сразу стало не так жарко...

Но тут Вавилов, пожалуй, опять слишком рано дал себе расслабиться, посчитав, будто все опасности позади...

Его подстерегало еще одно приключение — на сей раз, к счастью, не столь опасное.

Разнежившийся путешественник почувствовал, как почему-то резко запахло спиртом. В следующий момент он поспешно вскочил на ноги, схватившись обеими руками за голову...

Голова у него вдруг вспыхнула!

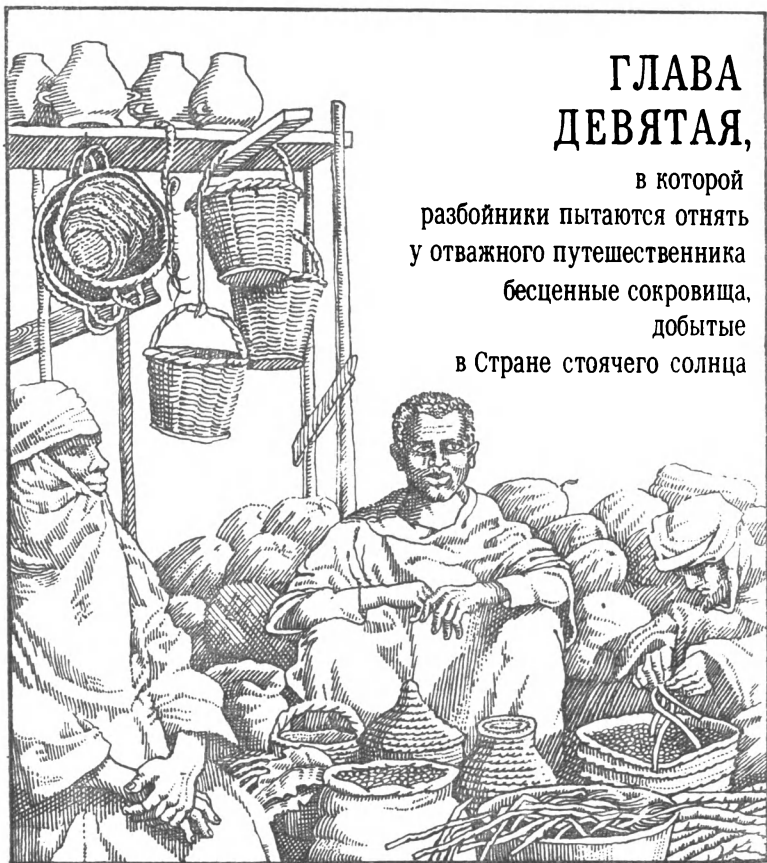
Хорошо, огонь тут же погас. Вавилов стоял посреди парикмахерской, держась за опаленную голову, и, ничего не понимая, озирался вокруг. Что случилось?

А на него с таким же тревожным недоумением смотрели парикмахеры и другие клиенты. Что напугало странного европейца? Разве он не знает, что после стрижки голову обязательно полагается по местным обычаям смазать спиртом, а потом опалить оставшиеся волоски? Это весьма гигиенично.

Сдерживая смех, Николай Иванович подумал, что бесстрашным путешественником, готовым решительно к любым неожиданностям, наверно, стать вообще невозможно — настолько они могут оказаться необычными в каждой стране...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой
разбойники пытаются отнять
у отважного путешественника
бесценные сокровища,
добытые
в Стране стоячего солнца

В селениях, которые они проходили, их предупреждали, испуганно округлив глаза и понизив голос:

- Дальше идти опасно.
- Там разбойники, господин!

— Очень много бандитов!

Николай Иванович только улыбался. Сколько раз его уже стращали разбойниками. И вот на тебе...

Чтобы успокоить караванщиков, пугавшихся каждого пороха в густых зарослях сорго, тесно обступивших тропу, Вавилов шел впереди.

И вдруг, преграждая им дорогу, из зарослей вышли пятеро весьма зловещего вида. Все с ружьями. У двоих еще кинжалы за поясами. Лица свирепые, хмурые. Смотрят враждебно. Одеты, как и все эфиопы, в белые рубахи и такие же штаны, умирительно похожие на родные российские кальсоны. Но у самого рослого, по всем замашкам — главаря, на курчавой седеющей голове памятный и потрепанный пробковый шлем, заставляющий тревожно задуматься о судьбе его прежнего владельца...

Караван остановился. Они стояли и внимательно рассматривали друг друга. Стало вдруг слышно, как в зарослях неистово трещат цикады.

Николай Иванович заметил, как на лбу главаря выступили крупные капли пота. Значит, боится. Тревожится. Не уверен.

Вавилов потом не мог бы сказать, сколько длилось молчаливое испытание нервов. Казалось, бесконечно. А Николай Иванович не выспался, у него зверски болела голова.

Ночью тоже не обошлось без приключений. Николай Иванович поздно засиделся, заполняя дневник при свете тусклого походного фонаря. Случайно глянул на пол — и обомлел, не сразу понял, что происходит.

Ему показалось, будто брезентовый пол палатки шелкнется. Что за чертовщина? Рехнулся он, что ли?! Николай Иванович протер глаза...

Весь пол был усеян спешившими на огонек громадными скорпионами и черными ядовитейшими фалангами! Вавилов так громко вскрикнул, что проводник проснулся, заорал благим матом и, как заяц, сиганул прямо с койки

в дверь, едва не повалив палатку. Николай Иванович, слыша противный хруст под ногами, выскочил за ним.

Что было делать? Лечь спать на улице, прямо на траву опасно: еще больше наползет всякой нечисти, да и змей полно кругом. Приплясывать вот так всю ночь, озираясь вокруг? Нет, надо как-то освободить палатку от непрошенных гостей.

Первым побуждением было дотянуться до фонаря и погасить его. Но часть проклятых насекомых наверняка останется в палатке, спрячется в укромных уголках. Спокойного сна уже не будет.

— Эврика! — воскликнул Вавилов.

Осторожно дотянувшись, он медленно, указывая путь, вытащил горящий фонарь из палатки. Фаланги и скорпионы двинулись за фонарем, к свету.

— Сейчас мы упорядочим их движение, — засмеялся Вавилов.

Он так повернул стекло фонаря, чтобы свет падал на землю узким лучом. И все насекомые, торопя друг друга, двинулись по этой освещенной дорожке. Николай Иванович уводил их все дальше, отодвигая манящий фонарь. Вскоре палатка была надежно очищена от неприятеля. Находчивость снова выручила его.

А теперь? После бессонной ночи он еле держится на ногах, а надо стоять, не показывая страха, перед этими громилами. Какое глупое занятие: кто кого перестоят! А глаза слипаются. В них вертятся радужные круги... Еще, чего доброго, он потеряет сознание, свалится от солнечного удара. Только этого не хватало. Тогда караван погиб. Вся экспедиция пропала! Разграбят все материалы...

Разбойник в шлеме вдруг что-то хрипло проговорил и неумело поклонился, зажав винтовку под мышкой.

— Что он говорит? — спросил Вавилов у переводчика.

Сам он понять ничего не мог: голос хриплый, тон враждебный, выражение свирепое, а в то же время кла-

няется и даже вроде попытался расшаркаться босой ногой. Станный разбойник.

— Он желает чужестранцу доброго здоровья, — неуверенно перевел толмач.

— Ах так! Взаимно, взаимно!

Сняв шлем и помахивая им с приветливой улыбкой, Николай Иванович громко и торжественно произнес все приветствия и добрые пожелания, какие успел выучить на языке эфиопов.

«Удивительная страна. Пожалуй, более забавного и необычного путешествия у меня еще не было», — думал он тем временем.

Можно сказать, даже попал он в Абиссинию (как тогда называли обычно Эфиопию) неожиданно для себя. Вавилова очень огорчило, что не пустили его британские колониальные чиновники в Египет. Получалось, проехал он лишь по Северной Африке, а какие растительные богатства скрываются в глубине Черного континента, — оставалось загадкой. Обидно.

А если попробовать заехать еще южнее — в Абиссинию и Эритрею? Когда не удастся прямая атака в лоб, следует зайти с тыла...

Все знающие люди качали головами: Абиссиния — совершенно закрытая страна. Она даже не имеет дипломатических представителей ни в одной европейской столице.

«Но, может, это и хорошо? — подумал Николай Иванович, уже научившийся за время странствий по разным странам не поддаваться никаким предубеждениям и всегда быть готовым к любым неожиданностям. — Может, и хорошо, что на Абиссинию еще не наложили тяжелую лапу колонизаторы: некому чинить и преграды...»

А кроме того, такой уж был у Вавилова характер, что препятствия лишь удесятворяли его энергию и настойчивость. Чем больше их вставало на пути, тем упорней он стремился к своей цели.

Но нет, ничего не получалось. Даже самая энергичная женщина на свете — госпожа де Вильморен на сей раз ничем не смогла помочь. Все просьбы о визе попросту оставались без ответа — «как глас, вопиющий в дебрях абиссинской дипломатии», — грустно сообщал Николай Иванович на родину. Все, чего удалось добиться благодаря помощи «прекрасной маркизы» и самых влиятельных друзей, ученых, — это разрешения посетить Эритрею, бывшую тогда итальянской колонией. Придется удовлетвориться этим. Близок локоть, а не укусишь...

По дороге в Эритрею случайно познакомился на пароходе Николай Иванович с попутчиком — неким господином Карлем, бывшим директором Департамента земледелия на Мадагаскаре. Оказалось, тот читал работу Вавилова «О происхождении культурных растений» и очень высоко ее оценил.

Когда приплыли в Джибути — столицу Французского Сомали и настало время сходить на берег, мосье Карль решил проводить Николая Ивановича к губернатору и замолвить за него словечко. Может, здесь, на месте, проще получить визу в заветную Абиссинию? До нее ведь рукой подать. Вон она, за теми выжженными горами, похожими на хребет какого-то доисторического чудовища, так и не доползшего до моря.

— Визу? — удивился капитан парохода, регистрировавший всех, кто сходил на берег. — А зачем господину профессору виза? Садитесь на поезд и поезжайте в Аддис-Абебу. Вон он, дымит среди хижин, видите? Там станция. Тут не знают никаких виз. Дикий народ, мосье.

Николай Иванович выслушал его с недоверием. Но местные жители подтвердили: никаких виз на въезд в Абиссинию вообще не требовалось!

Неудивительно, что абиссинские чиновники даже не отвечали на просьбы о визе. Возможно, они и не знали, что это такое...

Еще не веря в удачу, Вавилов попрошался с любезным

господином Карлем и поспешил занять место у окна в одном из четырех игрушечных вагончиков. Прозвенел звонок, и вагончики неторопливо покатались за таким же игрушечным паровозом. Из громадной трубы его поднимались в небо густые клубы черного дыма.

Абиссинское нагорье высилось посреди саванны величественным неприступным замком. Приближаясь, горы становились все выше. Чтобы вскарабкаться на них, пришлось прицепить второй паровозик. Они пыхтели, выбиваясь из сил.

Поезд шел толко днем. На ночь останавливались. И на первой большой станции Вавилов решил сойти. На границе никто документов у него не проверял. Но, может, случайно? Стоит ли искушать судьбу и дальше? В столице власти будут наверняка бдительнее. Надо начать сбор семян и растений уже сейчас. Даже если его потом выдворят из страны, он уже будет иметь хоть какое-то представление о се растительных богатствах.

Наняв по проверенной традиции совсем небольшой караван, Николай Иванович двинулся по каменистой дороге, извивавшейся среди полей. И сразу начались открития!

Пшеничные поля поражали невероятной пестротой разновидностей. И почти все оригинальные сорта, эндемики, не похожие на те, что видел Вавилов в других странах. Нашлась даже пшеница с какими-то сказочными фиолетовыми колосьями! Хлеб из нее по вкусу напоминал ржаной.

А багровый ячмень, поля которого издали можно было принять за цветущий мак!

Нигде больше в мире не встречались тэфф — мелкое просо, из которого получали превосходную муку для блинов, масличный нуг с черными семенами.

Вавилов радовался вдвойне, потому что эти находки окончательно подтверждали его теорию о горных центрах происхождения культурных растений. С каждым шагом

становилось все очевиднее: в горах Абиссинии ему повезло обнаружить еще один такой центр.

Новых видов попадалось так много, что вскоре все выючные тюки оказались набиты колосьями и семенами. А ведь он обследовал лишь один Харарский район! Николай Иванович поспешил отправить в Ленинград сорок посылок, по пять килограммов каждая, и поехал в Аддис-Абебу с твердым намерением сокрушить любые преграды, но непременно исследовать всю Абиссинию.

Но преград, похоже, в самом деле не было, как и вокзала в столице Эфиопии. Просто поезд останавливался в чистом поле, возле города. Впрочем, вокзал был, пожалуй, не очень нужен, поскольку, кроме этой короткой линии, соединявшей столицу с портом Джибути, железных дорог в стране не было.

Неужели запреты и преграды существуют лишь в напуганном воображении европейцев? Пожалуй, слухи о них защищали страну от назойливых визитеров надежнее, чем наглухо закрытые границы...

Советского ученого пожелал увидеть и тепло принял сам регент — рас Тафари, будущий император Хайле Селассие. Николай Иванович подарил ему карту земледелия СССР, только что составленную молодым Институтом прикладной ботаники, и свою книгу о центрах происхождения культурных растений — на английском языке.

Рас поблагодарил, пообещал выдать открытый лист для свободного путешествия по всей стране, но выразил удивление: что привело ученого гостя в такую нищую страну, как Абиссиния?

— Пшеницы у нас бедные, плохие, — сокрушенно покачал он головой, — не то что в Америке. Вот мне подарили несколько колосков американской пшеницы, сейчас я вам покажу. Полюбуйтесь.

Рас вышел в соседнюю комнату и тут же вернулся, неся в руках несколько... початков кукурузы.

Открытого листа пришлось подождать. Видимо, чинов-

ники были везде одинаковы — что в цивилизованных странах, что в пока отсталых. Они не спешили. Но Вавилов не терял времени зря, он проводил целые дни на базаре, закупая все новые редкостные образцы местных растений, и поскорее отправлял их в Ленинград. Базар здесь вполне заменял сельскохозяйственную выставку, на нем были представлены растения всех районов страны.

А вечерами молчаливые посланцы провожали его во дворец, где Николай Иванович рассказывал расу Тафари о Советской стране и Октябрьской революции. Он говорил по-французски, переводчик был не нужен. Всемогуший регент слушал Вавилова, приоткрыв, как ребенок, рот, точно волшебную сказку. Особенно его почему-то интересовали подробности краха Российской империи, отречения и ареста Николая II. Об этом Николаю Ивановичу пришлось рассказывать дважды, а рас задавал все новые и новые вопросы, время от времени приговаривая: «Ишши, ишши! Хорошо, хорошо!»

(Интересно, вспоминал ли император Хайле Селассие об этом давнем разговоре, когда его самого постигла участь Николая II — и он тоже оказался свергнут? Любопытство его, пожалуй, было пророческим...)

Через десять дней в руках у Вавилова был открытый лист, украшенный пышным гербом с изображением льва, к зависти американской зоологической экспедиции, ожидавшей такого же документа уже пятую неделю. Ученый из Страны Советов торжественно провозглашался гостем Эфиопии, и всем местным властям предписывалось оказывать ему полное содействие, обеспечивать патронами и продовольствием, беспрепятственно пропускать всюду.

Правда, кто-то вскоре пустил зловредный слухок, будто у чужеземца дурной глаз. От Вавилова стали прятать зерно на базаре, чтобы не сглазил. Николай Иванович не растерялся. Сам он на базар перестал ходить, посылая вместо себя верных людей, дружбой которых уже успел заручиться. Они же ездили для него и в окрестные селе-

ния — к родственникам и возвращались с туго набитыми мешками и пакетами, только успевай разбирать.

Но зато сразу советским ученым заинтересовались дипломатические представители разных стран. Его навестил французский посол, пригласил на обед японский. Николая Ивановича жаждал видеть посол Греции.

Это порядком надоело Вавилову. «Нервы мои уже вышли из равновесия, — записывал он в дневнике. — Кругом появилась тьма типов, которые устраивают всякие пакости».

Николай Иванович торопился отправиться в путь, чтобы не упустить созревания и уборки хлебов — золотой поры для сбора образцов. Однако предстояло тщательно снарядить караван, запастись продовольствием, нанять охрану, вооружить ее — не только на случай нападения разбойников, но и для защиты от крокодилов при переправах через Нил и его притоки, как посоветовали путешественнику опытные люди.

Надо было запастись и местной валютой. Главной валютой служила соль. Но ведь ее много с собой не возмешь. А из денег в стране имели хождение лишь австрийские талеры чеканки 1780 года с изображением надменной императрицы Марии-Луизы. Они были подозрительно новенькими. Оказалось, их чеканят и поныне, ставя на талерах давно минувший год, иначе монеты посчитают фальшивыми...

И календарь здесь был какой-то странный. По причинам, в которых Николай Иванович так и не смог толком разобраться, он почему-то отставал от общепринятого в большинстве стран мира на семь лет и восемь месяцев. Так что по местному календарю в Эфиопии был не 1927 год, а только 1920-й. Забавно и, пожалуй, даже удобно — хотя бы на время путешествия помолодеть: скинуть семь лет. Но на самом деле Эфиопия отставала от европейских стран гораздо больше — на столетия.

Николай Иванович с полным правом мог уже считать

себя достаточно опытным путешественником. Но в каждой стране свои обычаи, и поначалу он все же допустил две ошибки.

Обычно все сопровождающие караван, кроме старшего переводчика, идут пешком. Вавилов пожалел своих спутников и для каждого приобрел по мулу, чтобы они могли и сами ехать, и везти свой нехитрый скарб.

Его щедрость вызвала неожиданный скандал. Никто на мулов садиться не пожелал. При виде их караванщики пришли в ярость и начали ругать Вавилова.

По местным обычаям путешествие на муле считалось оскорбительным для мужчины. Так ездят только женщины и дети...

Тогда Вавилов решил хотя бы купить каждому караванщику прочные сандалии, чтобы люди не калечили ноги, шагая босиком по камням. Это его предложение вызвало общий восторг.

Однако, когда караванщики выстроились во дворе гостиницы, они все до одного снова оказались босыми и с вожделением поглядывали на щедрого начальника...

Вавилова было не так-то легко озадачить и поставить в тупик. Он задержал выход каравана еще на день, приказал снова купить всем сандалии, но не раздавать их — пока базар и все городские соблазны не окажутся позади.

Все же он чувствовал, что в этой оригинальной стране его наверняка ожидает еще немало сюрпризов — особенно после того, как побывал у генерал-губернатора с договором, который тот должен был заключить с ним как бы от имени всего каравана. Рядом с подписью Вавилова неграмотные караванщики поставили отпечатки пальцев.

В договоре подробно перечислялись обязанности нанимающего караван. Николай Иванович обязывался быть внимателен к людям, кормить, лечить их, три раза в месяц непременно давая каждому средства от глистов, а в случае смерти похоронить надлежащим образом, как того требуют местные обычаи.

Но о том, что обязаны выполнять нанятые им люди, Вавилов не нашел в договоре никакого упоминания. Когда он выразил удивление тем, что договор получается несколько односторонним и спросил у губернатора, как же ему быть с нарушителями дисциплины, если такие окажутся, тот, не задумываясь, ответил:

— Главное — кандалы. Возьмите с собой побольше кандалов.

Вавилов засмеялся и покачал головой.

— Напрасно, — сказал губернатор. — Все так делают. — И зловеще добавил: — Смотрите, молодой человек, вы еще горько пожалеете!

Наконец, караван отправился в путь. Как и Кафиристан, Эфиопия была страной без дорог. Даже слова «колесо» не существовало в языке эфиопов.

Когда Николай Иванович спросил у одного из приближенных регента, почему не строят дороги, тот многозначительно ответил, приподняв тонкие, выщипанные брови:

— Построишь дороги — придут европейцы, придут европейцы — конец Эфиопии...

Дорог не было, но Министерство путей сообщения уже существовало. В этом Эфиопия ухитрилась даже перещеголять европейские страны...

А пока бездорожье надежнее самых грозных запретов преграждало нежеланным гостям путь в глубь страны. Бездорожье и сознательно поддерживаемая бедность и неграмотность простого народа.

Крестьяне встречали путешественника приветливо и готовы были поделиться всем, что имели. Но имели они немного. Ходили почти голыми. Зерна растирали камнями вручную, как в первобытные времена.

Селения были похожи одно на другое. И каждый день похож на вчерашний. Караван двигался медленно, проходя не более сорока километров за сутки. Днем приходилось останавливаться, чтобы переждать самый мучитель-

ный зной. Нет, недаром Эфиопия получила свое название: в буквальном переводе — Страна стоячего солнца, а обитатель ее, эфиоп, следовательно, — сын Солнца.

Дни здесь были короткие, сказывалась близость экватора. Только успевали разбить лагерь, как быстро сгустилась темнота. При свете фонаря Николай Иванович допоздна разбирал в палатке трофеи, даже не замечая ставшего привычным рычання леопардов в окрестных зарослях.

Ночевали обычно в стороне от селений. В них Вавилов останавливаться не решался, потому что открытый лист слишком уж сильно действовал на местных чиновников. Они воспринимали его как приказ устроить пирושку с обильным возлиянием местного пива «талла» и «тэджа» — пьяного меда. Наутро караванщиков нелегко было разбудить, и до полудня они двигались лениво, как осенние мухи.

Уж лучше было ночевать где-нибудь в лесу под хохот гиен и рев леопардов, подальше от соблазнов.

Дни были почти не отличимы один от другого; и, когда потом, вернувшись домой, Николай Иванович рассказывал о своем путешествии, ему вспоминались лишь отдельные эпизоды, нарушавшие размеренную и монотонную экспедиционную жизнь.

Запомнилось, как рано утром, еще до рассвета, когда над сонной рекой клубился туман, переправлялись они через Нил. Охрана подняла такую пальбу, словно началась мировая война. Вода кипела от пуль. Николай Иванович, грешным делом, подумал, что, ежели такое происходит при переправе каждого каравана, в Ниле давным-давно уже наверняка не осталось ни одного крокодила... Однако несколько зубастых хищников все же оказались убиты, всплыли брюхами кверху.

Вспомнилось Вавилову, как однажды пришлось ему дежурить всю ночь у костра, время от времени стреляя в черное небо, чтобы отпугнуть леопардов. Вечером был

большой пир: по случаю приближения «великого поста» пришлось купить барана, чтобы вдоволь, «в запас» накормить усталых караванщиков, — и христиане, и правоверные мусульмане проявили тут полное единодушие. Конечно, к такому угощению караванщики тайком добыли в ближайшем селении крепчайшего самогона. Одип из них так захмелел, что потерял рассудок. Размахивая пожом, пытался перерезать путы у мулов и выпустить их всех на свободу. Если мулы убегут, путешествию конец. Вавилов мгновенно понял это. Улучив момент, он ловко набросился на ошалевшего пьяницу, обезоружил и связал его.

А потом до утра сидел у костра, в заснувшем лагере, прислушиваясь к рыканию леопардов, истерическому хоту гиен, ожидавших добычи, и могучему храпу, доносившемуся из всех палаток и шалашей. От этого храпа ужасно клонило в сон. Спасал только крепчайший кофе, сваренный из зерен, сорванных прямо тут же с куста — дичка. Кофе был отменным, ведь Страна стоячего солнца — его родина.

Леопарды напасть на них не решились, лишь задрали одного отставшего мула. А вот павианы однажды набросились на караван, еле отбились от них палками.

Так он странствовал по Эфиопии, не подозревая, что дома считают его погибшим, потому что в газетах или долго не появлялось никаких сообщений о судьбе экспедиции, или лихие репортеры ради сенсации начинали сочинять невероятные истории о том, будто «русский профессор Вавилов съеден крокодилами».

Хлопот у Вавилова в этом путешествии было немало — и с дикими обитателями абиссинской саванны, и с местными жителями. Но ради того уникального богатства, какое постепенно накапливалось в переметных сумах, он готов был вынести в сто раз больше любых опасностей и невзгод.

Абиссинское нагорье оказалось, несомненно, центром богатейшего формообразования, родиной твердых пшениц,

как Афганистан — мягких. А до открытий Вавилова считалось, будто в этих малоразвитых странах с отсталым земледелием никаких интересных материалов для селекционеров быть не может, никто не посылал сюда ботанических экспедиций.

Материалы, собранные Вавиловым в Эфиопии, обогащали новым интереснейшим открытием генетику. Они показывали, что гены культурных растений, определяющие их наследственность, распределяются не беспорядочно, хаотически, а подчиняясь строгим закономерностям, в зависимости от географических условий. Становилось ясно, что интересны не только сами центры происхождения тех или иных культурных растений, но и соседние районы.

Наследование признаков происходит по сложным законам генетики. Сильные, доминантные, как их называют, гены подавляют более слабые — рецессивные. Так обычно бывает в центрах происхождения данного вида растений. А в соседних районах, куда эти растения завезли уже позже, доминантные гены не могут помешать проявиться рецессивным, от которых тоже ведь зависят многие полезные признаки. Значит, и тут надо искать ценные материалы для выведения новых сортов. Ведь «селекция — это эволюция, направляемая волей человека», любил напоминать Вавилов.

Это открытие обогащало и учение о центрах происхождения культурных растений, и систематику, и генетику. А подсказало его Вавилову, как он потом шутя любил говорить, то, что доминантные признаки во время путешествия по Эфиопии так и лезли ему в глаза на каждом шагу.

— И люди с черной кожей, и пшеница с темно-фиолетовыми, почти черными колосьями, и черная морковь...

Множеством ценнейших образцов пополнилась его коллекция. До сих пор — помните! — была неизвестна науке твердая пшеница без остей. Давно селекционеры пытались вывести ее, скрещивая с безостыми мягкими

пшеницами обычные остистые твердые. Увы, ничего хорошего не получалось. Но закон гомологических рядов предсказывал, что, так же, как и у мягких, должны существовать безостые формы и твердых пшениц. И Вавилов нашел ее в Эфиопии!

А теперь вдруг эта неожиданная встреча на тропе в зарослях, опасность разбойного нападения и угроза лишиться всего уникального богатства, собранных с таким трудом материалов! Об угрозе лишиться при этом и жизни Вавилов как-то не подумал...

К счастью, молчаливый поединок вместо ожидаемой с минуты на минуту резни закончился... церемонными приветствиями.

— Они зовут в гости, — испуганно сказал переводчик. — Тут, говорят, неподалеку их селение. Приглашают отправиться туда и у них переночевать. Говорят, скоро станет темно.

Да, уже наступал вечер и вскоре, в самом деле, быстро, как бывает в тропиках, упадет темнота. Пора бы уже разбивать лагерь.

Или принять приглашение и отправиться в селение? Но уж больно подозрительный вид у этих детей Солнца. И поглядывают они на Вавилова с таким нетерпеливым ожиданием, особенно главарь. «Словно волк на Красную шапочку», — подумал Николай Иванович и поперхнулся, закашлялся, едва сдерживая смех. Чуть не расхохотался. То-то была бы обида.

— Туда нельзя ходить, господин, — выбрав момент, прошептал проводник, вытаращив глаза и несколько раз весьма выразительно проведя себя ладонью по горлу.

— Но и отказаться тоже нельзя — обидятся, — в тон ему ответил Вавилов, продолжая приветливо улыбаться и раскланиваясь с главарем разбойников. — Скажите ему пока, что мы благодарим за приглашение.

Вожак о чем-то переговорил с товарищами, и трое тут же, как тени, исчезли в зарослях.

Поспешили в селение, чтобы предупредить о богатых и доверчивых гостях? А может, побежали за подмогой?

Главарь, сняв шлем и обмахиваясь им, словно веером, выжидающе поглядывал на Вавилова. С ним остался паренек, важный, как адъютант.

Как избавиться от опасного гостеприимства, не причинив обиды и не вызвав нападения? Хотя, пожалуй, выход есть. Время они выгадали, затянули переговоры. Теперь надо попробовать последовать примеру легендарных дайнайцев с их коварными дарами...

С помощью переводчика Николай Иванович начал объяснять, что мулы устали, у многих сбиты копыта. Уже темнеет, им не успеть засветло добраться до селения. Придется ночевать здесь, разбить лагерь прямо на тропе.

Лицо у главаря мрачнело с каждым словом. Загорелая рука непроизвольно все крепче сжимала винтовку...

Он резко повернулся и уже хотел уйти.

— Подождите! — остановил его Вавилов и, повернувшись к переводчику, поспешно сказал: — Вам надо его проводить, чтобы он убедился в нашем дружелюбии. Не спорьте! Они вас не тронут. Такой гость, как вы, — священен. Тем более вы им вручите дары...

Николай Иванович быстро достал из сумки две последние бутылки армянского коньяка, торжественно показал главарю наклейки, украшенные пятью звездочками. И сунул бутылки в руки ошеломленному проводнику:

— Вот. Возьмите еще шоколад. А если окажется мало и они снова станут привязываться, откупимся талерами. Но это уж крайний случай! Идите, идите смело, — подтолкнул он проводника, улыбаясь насупившемуся главарю. — Вам ничего не грозит. У вас ничего нет. Голого, как говорится, и силач не разденет.

Прижимая к груди бутылки, оглядываясь и спотыкаясь, проводник неуверенно направился к поджидавшим его главарю с адъютантом. Те пропустили его вперед, поклонились Вавилову — и все трое исчезли в зарослях.

— Лагерь разбивать не будем. Спать прямо так, возле вьюков, — распорядился Николай Иванович. — Кто умеет стрелять, подойдите ко мне. Я дам револьверы.

Только успели разжечь костер, как уже стало совершенно темно. Поставив на огонь целое ведро кофе, Вавилов начал сам проверять и заряжать револьверы. Их было всего четыре.

Положив приготовленные револьверы на кусок брезента, Николай Иванович сказал караванщикам:

— Ложитесь спать. Вам надо отдохнуть. Я сам подежурю. В случае чего всех разбудю. Спите спокойно.

За время путешествия Николай Иванович крепко подружился с караванщиками. Он нередко с улыбкой вспоминал прощальный разговор с губернатором при подписании странного договора, в котором от него требовали много, а взамен ничего не обещали. Ни кандалы, ни какие-нибудь вообще меры воздействия ему не потребовались. Караванщики стали его надежными друзьями. Смуглые, быстрые в движениях люди помогали ему собирать колосья, объясняли, как называется на местном наречии каждое растение, вечерами пытались с ним петь у костра русские песни. А когда у озера Тан Вавилова свалила тифозная лихорадка, все трогательно ухаживали за ним.

На своих караванщиков Николай Иванович мог положиться твердо, жалко, оружия мало.

Ночь тянулась, как вечность. В зарослях, стиснувших тропу, все время что-то зловеще потрескивало, заставляя испуганно вскрикивать усталых мулов. То ли там бродил леопард, то ли подбирались бандиты...

Впрочем, они вроде еще только готовились к нападению. Издалека доносилось нестройное пьяное пение, какие-то крики. Похоже, две бутылки коньяку оказались не даром данайцев, призванным усыпить врагов, как рассчитывал Николай Иванович, а, наоборот, запалом, только воспламенившим их аппетит.

Что с переводчиком? Каково ему там?

Треск в кустах стал отчетливым. Кто-то, уже совсем не таясь, продирался к лагерю сквозь заросли напрямую. И явно шло много людей...

Николай Иванович повертел в руках один револьвер, другой. Положил их обратно на брезент. Пугачи, игрушки. Да в темноте и винтовка не лучше.

Из темноты придвигались к костру караванщики, испуганно прислушиваясь к приближающемуся треску и поглядывая на Вавилова. Похоже, уже никто не спал.

Треск стал громовым. Вавилов взял в руки винтовку... И тут же опустил ее.

Из кустов выдрался и чуть не упал переводчик. Вид у него был совершенно безумный. Рубашка изорвана, шлем он где-то потерял. Он был так пьян, что еле стоял на ногах. Бормотал, покачиваясь, что-то невразумительное, прижимая к груди огромный сверток, из которого торчали горлышко глиняного кувшина, скрюченная куриная лапа, еще что-то.

— Ответные... дары... священные законы... гостеприимства, — только и сумел разобрать Вавилов.

Переводчик протянул Николаю Ивановичу сверток — и на землю посыпались жареные куры, связки недозревших бананов, блины из теффа. Но кувшин с крепкой медовухой — тэджем переводчик поймал на лету и не выпустил из рук, хотя сам свалился. И тут же захрапел на всю притихшую Эфиопию.

Николай Иванович покачал головой, подумал и приказал поднимать караван. Больше он решил судьбу не искушать. Что еще взбредет утром в тяжкие с похмелья головы обитателей укромного селения? Лучше к тому времени оказаться подальше отсюда.

Храпевшего переводчика навьючили на одного из мулов, быстро собрались и в четыре часа, еще до рассвета, двинулись в путь, чуть не ощупью отыскивая в темноте тропу....

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой Н.И.Вавилов заглядывает в глубь тысячелетий
и беседует
на двадцати двух языках

Большие ученые всегда отличаются широтой и богатством своих интересов. Они стремятся «жить во все стороны», как говорил Герцен. Это и помогает им подмечать сложные диалектические связи, незаметные другим.

Таким ученым был и Николай Иванович Вавилов. Давайте опять послушаем людей, хорошо его знавших.

Профессор Мошков вспоминает, как они путешествовали по Хибинам: «Николая Ивановича интересовало все: и каждое, еще не виданное им растение, в частности полярная ива, встречающаяся в большом разнообразии форм, и местные птицы, и минералы, особенно апатит, о котором ему рассказывал академик Ферсман».

«Вся работа Николая Ивановича была проникнута определенной идеей... Не равнины, а горы влекли этого человека в поисках многообразия и богатства форм: Армения с ее самобытной культурой; Дагестан с городом Дербентом, много старше Рима, где на «клочке» земли, среди гор за 5 тысяч лет в процессе переселений осело свыше 60 народов, в свое время доходивших до верховьев Дона; древний, изолированный от всего мира пустынями Хорезм; забравшаяся к Эльбрусу Сванетия... Он одновременно приглядывался к жизни людей этих стран, к их оригинальной одежде, бытовым обрядам, языку» (Н. В. Ковалев, бывший заместитель директора Института растениеводства).

Из Иерусалима Вавилов пишет профессору В. Е. Писареву: «Послал сегодня 55 посылок по 12 фунтов из Палестины и Трансиордании. Реликтов тут много. Через неделю засаживаюсь на пару-тройку дней за Талмуди комментарии, чтобы восстановить картину земледелия библейских времен».

Он находит время не только для того, чтобы штудировать талмуд, изучая по нему земледелие древних времен. С жадным любопытством Николай Иванович не пропускает ни одного исторического памятника на своем пути. Его привлекает все — величественные развалины легендарного Храма Солнца в Баальбеке и прославленные мечети Дамаска, библейские древности Иерусалима, римская живопись и скульптура.

Интересовали Николая Ивановича и литература, ис-

кусство. Противопоставление «физиков» «лирикам» показалось бы ему смешным и нелепым.

«...Вавилов любил поэзию и знал очень много самых разнообразных стихотворных фраз и отрывков, которыми зачастую широко пользовался. В свободное время, обычно ночью во время поездок, он охотно слушал стихи, а иногда и сам читал их, жалуясь при этом на свою память, обладающую строго селективными качествами» (профессор Б. С. Мошков).

Профессор Намикава, принимавший Николая Ивановича в Японии, был поражен, каким тонким знатоком и ценителем оригинального искусства Страны восходящего солнца оказался гость из России.

Эта широта интересов помогала Вавилову тонко чувствовать красоту природы и произведений искусства: «Лунная ночь около исполинов Будды, у снеговых вершин Гиндукуша, создавала особо торжественное настроение. Казалось, вы заглядываете в глубь тысячелетий...»

«Видел сегодня хоть мельком Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», кладбище — музей скульптуры и чудный Миланский собор. Из собора не хотел уходить. Камень превращен в кружево».

Поздно ночью он пишет жене из Рима: «Только что вернулся из Неаполя, из Помпеи. Снова осмотрел музей и подробно раскопки. На этот раз они оставили еще большее впечатление. Нам тогда не все показали, хотя ты все же видела больше меня.

Город (Помпея) изумителен. Вся жизнь с ее темным началом и тем же концом. Булочные, пекарни, мельницы, аптеки, лечебницы, лавки с прилавками, храмы, суд, дом банкира, жилище поэта. А инструментарий архитектора, хирурга! А краски!

Милая Ленуша, я рад, что ты все это видела. Это все поразительно, да еще на фоне Везувия. И в то же время грустно. Мы движемся хуже черепах. Кто же превзойдет их в мозаике, скульптуре, замысле? Словом, детка, ходил

нынче, удрав со скучного съезда на день, и по совести хотел засесть и описать Помпею. Как жили 2000 лет тому назад. Право, это так легко... Когда-нибудь напишу. Заметила ли ты самовары в музее? Даже и они были тогда. Извечен цикл жития».

Николай Иванович успевает и много читать в дороге, даже таких старинных и полузабытых авторов, как мадам де Сталь (разумеется, в подлиннике). Но в пространной цитате, которую он выписывает по-французски для жены из романа «Коринна, или Италия» уже чувствуется усталость от затянувшихся дорожных невзгод:

«Что бы об этом ни говорили, а путешествовать — одно из самых грустных удовольствий в жизни.

Если вы чувствуете себя хорошо в каком-нибудь иностранном городе, то он становится для вас как бы вторым отечеством; но когда проезжаешь незнакомые страны, слышишь язык, который едва понимаешь, видишь лица, равнодушные к твоему прошлому и будущему, то остаешься в одиночестве, лишенный отдыха и покоя; мало того, поспешность, торопливость, с какою вы стремитесь прибыть туда, где никто вас не ждет, волнение, единственной причиной которого служит любопытство, не внушают вам большого уважения к самому себе, и это до тех пор, пока новые вещи не станут для вас постепенно старыми и не создадут вокруг вас устойчивые интимные связи, ощущения и привычки».

Конечно, он устал, если даже для него путешествия вдруг стали казаться «грустным удовольствием». Утомили мелькание чужих городов, незнакомых лиц, калейдоскоп впечатлений. Но это минутная слабость. Рано утром Николай Иванович, бодрый и любознательный, как всегда, снова отправится осматривать посевы или какие-нибудь памятники древности.

Он всячески старался увлечь и других, привить и своим ученикам, и помощникам такую же широту интересов.

«А без Вас тут что же нового? — пишет он своей со-

труднице А. Ю. Тупиковой. — Самое интересное — это лекции Валерия Брюсова о древнейшей культуре человечества... И содержание и форма на 5. Эгейская культура вся, как живая».

«Теперь, когда вспоминаешь все, это кажется даже неправдоподобным — он находил для отдельных лиц что-то, имеющее для них наиболее притягательную силу. Одному давал книгу, которой тот интересовался, другого посылал в Московский зоопарк, рекомендуя его вниманию специальную экспозицию. Вавилов неоднократно приглашал меня и нескольких моих близких друзей посмотреть то пьесу, сочиненную и поставленную немцами (интуитивно чувствуя мою увлеченность подобным направлением в искусстве), то какую-нибудь особенную драму, то концерт, то балет, то оперу», — вспоминает известный американский генетик, лауреат Нобелевской премии профессор Г. Меллер, которого Вавилов пригласил приехать поработать в Москву.

О том же рассказывает жена другого известного — болгарского академика Дончо Костова, также приехавшего по приглашению Вавилова работать в Советский Союз:

«Если Николай Иванович оставался в Москве на воскресные дни, то после своих долгих прогулок по книжным магазинам непременно заходил к нам всегда с подарком — книгами или билетами в театр».

«Меня всегда поражало обилие книг в квартире Николая Ивановича, — вспоминает кандидат биологических наук В. Ф. Николаев. — Книжные шкафы размещались и в кабинете, и в столовой, и в спальне его жены. И какие там были чудесные, редкостные издания!

Николай Иванович охотно позволял пользоваться книгами из своей библиотеки и даже брать их с собой, но с обязательным условием оставлять на их месте записочки, когда и кто взял».

«Очень часто он и сам приносил и вручал то одному,

то другому из нас книгу, которую он считал интересной. Библиотека удивляла нас не только количеством, но и подбором книг. В ней были представлены, кроме специальной агрономической литературы, и нескольких энциклопедий, книги по географии, физике, химии, философии, истории искусств, медицине и все, кажется, классики мировой литературы. Помню, как поражали меня каждый раз беседы Николая Ивановича, при которых я иногда присутствовала, и в частности с П. П. Подъяпольским — широко образованным врачом и биологом, часто навещавшим Николая Ивановича на работе. Каких только вопросов они не касались!» (кандидат биологических наук А. Г. Хинчук).

Вавилов умел дружить преданно и верно. С Петром Павловичем Подъяпольским он познакомился еще в двадцатом году в Саратове. И ни годы, ни расстояния не могли ослабить их дружбу. Они встречались при каждой возможности, писали друг другу длинные, проникновенные письма. Даже с дороги, в чужих краях, Николай Иванович то и дело посылал другу хотя бы открыточку:

«Непременно прочитайте «Атлантиду» Пьера Бенуа, которую скоро вышлю Вам. Вам понравится: пустыня, Сахара...»

«Дорогому Петру Павловичу привет из пустынь сирийских, от кедров ливанских, от гор Гермогенских. Видел воочию дикую пшеницу около гор. Но пекла творения в Сирии не нашел, надо искать...»

Отличное знание иностранных языков помогало Вавилову не только быть в курсе всех достижений мировой науки, читать в подлиннике (и пространно цитировать в письмах друзьям и жене) торжественные терцины Данте, иронические высказывания Анатоля Франса, размышления Герберта Уэллса, но и свободно беседовать с крестьянами многих стран, вникать во все особенности их быта.

«Я был свидетелем того, как однажды во время поездки в горах Талыша (Лерикский район Азербайджана)

Николай Иванович разговаривал с группой крестьян о посевах, рисе, кукурузе. Обнаружилось, что один из его собеседников знает фарси, и Николай Иванович... перешел на этот язык, вызвав восторг и удивление всех окружающих» (Ан. А. Федоров, член-корреспондент Академии наук СССР).

К концу жизни Николай Иванович знал двадцать два языка и местных диалекта! Английским, французским и немецким он владел так свободно, что, участвуя в международных конгрессах, делал доклады на этих языках.

Такое богатство и широта интересов проявлялись у Вавилова отнюдь не в том, чтобы при случае «блеснуть эрудицией». Они ему были необходимы прежде всего для главного дела его жизни, предохраняли от догматизма и опасной узости взглядов. Знание талмуда, археологических памятников и древних поэтов, которых он читает в подлиннике, на их родных языках, занятия лингвистикой помогают ему узнавать много интересного и ценного по истории земледелия, решать научные проблемы. Николай Иванович цитирует Торквато Тассо и Камозенса, арабские и еврейские рукописи. Конечно, он наслаждается при этом высокой поэзией, но никогда не забывает о главном:

«Приехал в Сахару, в пограничный оазис. Вчера видел замечательные руины Симгада — алжирскую Помпею. Римский город 3 века у границы Сахары с остатками библиотеки, театра, форума. Ничего подобного раньше не видел. Раскопки поразительны, и для агрономической философии их надо было видеть...»

Вот откуда и широта, богатство его научных идей. Причем Вавилов во всем старался «дойти до корня», никогда не ограничиваясь поверхностными знаниями. Очень характерная для него деталь: приехав в Англию, Николай Иванович попросил разрешения поработать в личной библиотеке Чарлза Дарвина. Он не только читал книги, заинтересовавшие Дарвина, но и внимательнейшим образом изучил все пометки, какие оставил на их полях вели-

кий ученый. По признанию Вавилова, они помогли ему глубже постигнуть дарвиновское учение — как бы проникнуть в тот мир, где рождалась в пытливых раздумьях гениальная теория естественного отбора.

Приходили все новые сообщения об открытии неизвестных форм растений, предсказанных теориями Вавилова. И обнаруживали их именно там, где он предвидел!

Путешествия в десятки стран, исследование древних центров происхождения культурных растений, труды по генетике, селекции, физиологии, иммунитету растений — открытий, совершенных Вавиловым во многих областях науки за сравнительно недолгую жизнь, хватило бы на несколько научных коллективов. И всюду, как истинный пионер, первооткрыватель, он всегда прокладывает новые тропы в еще не исследованные края.

За его работой с восхищением следит Алексей Максимович Горький, восторженно отзываясь о Вавиллове в очерках и письмах: «Глубина, оригинальность и широта мысли Николая Ивановича очаровывают».

Это только на первый, поверхностный взгляд казалось, будто Вавилов странствует в поисках интересных и ценных растений. Он действительно привозил их из каждого путешествия великое множество. Но все же главным, самым важным и ценным были оригинальные идеи, возникавшие у него во время странствий, открытия природных закономерностей, прежде неведомых науке. Он был не просто собирателем ценных растений, но прежде всего — великим сеятелем новых идей. Каждое его путешествие обогащало науку интересными и важными теориями. А для проверки и дальнейшего развития их ему приходилось снова отправляться в путешествия.

Так он и шел всю жизнь — от манивших его загадок к открытиям в самых различных областях науки, проникая все глубже и захватывая все шире. В этом и проявились гениальность и новаторство Николая Ивановича Вавилова.

А широта интересов и богатство знаний помогали ему проникать в суть проблем глубже других. Это и сделало его по-настоящему великим ученым с мировой славой.

Он обогатил интересными наблюдениями и ценными открытиями не только свою излюбленную ботанику, растениеводство, генетику, но и многие другие области науки. Первым в мире Вавилов с большим успехом применил к биологическим исследованиям достижения лингвистики. Добрым словом вспоминают великого искателя и сеятеля антропологи и этнографы, археологи и географы.

Конечно, в такой небольшой книге невозможно раскрыть полностью все значение и богатство научных трудов Вавилова. И не только потому, что они слишком специальные, требуют от читателей соответствующей подготовки. Слишком широк еще диапазон его интересов, круг проблем, занимавших великого ученого. Один перечень его работ занял бы несколько страниц.

«Н. И. Вавилов был выдающимся ботаником. Область его научных интересов затрагивала вопросы морфологии, систематики, анатомии, генетики, селекции, физиологии, иммунитета, происхождения, истории, географического распространения, приемов возделывания и даже технологии культурных растений. Все это нашло свое отражение в его научных трудах, позволивших ему выдвинуть ряд крупных теорий в различных областях биологии...

Н. И. Вавилов был селекционером, но селекционером тоже нового склада. Он создал и развил учение об исходном материале и на этом обосновал новые, более быстрые методы селекционной работы, сыгравшие немалую роль в успешном развитии молодой отечественной селекции» (академик ВАСХНИЛ Н. А. Майсурян).

Нам, разумеется, приходится выделять лишь главные, самые основные открытия, рассказывая о них в самых общих чертах.

Но даже на простой вроде вопрос: что же было главным в научной деятельности Вавилова? — ответить не

как-то легко, настолько все его исследования и теории были тесно связаны между собой, как бы неизбежно вытекали одна из других, хотя и относились к различным, порой весьма отдаленным областям науки.

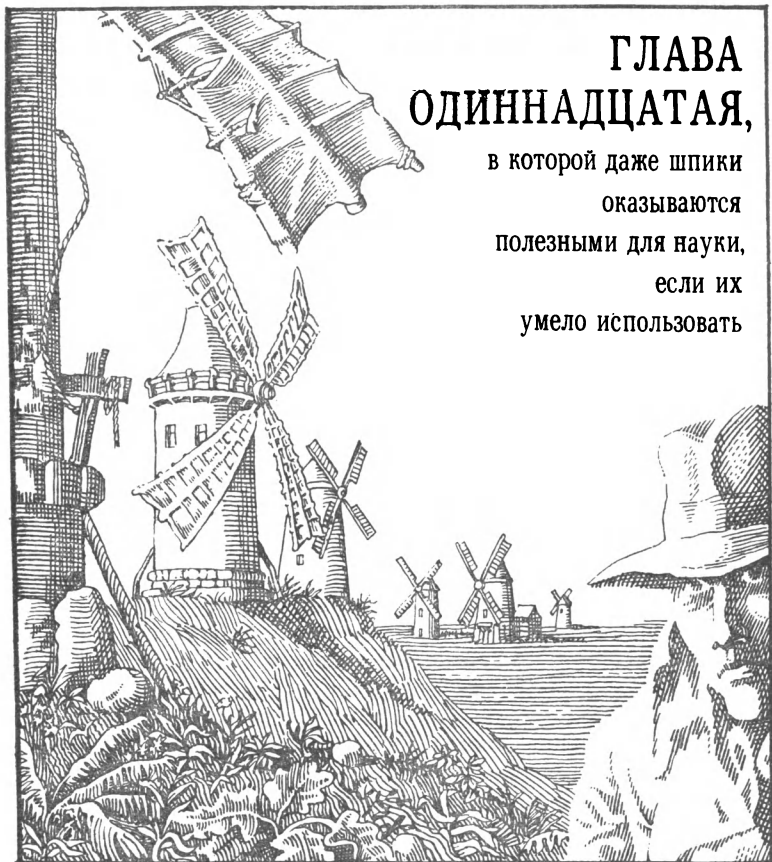
Начинал Вавилов, как мы помним, с иммунитета растений. Потом углубился в самые сокровенные проблемы генетики. Одновременно, занимаясь вопросами происхождения культурных растений, разработал стройное учение о географических центрах, впервые дав селекционерам возможность вести поиски нужных растений не наугад, а строго по-научному. А эти открытия, в свою очередь, помогали ему обогащать новыми оригинальными идеями и генетику и теорию иммунитета, которыми Вавилов продолжал заниматься всю жизнь.

На эту примечательную особенность научной деятельности великого сеятеля специально обращает внимание академик Н. А. Майсурян: «Рассматривая научное творчество Н. И. Вавилова, трудно указать, где кончаются его исследования как ботаника и начинаются чисто растениеводческие работы, как равно невозможно провести границу между его трудами растениеводческого и генетического характера. Одна из его крупных заслуг заключается в том, что, решая растениеводческие вопросы, он подымал одновременно глубочайшие проблемы генетики, а в его генетических разработках содержится источник крупных растениеводческих проблем. Как высокоодаренный человек, он был многогранен в своих интересах и в своем творчестве».

И все же, пожалуй, можно выделить главную идею жизни и научной деятельности Николая Ивановича Вавилова. Все его исследования и открытия были направлены на решение одной великой задачи — сбережение, приумножение и улучшение растительных богатств планеты. Ради этого он странствовал, не уставая, проявлял чудеса мужества и энергии, поразительную изобретательность и находчивость.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой даже шпики
оказываются
полезными для науки,
если их
умело использовать

Все эти замечательные качества великого ученого проявились и во время путешествия Вавилова по Испании летом 1927 года в неожиданных обстоятельствах и довольно забавным образом.

В поездке по стране его сопровождал известный испанский ботаник профессор Креспи, человек очень внимательный, вежливый и заботливый. Ученые понимали друг друга с полуслова, и путешествие протекало без всяких осложнений.

Но как-то вечером за ужином в гостинице Николай Иванович заметил, что почтенный профессор Креспи явно чем-то смущен и озабочен. Он часто задумывался, отвечал невпопад, растерянно вздыхал и все время озирался по сторонам.

— Что с вами, коллега? — спросил Вавилов. — Вы чем-то расстроены, огорчены?

— Видите тех двух типов за столиком в углу? — помнявшись и отводя в смущении глаза, спросил профессор.

— Да. А что такое?

— Вы, наверное, догадываетесь, кто они?

— Конечно. Шпики. Я понял это с первого взгляда. Но почему они на вас так действуют?

— Мне очень жаль... Неудобно, — бормотал профессор.

— Какие пустяки! Поверьте, я привык к подобному почетному эскорту. Я был от него освобожден только в так называемых странах отсталых и полудиких вроде Афганистана или Эфиопии. Там за мной никто не следил, и я был волен спокойно заниматься наукой. А в странах цивилизованных меня всюду сопровождают подобные личности: и во Франции, и в Соединенных Штатах, и в Англии, и в Германии. Такое изобилие теней, повсюду следующих за мной, свело бы от зависти с ума пресловутого Петера Шлемиля*. Так что присутствие этих типов лишь доказывает, что и ваша древняя и прекрасная страна уже вполне цивилизована, — извините меня за эту довольно грустную шутку.

* Липившийся своей тени герой известной фантастической повести немецкого писателя А. Шамиссо.

Они невесело посмеялись.

— Я вам очень признателен, дорогой коллега, что вы не судите о нашем народе по этим мерзким личностям... — начал снова Креспи.

— Ну что вы, что вы, профессор!

— Дело в том... Они до того обнаглели, что даже осмелились обратиться к вам через меня с одним предложением.

— Предложением? — удивился Николай Иванович. — С каким предложением?

— Они... — смятенный профессор закашлялся от смущения. — Они... гм... Эти типы жалуются, что за вами очень трудно следить. Вы слишком быстро передвигаетесь то в автомобилях, то по железной дороге, а то и просто верхом на лошадях. Они, видите ли, сильно устают. Один из них даже серьезно беспокоится за свое здоровье. Человек он немолодой, истощенный, страдает якобы язвой желудка...

Николай Иванович не выдержал и расхохотался.

— Извините, профессор, но уж больно смешны эти жалобы, — сказал он, вытирая выступившие слезы. — Конечно, их надо пожалеть, бедных шпиков. Но чем же я могу им помочь?

— Они хотят предложить вам... соглашение. Так сказать, некоторый компромисс. Если вы будете их заблаговременно извещать о своем маршруте на каждый день, они не станут за вами ездить повсюду. Будут просто поджидать вас вечером в том пункте, какой вы укажете.

— Дабы убедиться, что я не сбежал? — снова засмеялся Вавилов.

— А за это они предлагают вам оказывать некоторые услуги. — Бедный профессор Креспи торопился закончить неприятнейший разговор. — Обязуются заранее заказывать для вас номера в гостиницах, доставлять билеты на поезда, предлагают даже отправлять ваши посылки, наглецы такие.

— Вот как? Ну, посылки-то я им, допустим, конечно, не доверю. А вот над остальным стоит подумать. Заманчивое предложение...

Шпики мозолили Вавилову глаза, едва он ступил на испанскую землю. Они были первыми после пограничников, кого он увидел и сразу отличил наметанным глазом. Хотя лица у них были ничем не примечательными, чтобы легче затеряться в уличной толпе.

Но их выдавали повадки. Шпики менялись, и лица у них были незапоминающиеся. А вот повадки у всех одинаковые. По ним-то Вавилов безошибочно и замечал в толпе своих постоянных спутников.

Долго, больше года, добивался он визы в Испанию. Диктатор Примо де Ривера старательно оберегал страну от «красной заразы». Когда испанские ученые все же добились для Вавилова разрешения приехать и он высадился с парохода в Барселоне, документы у него проверяли на каждом шагу по несколько раз за день. И каждый раз «молоткастый, серпастый советский паспорт» пугал и настораживал всех проверяющих. Алый цвет его обложки возбуждал жандармов, как быков во время корриды.

Чем ближе к Мадриду, тем чаще стали проверки. Но к изумлению Вавилова в префектуре, куда он пришел отметить визу, его ожидал совершенно непредвиденный прием...

Николая Ивановича провели к префекту — в мрачную комнату с расписными сводами. У огромного письменного стола, сложив по-наполеоновски руки на груди, стоял плотный усатый мужчина в штатском, но с явно военной выправкой. При виде Вавилова он вдруг начал громко декламировать на ломаном русском языке:

Шумел, горел пожар московский,
Дым расстился по реке,
А на стенах вдали кремлевских
Стоял он в сером сюртуке...

Выдержка и находчивость и тут не изменили Вавилову. Он тоже встал в позу и ответил префекту так же, стихами:

От Севильи до Гренады
В тихом сумраке ночей
Раздаются серенады,
Раздается звон мечей...

Оказалось, префект служил когда-то военным атташе в Петербурге, шесть лет прожил в России и считал себя знатоком и поклонником русской литературы. Очарованный Вавиловым, он незамедлительно выдал ему визу, взяв слово, что Николай Иванович непременно уделит должное внимание испанскому искусству, посетит Эскуриал и Толедо.

— Это моя давняя мечта, господин генерал! — воскликнул Вавилов.

На прощание префект торжественно вручил Николаю Ивановичу свою совершенно необыкновенную по величине визитную карточку.

Так продолжалось все три месяца путешествия по Испании. Надоедала постоянная слежка шпииков, всяческие препоны, какие назойливо чинили чиновники, но зато как часто радовали трогательные выражения дружбы и симпатии со стороны самых различных людей, с которыми встречался Николай Иванович.

Власти следили за каждым его шагом. Сорвали, запретив в последний момент, доклад Вавилова, который он собирался прочесть по просьбе виднейших ученых в Мадриде. Но прогрессивные ученые и простые крестьяне по всей стране всячески старались помочь гостю из Советской России. Родственники великого испанского ботаника Ла Гаски — одного из зачинателей научной селекции пшеницы — подарили Николаю Ивановичу с пожеланием процветания советской науки редкий старинный труд по растениеводству, сохранившийся всего в одном-единственном экземпляре.

Путешествие было очень интересным. Страна напоминала какой-то удивительный музей, где можно было проследить всю историю земледелия.

Культура земледелия была древней, но отсталой, застывшей, урожаи — нищенскими, страна — бедной. Крестьяне ковыряли каменистую землю плугом-бороздильником чуть не времен римского владычества, молотили каменными катками или даже просто прогоняли скот по разложенным снопам. Повсюду, лениво вращая крыльями, высились те самые мельницы, с которыми воевал еще Дон Кихот. Посевы часто губила засуха.

Эндемичных растений, свойственных только Испании, оказалось не так уж много: песчаный овес, некоторые виды чечевицы, полба, кормовое растение — улекс, каштан. Все другие растения были явно завезены в Испанию из других стран. Но на этой основе испанские крестьяне создали много новых превосходных сортов.

Тут прослеживались влияния на протяжении тысячелетий многих культур Средиземноморья: римской, сирийской, арабской, даже египетской. И это было особенно важно и интересно для понимания истории развития земледелия всей Европы.

Вот гдегодились широта и богатство знаний Вавилова, его умение диалектически разобраться во всей этой сложности. А он был в расцвете сил, своей гениальности и с увлечением занимался исследованиями.

Причем открывались совершенно неожиданные связи. Полбу в Астурии убирали, обламывая колосья забавными деревянными палочками. Никогда Вавилов не видел ничего подобного. Каково же было его изумление, когда через несколько лет он узнал, что точно такими же примитивными орудиями пользуются, оказывается, в одном из селений в горах Западной Грузии!

Лишь одно, пожалуй, было схожим не только в разных провинциях, но и всюду, где побывал Вавилов: крестьянские жилища. Было просто удивительно, до чего они в

разных странах походили друг на друга! Ничего лишнего, ненужного, путающегося под ногами. Они пленяли аскетической простотой и тщательно продуманной целесообразностью. Это объединяло крестьянские дома всюду — и в горах Памира, и в Дании, и в Испании.

Здесь Николая Ивановича всегда встречали приветливо. С обитателями этих незатейливых хижин он быстро находил общий язык.

Если бы не шпики! Они все время вертелись рядом, нахально подходили совсем близко, стараясь подслушать разговор. Пытались даже все записывать в новенькие блокноты. И без того запуганные крестьяне, конечно, сразу замолкали, поспешно уходили, прятались в свои хижины, как улитки в раковину. Вот тут Николай Иванович уже не мог не замечать шпииков и приходил в ярость.

Конечно, он уделил много внимания и древней культуре страны, испанскому искусству. Каждый свободный час в Мадриде проводил в музее Прадо, наслаждаясь картинами Веласкеса, Мурильо, Гойи, Тициана. Или просто бродил по улочкам города, любуясь памятниками и старинными домами. Мадрид тоже был огромным музеем под открытым небом. И даже шпиики, неизменно маячившие в отдалении, начинали казаться неотъемлемой принадлежностью великого города — как и памятники Дон Кихоту и Колумбу.

Посетил Николай Иванович и Эскуриал — не то дворец, не то крепость, воздвигнутый по приказу Филиппа II в угрюмых отрогах Сьерры де Гвадеррамы. Побывал он и в Толедо, где оставили памятники своей культуры и финикийцы, и римляне, и вестготы, и мавры, осмотрел Гранаду со сказочной Альгамброй, похожей на кружева из камня. С разных точек фотографировал прославленную мечеть в Кордове, словно парящую в воздухе... И почти на всех снимках оказывался хоть один из шпииков...

Николай Иванович ползком пробирался в Альтамир-

скую пещеру, где сохранились удивительные по выразительности и экспрессии рисунки первобытных людей.

И за ним, пытая и чертыхаясь, полз один из шпииков, пока второй караулил у входа, как бы не улизнул из-под наблюдения хитрый «красный агент», ловко притворяющийся не только ученым, но и любознательным туристом...

Неужели теперь удастся избавиться от их назойливого преследования?! Это было бы прекрасно. Никто не станет ему больше мешать. Да еще и с гостиницами забот не будет, с билетами на поезд...

— ...Очень заманчивое предложение! — повторил Николай Иванович. — Пожалуйста, не смущайтесь, дорогой профессор. И скажите им, что я готов заключить джентльменское соглашение. На что не пойдешь ради науки?

Забот у Николая Ивановича стало меньше, и он мог теперь больше времени проводить в полях. А самое главное, перестали маячить за спиной и отпугивать крестьян занудные, мрачные тени.

Обе стороны аккуратно соблюдали забавное «джентльменское соглашение». Однако вскоре Николаю Ивановичу все же пришлось вернуться к прежней поднадзорной жизни.

Хотя шпииков теперь он почти не видел, все равно их присутствие было весьма ощутимым. Обнаглев, они стали снимать для него — и для себя, разумеется — номера в самых дорогих гостиницах, а Вавилов не любил транжирить народные деньги. После нескольких предупреждений, которым обнаглевшие шпиики не вняли, «джентльменское соглашение» с ними пришлось, к сожалению, расторгнуть. Шпиики замаячили вокруг снова. Но все равно они не могли заслонить от Вавилова подлинной Испании.

Настал день, когда мрачные усатые пограничники в последний раз недоверчиво проверили его документы, перерыли напоследок все вещи, и он, помахав шляпой двум дежурным примелькавшимся унылым субъектам, лениво

делавшим вид, будто они забрели на пристань совершенно случайно, отправился домой, в Ленинград.

И здесь, к своему удивлению, вдруг обнаружил ожидавшую его посылку из Испании — огромный ящик с образцами полбы. Каждый образец снабжен аккуратной этикеткой с указанием, где именно и когда он был взят. Тут же приложена карта, на ней пунктуально помечены все места сборов.

Николай Иванович не сразу вспомнил молодого агронома, сопровождавшего его по горным деревушкам страны басков. Агроном недавно сломал ногу, не мог еще ходить, но, несмотря на это, сам повез гостя по полям. Он оставался в коляске, пока Вавилов осматривал посевы. Шпики, конечно, вертелись рядом. Но агроном не обращал на них внимания. Жалея его, Николай Иванович решил скрепя сердце сократить свои экскурсии. Агроном очень сокрушался и пообещал: когда он встанет на ноги, то непременно соберет образцы с тех полей, которые Вавилову не удалось осмотреть, и пришлет их в Ленинград.

Николай Иванович поблагодарил, но, грешным делом, посчитал это обещание простой любезностью. А вот, оказывается, агроном не забыл о нем, выполнил, да еще как аккуратно и обстоятельно!

Какой молодец! Надо будет непременно написать ему, поблагодарить.

Это было очень приятно. И, вспоминая заново встречи на древней испанской земле, назойливых шпики и многочисленных друзей, которых он там приобрел, Николай Иванович негромко пропел:

— Шумел, горел пожар московский... — И рассмеялся.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой великий сеятель
заново
открывает Америку

Мотор зачихал, закашлял, и ровный, монотонный рокот, к которому Николай Иванович так привык за последние месяцы, вдруг прервался. Наступившая тишина была тревожной. Вавилов оторвался от бумаг.

Самолет был маленький, четырехместный. Кресло рядом с Вавиловым пустовало. А сзади сидели лысый монах с нездоровым исхудалым лицом и юркий, подвижный усаач, видимо, коммерсант.

Монах за спиной Вавилова начал вполголоса читать молитвы. Николай Иванович оглянулся. Второй его случайный спутник приткнулся к окошку.

Вавилов тоже глянул вниз. До самого горизонта простирался самый дикий и большой лес на свете. Непроходимые джунгли по берегам Амазонки и ее притоков. Можно находиться в этом лесу и в то же время оказаться так же далеко друг от друга, как Лондон и Константинополь.

Кроны деревьев смыкались вплотную. Ни малейших разрывов, ни одной полянки для вынужденной посадки. За сотни километров одно от другого прячутся селения индейцев, ненавидящих чужеземцев. Они не только не придут на помощь к тем, кто уцелеет в случае аварии, но наверняка убьют непрошенных гостей. Такие случаи, увы, бывали...

Монах все бубнил свою молитву. Блажен, кто верует. А на что надеется его сосед, судя по всему, верящий лишь в деньги? Тоже что-то шепчет. Какому богу он молится?

Они летели на остров Тринидад. Вавилов непременно хотел осмотреть один из лучших по тем временам институт хлопководства, созданный известным английским селекционером доктором Харландом. А что влекло на островок, затерянный в океане, его спутников, интересно?

Делец, гонящийся за поживой, монах, только и мечтающий попасть в рай, да русский ученый-безбожник. Забавная компания. Только они и могли решиться на подобный полет — пятнадцать часов без посадки, сначала над дикими джунглями, потом над бушующим океаном.

А мотор у самолета один. Да и тот заглох. (И не будем забывать — происходит это в 1933 году, когда не-

давний первый перелет через Атлантику считался великим подвигом, а самолеты были такими, что любой полет на них был подвигом в самом деле...)

Что собирается делать пилот? Похоже, планирует. Ищет место для посадки? Но это бессмысленно! Ближайшая ровная площадка, какое-нибудь поле, вероятно, за полтысячи километров отсюда, не меньше. А садиться на вершины деревьев, обвитых лианами...

«Поневоле и сам начнешь читать какую-нибудь молитву», — усмехнулся Вавилов.

И в тот же момент мотор неуверенно чихнул... кашлянул...

Снова томительная тишина.

И вдруг мотор заработал! Загудел бойко и весело, как ни в чем не бывало.

Вавилов обернулся и, не удержавшись, по-мальчишески подмигнул своим спутникам. Лицо коммерсанта расплылось в широченной улыбке. У монаха был такой вид, словно это он самолично сотворил чудо. Оба они приветливо улыбались русскому профессору. Он отвечал им такой же лучезарной улыбкой. Воистину в такие минуты все люди — братья.

Жаль, поговорить нельзя, мешал шум мотора. Оставалось только обмениваться улыбками и приветливыми жестами.

Потом Николай Иванович снова занялся своими бумагами, с удовлетворением подумав: «Как хорошо все же получилось с этими самолетами. Прекрасно выручают меня. Блестящая идея!»

А был момент, когда даже ему положение казалось безвыходным, даже он приуныл.

Вавилов ухитрился превратить в увлекательное путешествие, обогащающее науку новыми замечательными открытиями, каждую деловую командировку. В августе 1932 года отправился он снова в Соединенные Штаты, на VI международный конгресс генетики и селекции. Его

встречали с большим почетом как одного из крупнейших растениеводов мира, а он держался все так же просто, как и в свой первый приезд, одиннадцать лет назад. Бесконечные интервью, приемы, беседы, лекции. Как и в 1921 году, Николай Иванович был привлекающим сердца полпредом Страны Советов.

После посещения Вавиловым Канады директор сельскохозяйственных изысканий мистер Стрендж написал ему восторженное письмо:

«Я опасаюсь, что, если Советская Россия пришлет в нашу страну еще несколько таких способных, любезных и приятных джентльменов вроде Вас, мы скоро все обратимся в пламенных социалистов...»

В поисках интересных и ценных растений для селекции давно уже странствовал по свету не один Вавилов, но и его многочисленные ученики и помощники, сотрудники Всесоюзного института растениеводства. И на карту наносились все новые центры происхождения культурных растений — как маяки, указывающие, где искать нужные материалы: индийский, китайский, индо-малайский, южноамериканский.

И теперь уже туда спешили посылать экспедиции американские ученые — в «вавилонские центры», как их стало принято называть в мировой научной литературе, — в Чили за картофелем, в Хиву за люцерной, в нищий, никого раньше не интересовавший Афганистан за мягкими и особенно карликовыми пшеницами.

А самого Вавилова в эти годы особенно интересовали Центральная и Южная Америка. Они дали человечеству кукурузу, картофель, хлопок, много других ценных растений, тогда как в Северной Америке только использовали привозные. Лишь подсолнечник да земляная груша, как уже говорилось, были когда-то введены в культуру на территории современных Соединенных Штатов.

Первый президент созданной в 1929 году Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина Ва-

вилов к тому времени был уже путешественником опытным и прославленным на весь мир. За «географический подвиг», как было названо путешествие в Афганистан, его наградили золотой медалью имени Пржевальского. Другие путешествия Вавилова были отмечены медалями географических обществ и академий многих стран. В 1931 году Николая Ивановича избрали президентом Всесоюзного географического общества.

Казалось бы, почетный, уважаемый гость. И все же границы большинства стран Южной Америки оставались для него закрытыми, так велик был страх тамошних правительств перед пресловутой «красной опасностью».

Его долго не решались пустить в Мексику. Американская каучуковая компания пугала мексиканские власти, будто Николай Иванович собирается воровать семена гваюлы. Наконец визу ему все же дали, но внесли Вавилова в список иностранцев, для Мексики особо опасных, следили за каждым его движением, а на Юкатане даже посадили в очередную каталажку. И хотя совсем рядом, в джунглях, залитые колдовским лунным светом, прятались таинственные развалины древних городов и храмов, камера, в которой томился Вавилов, ничем не отличалась от тех, в каких ему довелось сидеть и в Персии, и в Сирии, и в полицейских участках разных европейских стран. Та же грязь, та же вонь, как в зверинце. Все тюремные камеры были неотличимы одна от другой, где бы ни находились. Хорошо хоть продержали его здесь недолго — только чтобы успеть тщательно обыскать весь багаж.

Кто-то из американских ученых случайно упомянул, будто, если пользоваться самолетами, почти во всех странах Южной Америки никаких виз не требуется. Сам транзитный билет служит своего рода визой.

Николай Иванович, конечно, тут же запомнил это...

Он в самом деле облетал на самолетах всю Южную Америку. Транзитные билеты открывали ему границы, а

превосходное знание испанского языка вызывало повсюду общее уважение и восхищение — даже полицейских и шпииков.

Пролетая над горными хребтами и бескрайними тропическими лесами, Вавилов благословлял технику, давшую путешественникам крылья. Разве без них он смог бы увидеть за короткий срок так много! Тут масштабы были совсем иными, чем в Афганистане или странах Средиземноморья.

Одна Бразилия — словно огромный особый мир со множеством оригинальных природных зон. В штате Сан-Паулу Вавилов осматривал кофейные плантации, разросшиеся из нескольких зернышек, полтора века назад завезенных сюда из Африки.

Потом гидроплан перенес его в дикий тропический лес на берегах Амазонки. Здешних мест цивилизация почти не коснулась. Тут все оставалось таким же, как во времена плаваний Орельяны или странствий великого Гумбольдта. Пролетая над этими дебрями, Николай Иванович думал о том, какое богатство интереснейших растительных форм еще скрывается здесь. Скоро ли удастся поставить его на службу людям?

Пока все усиленней использовались только каучуконосные деревья. Повсюду по берегам Амазонки возникали в те годы американские и даже японские концессии, закладывались промышленные плантации гевеи. Их Николаю Ивановичу показывали весьма неохотно.

А он старался увидеть как можно больше. Осматривал плантации, делая вид, что не замечает хмурые лица охранников, просил организовать экскурсию в еще не тронутый, совершенно дикий лес.

Кроме сбора материалов и знакомства с работой научных институтов и станций, Николай Иванович еще всюду, где представляется возможность, успевает выступать с лекциями о достижениях советской науки и земледелия, пишет статьи в местные газеты.

На обеде, данном в его честь, он отважно пробует все блюда, пунктуально пометив потом в дневнике для памяти, что обезьяна оказалась «своеобразного, но не очень приятного вкуса», а красная змея — «консистенцией вроде сосиски, но плотней». Особое внимание Николай Иванович, конечно, уделял местным плодам и фруктам, которые подавали на десерт, — с аппетитом съедал их, а косточки и семена аккуратно завертывал в бумажку и прятал в карман.

И при первой возможности отправлял домой очередную посылочку, сопровождая шутивными отчетами:

«Замотался и становлюсь *«geritrishe professor»* *. Уже потерял пальто и пару ручек. Голову тоже было третьего дня потерял на чердаке одной опытной станции, но выдержал, пока только болит голова.

Финансы в порядке. Лично в обрез, но на семена деньги получил.

Порция пространства на сей раз максимальна. И поэтому уже подумываю, когда же она кончится. Но до конца доведу».

Посылал не только семена, колосья или косточки диких местных плодов. С берегов Амазонки шлет в Ленинград даже несколько засушенных бабочек, найдя время тщательно обработать и упаковать, чтобы сохранились неповрежденными огромные крылья, светящиеся в темноте.

Так он летал — и континент раскрывался перед ним с высоты, словно ожившая географическая карта.

Самолеты переносили Вавилова из одной страны в другую, но все же странствовать ему приходилось больше пешком: «ножками, ножками», как он любил говорить. Ведь семена нельзя собирать с воздуха или из окна поезда. Все поля нужно обойти пешком, низко кланяясь каждому колосу.

* Рассеянный профессор (нем.).

В глухих районах Перу Николаю Ивановичу пришлось, нередко рискуя жизнью, поскольку он не был спорстменом-альпинистом, карабкаться по скалам, чтобы добраться до хинных деревьев.

Хина была очень нужна стране, решившей в самые ближайшие годы навсегда покончить с малярией. А синтезировать акрихин химики тогда еще не умели. На импорт хины приходилось тратить свыше полутора миллионов рублей в год. Сколько на эти деньги можно было бы купить тракторов, станков, автомобилей, комбайнов!

И добыть семена хинных деревьев, привезти их домой, завести собственные советские лекарственные плантации Николай Иванович поставил для себя одной из главных задач.

Вечнозеленые деревца, кора которых содержала целебный хинин, в диком виде сохранились только в отдаленных горных долинах, на высоте не ниже трех километров. И карабкаться к ним приходилось по голым отвесным скалам, вспоминая давнее путешествие на Крешу мира. Но теперь ведь он не был так молод, как тогда...

Эти стремительные перелеты от залитых огнями больших городов к труднодоступным горным долинам или плантациям в глуши тропического леса, от пышных дипломатических приемов к задушевной беседе с неграмотным крестьянином, возделывающим картофель на крошечном каменистом поле, были особенно разительны.

На следующий день Вавилов уже донимает вопросами ученых где-то на опытной станции в другой стране, стремительно шагает по полям, все успевая заметить серыми веселыми глазами. Или накупает на местном рынке в каком-нибудь городке всяких семян и плодов, а вечерами стучит до полуночи у себя в номере молотком, готовя к отправке очередные посылки.

А потом снова взрывают моторы и понесут его под облаками на другой конец континента. Но там опять неизвестно, что его ждет: встретят с распростертыми объятия-

ми коллеги-ученые, обрадованные возможностью побеседовать с одним из крупнейших биологов мира, вдруг буквально свалившимся к ним с небес, или угрюмые, недоверчивые чиновники снова посадят его в каталажку «до выяснения личности», как было в Мексике и Чили.

Даже для него, бывалого странника, это путешествие оказалось весьма необычным. Где-то над беспорядочным нагромождением горных хребтов с остроконечными вершинами, похожими на оскаленные клыки чудовищной пасти, раскрывшейся в надежде, что самолет упадет, и готовой проглотить его, Вавилову вдруг пришла в голову забавная мысль о том, что нынче можно совершить даже кругосветное путешествие, сидя вот так, в кресле. И недаром говорят, будто у летчиков сидячий образ жизни, хотя они и находятся вечно в странствиях. Забавно.

В самолете над Андами Николай Иванович отметил и свое сорокапятилетие, написав в очередной открыточке домой: «В курорт пойдем после 75 лет, а пока будем то-ропиться».

В самолетах и на аэродромах в ожидании вылета он пишет не только открытки знакомым и родным, но и подробные послания в институт с планом работы на несколько лет. Не могу удержаться, чтобы не привести одно из его писем почти полностью, — уж очень оно в характере Николая Ивановича и по содержанию, и по стилю.

«7.XI-32. Да, сегодня день — 15 лет революции. Издали наше дело кажется еще более грандиозным. Привет всем. Будем в растениеводстве продолжать начатую революцию.

Дорогие друзья!

Пишу оптом, ибо на этот раз нет времени для писем, хотя писать можно без конца. До черта тут замечательного и интересного!

Пример — картофель. Все, что мы знали об нем, надо удесятерить... Невежество наше и картофель Андов поражающи.

Мы тронули немного картофель. Меньше нас, хотя и после нас, американцы, лучше немцы. Эти выкачивают, имеют агентов. Но я не сомневаюсь, что если диалектику картофельную тронуть всерьез в Перу и Боливии, то мы переделаем картофель как хотим.

До черта видов дикого. Культурный в таком виде, что хотя и видел «пекло творения», но такого еще не видал. И все здесь связи с дикой субстанцией.

Не тронута физиология, химия, технология. Что они дадут картофелю! Примитивы тут агрономические перwokлассные.

Ручной плуг, например, сегодня фотографировал.

Что представляют собой они, ульюки*, ламы, альпаки**. Это все в таком ошарашивающем разнообразии и так локализовано, что только недоразумением можно назвать недоучет целые 2 века селекционером и генетиком того, что тут есть.

Начинаю понемногу понимать философию бытия. Но тут надо сидеть месяцы и, может быть, годы...

Оторвался на 3 месяца от всего мира.

Пока идет ничего...

С аэроплана перешел на землю. Она, конечно, в тысячу раз интереснее.

Собираю все.

Худы дела финансовые. Кроме суточных, сведенных к минимуму, ничего не имею, и покупаю, и посылаю семена за весьма убогий личный бюджет. И боюсь, что на полдороге завоплю гласом великим. Спасайте.

Чинят сукины дети препятствия, слежка на каждом шагу. Тут «русских» боятся, как дьявола...

Отправил 8 посылок по 5 кило. Не могу не посылать. Но с ужасом помышляю о весе картошки (а надо каждо-

* Дикое местное растение.

** Местные животные, не встречающиеся больше нигде.

го «сорта» по 30 клубней минимально) и о стоимости каждой посылки в 7—8 руб. золотом, не считая труда.

Беру все, что можно. Пригодится.

Советской стране все нужно. Она должна знать все, чтобы мир и себя на дорогу вывести. Выведем.

Завтра буду на границе Боливии. Там «революция». Это худо прежде всего по финансам. Ибо здесь принцип Гейне: «Если ты имеешь много, то тебе еще дадут, если мало (а в этом случае так оно и есть), то и это очень малое возьмут...»

В Кордильерах ищу субстанцию культур и сортов, а через месяц в Аргентине и Бразилии буду изучать будущее мирового земледелия.

Тороплюсь.

В «Пуне» у снегов промерз и простудился, но пока сошло. И времени не потерял.

В конце ноября снова на аэроплан и в Чили.

Издали еще яснее, что, dear friends*, дело делаем... Мир баламутим. И к сути дела пробираемся. Институтское дело большое, и всесоюзное, и всемирное.

Не всем это понятно, но работой и результатами себя оправдаем и отечеству, и миру смотреть в глаза будет не совестно. Пусть сделают лучше, если сумеют.

Душой с Вами. И как ни интересно тут, но надо домой.

Но надо забрать и вобрать максимум...

Посылаю всю агрономическую литературу. Она идет на мое имя, но буду рад, если кому-либо пригодится.

Много любопытного по новым культурам. А роль картофеля тут исключительная. Горная Боливия и Перу страны исключительно картофельные.

Привет. Ваш Н. Вавилов.

Всем поклон».

* Дорогие друзья (англ.).

Картофель особенно интересовал Николая Ивановича. Южная Америка, горные долины Кордильеров были древней родиной «земляных яблок».

Испанские конкистадоры, завоеватели Америки, были уверены, что самая дорогая их добыча в Новом Свете — золото. Ради него они шли на любые преступления. Но конкистадоры ошибались. Не золото, а картофель оказался самым ценным из всего, что привезли в Европу крутобокие каравеллы. Если подсчитать стоимость картофеля во всем мире, выращиваемого только за одно лето, она далеко превзойдет ценность всего золота, награбленного в Новом Свете алчными конкистадорами.

Но вот беда: тот вид картофеля, какой они вывезли в Европу, оказался весьма подвержен заболеванию фитофторой, нередко уничтожавшей до половины урожая. А были годы, когда в некоторых странах болезнь губила все посевы картофеля. От голода, возникшего из-за этого в 1830 году, в одной лишь Шотландии умерло более миллиона человек — половина населения страны.

Посланцы Вавилова, сотрудники ВИРа С. М. Букасов и С. В. Юзепчук, уже раньше обнаружили и привезли из Южной Америки клубни пятидесяти новых, неизвестных науке видов картофеля. Среди них некоторые оказались совершенно не подверженными губительной фитофторе — новое блестящее подтверждение правильности новаторских теорий Вавилова об иммунитете.

— Я считаю, что тысячелетия пройдут, но это открытие останется фундаментальным в отношении знаний о картофеле, — сказал ликующий Вавилов в одном из докладов. — Американская наука, которая всегда шла впереди нас, в настоящее время отстала от нас. Ведь мы обладаем учением Дарвина, владеем комплексным методом в своей работе: и цитологическим, и генетическим, и химическим, и изучением болезнеустойчивости... Мы открыли комплексным методом множество видов, которые в мировой науке не были известны. Доктор Букасов от-

крыл пятьдесят видов картофеля. Не пятьдесят сортов, а пятьдесят видов!.. Я бы сказал, что, поскольку это работа коллективная, огромного коллектива — это великая работа.

Казалось, успех блестящий. Больше в этих краях искать нечего. Но Вавилов и тут ухитряется выяснить немало нового и важного:

«Изучая поля цветущего картофеля в Перу, убедился, что все так называемые местные сорта еще могут быть разбиты на сотни форм, да каких... Цветки различаются по размеру вдвое, чашелистики в 10 раз, есть с раздельно-спайными лепестками, сколько тут химер*, гамма цветов на любом поле от синего темного через весь ряд до белого, да с орнаментом, а листва...

Словом, сортов и разновидностей ботанических тут миллионы...»

...Самолет вдруг резко и сильно качнуло. Теперь Вавилова отвлекли от работы раскатистый грохот и яркая вспышка, озарившая всю кабину.

За окном бушевала тропическая гроза. Она началась внезапно, и ничто не могло предупредить пилота о ее близости. Никаких метеосводок он в полете в те времена не получал. Да и вообще связь с землей поддерживалась лишь изредка. Она полностью зависела от капризов атмосферы и несовершенной радиотехники тех лет, кажущихся теперь незапамятными...

Только что сияло солнце, а теперь невозможно было определить, в какой оно стороне, куда лететь. Стрелки компасов метались, как бешеные. От всех металлических деталей с треском сыпались искры.

Тяжелые струи тропического ливня били в крылья с такой силой, что вот-вот грозили их обломить. Грохот

* В данном случае — прививочные гибриды двух разных видов растений.

стоял, как в кузнечном цехе. Стена дождя закрыла все вокруг. В кабине стало совершенно темно. Ее озаряли только слепящие вспышки молний, почти непрерывно одна за другой вонзавшихся в океан, бушевавший внизу — может быть, далеко, а возможно, совсем близко, уже под самыми колесами...

Монах снова торопливо читал молитву. Но даже сам господь бог не сможет его услышать в шуме ливня и раскатах грома, сливавшихся в сплошной гул.

Маленький самолет бросало из стороны в сторону. Он вдруг проваливался вниз так стремительно, что казалось, будто кресло ускользнуло и Вавилов остался висеть в воздухе один-одинешенек. Потом, натужно рыча, самолет, задрав нос, начинал с трудом выкарабкиваться из воздушной ямы, и растущая сила тяжести втискивала Николая Ивановича в кресло.

Только бы не отказал мотор! Тогда крышка. Швырнет вниз, как щепку, затянет в штопор, и врежутся они в океан. Земля уже давно осталась где-то за стеной дождя, позади. Под ними Атлантический океан.

Николай Иванович неожиданно почувствовал, что ноги заливают вода! Что такое?! Уж не захлестывают ли самолет океанские волны?

Он нагнулся и при очередной вспышке молнии увидел: на полу кабины плещется вода! К счастью, ее было немного. Видно, дождь проник в щели кабины. Николай Иванович поджал ноги.

Нелепость какая! Не хватало еще утонуть во время полета, в воздухе, в самолете! «И за каким чертом понесло меня на эту галеру?» — мысленно повторил он бессмертную жалобу мольеровского героя, начисто забыв, что еще совсем недавно так восхищался преимуществами воздушного транспорта. Теперь как нарочно в голову лезли мысли мрачные и скептические: «Ведь что такое, в сущности, самолет? Коробочка фанерная, если разобрать, которую швыряет ветер в небесах над океаном...»

Но и на этот раз ему повезло. Они прорвались сквозь грозу. Гром, молнии, ливень остались позади. Над бушующим океаном, выглядевшим с высоты очень красиво, разливался вполне идилический, нежный закат.

Через час, в быстро сгущавшихся сумерках, они приземлились на аэродроме Тринидада, где Вавилова давно ожидал встревоженный опозданием доктор Харланд со своими помощниками. Вид у Николая Ивановича, вышедшего из самолета, был довольно помятый, ноги плохо повиновались ему...

Он пробыл в институте два дня. Показ плантаций, научные дискуссии, бесконечные вопросы гостя, — доктор Харланд и его сотрудники были совершенно измотаны. Провожая Вавилова, они еле стояли на ногах, пошатывались, улыбались с закрытыми глазами. Доктор Харланд устал до того, что, простившись в Николаем Ивановичем и пообещав ему непременно побывать в Советском Союзе, стал машинально прощаться и со своими помощниками и даже пытался обнять одного из них, спутав его с Вавиловым...

А Николай Иванович был, как всегда, бодр, весел безукоризненно выбрит и щеголеват, хотя и ему за последние двое суток едва ли удалось поспать более трех часов.

Когда самолет взлетел и начал подниматься в небо, постепенно исчезая в сиянии солнца, доктор Харланд еле выговорил:

— Поразительный человек! — и, передохнув, добавил: — Завтра мы все отдыхаем. И послезавтра тоже! Я даю всем три дня отпуска. Раньше мы не сможем работать.

А Вавилов тем временем в самолете удобно пристроил на коленях портфель и разложил на нем бумаги. Накопец-то можно без помех поработать. Пока свежи в памяти, записать впечатления и возникшие идеи, а их немало. Нет, все же в самолетах очень удобно путешествовать...

...Благополучно вернувшись домой, Николай Иванович

прочитал несколько лекций, неизменно собиравших так много людей, что почтенные географы удивлялись:

— Ничего не можем понять. Наш Николай Иванович просто чудо сотворил. Впервые видим, чтобы на доклад географа публика ломилась, как на концерт Собинова!

Николай Иванович на лекции, конечно, помянул и о том, как помогла ему авиация, как летал над Южной Америкой на самолетах. И вдруг в зале начался смех.

В чем дело? Николай Иванович даже несколько опешил, ничего не мог понять. Почему смеются?

После лекции он спросил об этом Лидию Петровну Бреславец.

— Да как же не смеяться, Николай Иванович, — ответила она, и тоже расхохоталась, не выдержала. — Вы похвалили бразильских летчиков: дескать, молодцы, летают и ночью. А почему это вам понравилось? Есть время, сказали вы, поработать, привести в порядок записи, сделанные днем. Вот это всех и рассмешило. Забавно, что вам даже не приходит в голову: нормальным людям надо иногда и отдыхать, хотя бы ночью и тем более в дороге, в самолете...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой опять звучат голоса людей,
хорошо знавших

Н.И.Вавилова

Он работает и по ночам. Работает везде — в самолете, страдая от морской болезни, в каюте парохода, на караванной тропе или на дипломатическом приеме.

И вот поразительные результаты этой «деловой коман-

дировки»: семь тысяч килограммов семян пшеницы, кукурузы и льна собственноручно собрано, запаковано и прислано только из Аргентины!

На стеллажах хранилищ Института растениеводства — бесконечные ряды металлических коробочек с семенами заветного хинного дерева, множества семян новых сортов хлопчатника и кормовых трав, неизвестных прежде советским селекционерам.

Пароходы везут в Ленинград не только тяжелые ящики с картофелем, не боящимся фитофторы, но еще и свыше двух тысяч экземпляров книг и журналов на английском, испанском, португальском языках. Николай Иванович покупал их для институтской библиотеки во всех странах, где довелось побывать, и находил время просмотреть, прочитать, отметить самое важное.

Обогащена новыми важными открытиями и теория. Открыто еще несколько новых важных центров происхождения ценнейших культурных растений: Южномексиканский, Центральноамериканский, Бразильско-Парагвайский. Крошечным, но вполне самостоятельным центром следует считать, как установил Вавилов, небольшой островок Чилоэ у берегов Чили: именно он дал тот вид картофеля, что распространился потом по всей Европе.

Поистине новое открытие Америки! Блистательно выполнено то, о чем еще недавно мечтал Николай Иванович в одном из писем: «Если все удастся — то будет еще часть мира в порядок приведена...»

И самое поразительное: по результатам — словно поработало несколько больших экспедиций, а ведь сделал все это один удивительный человек!

«Он работал не ради наград, не ради похвал. Целью его жизни была наука, достижение научной истины. Эта задача заполнила всю его жизнь, и успехи в ее решении были для него подлинной и лучшей наградой. Вот почему он никогда не боялся ни критики, ни ревизии своих научных положений.

У Вавилова подвиг был обычным актом всей его деятельности. Подвигом ученого были его выдающиеся научные исследования и созданные им теории. Подвигом путешественника — его научные экспедиции. Подвигом было его блестящее руководство крупнейшими научными учреждениями. Подвигом была его гигантская организаторская деятельность. Подвигом была вся его неповторимая жизнь, отданная беззаветному служению Родине». (академик ВАСХНИЛ Н. А. Майсурян).

Но ему все казалось мало. Вавилов был в высшей степени самокритичен и требователен к себе, показывая пример ученикам и помощникам.

Журналист С. М. Шпицер вспоминает, как готовил для одного научно-популярного журнала статью о Николае Ивановиче. В основу ее он взял стенограмму доклада Вавилова об одном из его путешествий, но внес от себя некоторые добавления, усиливавшие, по его мнению, читательский интерес:

«Когда я попросил Николая Ивановича просмотреть готовую статью, он безжалостно стал вычеркивать мои «отсебятины», приговаривая: «Это преувеличено», «Это чересчур», «Надо поскромнее», «Пересолили», «Нельзя так, это реклама». Делать было нечего. Статья появилась в интерпретации Николая Ивановича».

«Любые свои рукописи, — вспоминает академик ВАСХНИЛ, Герой Социалистического Труда С. М. Букасов, — Николай Иванович неизменно давал на просмотр коллегам, всегда с большим вниманием выслушивал их и вносил нужные изменения».

Николай Иванович умел публично, если надо, в печати признавать сделанные ошибки. Такой же принципиальности, честности и преданности делу он всегда требовал от других.

— Идолы, — шутливо, но настойчиво говорил он своим сотрудникам, — вам мешает инерция покоя, мало проявля-

его активности и интереса к работе, а ведь в этом только и есть смысл жизни.

«Он органически не переносил чванства, самомнения и прекрасно умел диагностировать внутреннюю пустоту людей. К ним он был строг и беспощаден. Вспоминается одно совещание в кабинете Вавилова в 1930 году. Вдоль стен сидят приглашенные сотрудники института... Доклад об освоении горных стран читает человек средних лет с галстуком-бабочкой. Говорит поразительно гладко, даже художественно, но все сведения почерпнуты из зарубежных книг. Докладчик умалчивает об авторах трудов, которыми он манипулирует, его личный опыт в освоении гор равен нулю. Лицо Николая Ивановича потемнело, и он направил прения в сторону резкой критики докладчика» (профессор А. В. Гурский).

Географ П. П. Померанцев дополняет эти воспоминания:

«Нельзя не отметить особенного умения Вавилова вести самые сложные заседания...

Иногда в неловкое положение попадали кое-кто из членов совета. Николай Иванович был всегда выше этих, как он называл, «заячьих петель». Он пресекал их самым решительным и неожиданным образом. Иногда даже одной только вопросительной фразой, вроде того: «Ну что ж? Как сказал поэт, не помня зла, за благо воздадим? — Не дожидаясь ответа от заинтересованного лица, с самой очаровательной улыбкой резюмировал: — А в протокол пока все эти изречения писать не будем. Пусть товарищ пока что вопрос этот серьезно доработает. И чем скорее, тем лучше!» И можно быть уверенным, что впредь с опрометчивыми или расплывчатыми заявлениями этот человек в совете уже никогда не выступит.

В близком кругу Николай Иванович говорил: «Хуже нет, когда ученый начинает хитрить, да еще при свидетелях, таких же ученых, как и он сам. В старой сказке это называется просто: дурак дурака вдруг вздумал уму-

разуму учить. А вот в науке хитрить да кляузы разводять — самое распоследнее дело!»

Обладая чувством большого такта и доверием к людям, сам Николай Иванович был человек прямой, открытый, честный и совершенно не переносил лжи.

Как-то раз, когда Вавилов был в каком-то путешествии, один из его многочисленных сотрудников совершил нечестный поступок. Николай Иванович очень ему верил. И этот человек был вынужден сам уйти из учреждения, дорога к сердцу Вавилова была для него закрыта навсегда».

— К экзаменам я отношусь легко, оставляя их на совесть студента, ну а к дипломной работе очень строг, — говорил Николай Иванович.

«Он всегда лично обстоятельно экзаменовал аспирантов, требовал хорошего знания нескольких иностранных языков, даже малораспространенных, если в этом была необходимость. Мне Николай Иванович поручил читать литературу на голландском и датском языках, а отправляясь в экспедицию в Мексику, я в короткий срок изучил испанский язык». (С. М. Букасов).

— Мы ждем, чтобы, закончив аспирантуру в определенной группе, вы по своему разделу стояли на глобусе, — говорил будущим ученым Вавилов. — Если вы пришли в науку, то вы обречены работать над собой до гробовой доски. Только тогда мы являемся научными работниками, если мы движемся. Мир весь движется, каждый месяц приносит новые ценности, поэтому надо научиться регулярно следить за пульсом, который имеется у глобуса, следить за всеми книгами, которые выходят по вашему разделу научной работы, знать даже, какие книги должны появиться, какие работники по вашему разделу работают, даже уметь сноситься с ними, ставить перед ними вопросы. Завязывайте связи с молодости. Овладевайте иностранными языками — это орудие, это основной метод...

Николай Иванович был очень требователен к себе и к другим. И в то же время:

«Хвалить он умел, как никто другой. Когда я принес ему для «Докладов» статью «Фотопериодизм и иммунитет растений», он долго и любовно разглаживал ее рукой, любовался изображением листьев черной смородины, пораженного ржавчиной, а затем сказал с такой уверенностью, что у меня даже дыхание перехватило: «Эта ваша работа войдет во все монографии мира как по иммунитету, так и по физиологии растений». И я до сих пор верю, что так и должно случиться» (профессор Б. С. Мошков).

«Не было для Николая Ивановича большей радости, чем узнать о новом открытии: непосредственно ли из разговора с автором, или прочитав интересную книгу, статью. День становился для него праздничным, — вспоминает профессор Е. Н. Синская. — Он спешил рассказать о новости своим посетителям, секретарям, а если в кабинете и в секретарской комнате никого не было, бежал в ближайший отдел и еще с порога кричал: «Товарищи, послушайте...»

«Талантливые выступления ученых... были для Николая Ивановича праздником, предметом обсуждений, сравнений и воспоминаний, — рассказывает действительный член Географического общества СССР П. П. Померанцев. — Истинные огорчения вызывали у Вавилова скучные и бессодержательные сообщения, хотя и здесь его всегдашний оптимизм, а то и юмор брали свое. «Вот тут у себя в институте, — как-то раз говорил Вавилов, — был я на одном докладе. Выступал ученый с опытом. С регалиями полный порядок, а вот как начал, как начал, так я и не знал, когда же это ученое наваждение закончится. Я теперь уже забыл, в каком это рассказе говорится, как посадили одного семинариста в карцер, он там сидит и думает: «Эх-ма! Не придется мне сегодня у попадьи блинов поесть». Точь-в-точь как я на этом докладе. Сижусь и думаю: «Ведь эдак и поглупеть недолго. Честное слово!.. Вот у Ломоносова небось на докладах о попадье с блинами не думали. Настоящую науку творили!»

Его идеал? Тому же П. П. Померанцеву Вавилов говорил:

— Возьми Дарвина. «Происхождение видов». Ведь небольшая по сути дела книжка, страниц на двести... А возьми Эйнштейна? Пустячную написал по размерам брошюрку. Понял? Это, дорогой мой, светильники настоящей науки! Наши путеводные звезды!

«В настоящее время академик Вавилов самый популярный ученый на свете, — писал в 1939 году болгарский генетик Дончо Костов. — И хотя он еще сравнительно молод, нет уголка на земном шаре, где не знают его имени».

Николая Ивановича избрали своим членом академии наук Индии, Германии, Чехословакии, Шотландии, Лондонское королевское общество, Нью-Йоркское географическое и Американское ботаническое общества, Линнеевское общество в Лондоне и другие известные научные учреждения в различных странах.

Изучение пшениц началось примерно за двести лет до Вавилова. Всего двадцать с небольшим лет изучал пшеницы он наряду с другими растениями. И благодаря его трудам за такое короткое время науке стало известно в два раза больше видов и в четыре раза больше разновидностей главного хлеба планеты! Пожалуй, можно назвать еще лишь несколько крупнейших ученых во всем мире, которые в нашем двадцатом веке потрудились так же славно, как Вавилов, ради того, чтобы человечество имело хлеба вдоволь. Его заслуги в этом поистине титанические.

А Николай Иванович, как мы знаем, вовсе не был одиноким воином в поле. Он возглавлял и вдохновлял уже целую армию талантливейших ученых.

К 1940 году коллекция семян ВИРа насчитывала около двухсот тысяч различных сортов и образцов. Чтобы собрать их, не только Вавилов побывал в пятидесяти двух странах, его сотрудники совершили 180 экспедиций.

На бесконечные стеллажи ставились все новые жестяные коробки с семенами, привезенными из разных стран. Это были плоды труда многих поколений людей: крестьян Испании и Кореи, огородников Японии и Афганистана, неграмотных индейцев, собирающих на склонах Анд клубни дикого картофеля, не боящегося никаких болезней, — тех, кто принадлежит к великому братству земледельцев, кормящих и одевающих весь мир. Ничего даже отдаленно похожего не было больше нигде в мире.

С этой бесценной коллекцией велась непрерывная работа. Через определенные промежутки времени, чтобы сохранить их всхожесть, все семена и клубни приходится высевать, освежать. Кроме того, чтобы выяснить, как ведут себя «заморские гости» в различных природных условиях нашей огромной страны, Вавилов организовал специальные «географические посевы» сразу в 115 различных пунктах — на севере и на юге, под Ленинградом и на Дальнем Востоке, в горах и в пустынях.

Для этой исполинской работы требовался именно такой человек, как Вавилов, — с богатейшей эрудицией, широким кругозором, неиссякаемой энергией.

Это был ученый совершенно нового типа. Революция помогла раскрыться и развернуться во всю богатырскую мощь его великолепным организаторским качествам.

Он член высших органов Советской власти — Центрального Исполнительного Комитета СССР и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), депутат Ленинградского Совета. Самый молодой академик Академии наук СССР и Украинской академии наук, первый президент Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Президент Всесоюзного географического общества. Одновременно Николай Иванович возглавляет Институт генетики АН и свое любимое детище — Всесоюзный институт растениеводства. А ведь только в одном этом институте под его руковод-

ством трудились полторы тысячи ученых! И каждый из них — творческая, неповторимая личность, каждый требует уважения, внимания, особого подхода.

«Николай Иванович Вавилов отлично дирижировал ансамблем своих сотрудников. Он отбирал их по одаренности, перспективности и эрудиции. Среди них были классики ботаники, генетики и селекции. Н. И. Вавилов напоминал мне вулкан Стромболи в Средиземном море, который, вечно пылая, служит морякам естественным маяком» (академик П. М. Жуковский).

Он приглашает приехать поработать в Советский Союз, помочь быстрее поднять наше сельское хозяйство талантливых ученых из других стран, и они успешно трудятся вместе с ним — прославленный американский исследователь, лауреат Нобелевской премии Герман Меллер со своим ассистентом, аргентинским ученым Офферманом, известный болгарский генетик Дончо Костов.

Помощников и друзей Николай Иванович умел находить всюду. Напуганные британские чиновники не пускают Вавилова в Египет. Николай Иванович знакомится в Италии с молодым студентом-биологом Гудзони. Очаровывает его, увлекает, и вот уже Гудзони отправляется в Египет, для него дорога туда открыта! Собирает там образцы по заданию Вавилова, шлет посылки в Рим. «Хлопец дошел до Судана», — с гордостью сообщает в институт Вавилов.

А из Рима эти посылки отправляет в Ленинград другой добровольный помощник великого сеятеля — тогда тоже студент, теперь уже почтенный профессор М. Гайсинский, — добавляя к ним образцы, собранные им в Италии, пока Вавилов странствует по Испании.

Ревизор-инспектор по кадрам однажды выразил удивление, не обнаружив в приказах Вавилова по институту ни одного взыскания.

— Вы не правы в своих замечаниях, — с непривычной для него резкостью сказал Николай Иванович. —

Я считаю, что приказной режим в науке непригоден. Там, где отдают жизнь, отношения надо строить на иной основе!

Николай Иванович вывешивает приказ по институту:

«Объявляю соцсоревнование: первой тройке, которая сдаст работу, выдается коробка импортного шоколада. Специально заводится красная доска, надеюсь, что в черной нужды не будет».

Другая характерная мелочь. Машинистка приносит Вавилову на подпись его письмо с отзывом о работе одного ученого. Николай Иванович внимательно просматривает, быстро вычеркивает слово «академик», вписанное машинисткой, и подписывается просто: «С приветом! Вавилов».

«Как-то я написал письмо с выражением «предлагаю Вам» и попросил его подписать. Николай Иванович посмотрел, усмехнулся и сказал: «Вот привыкли приказывать». Зачеркнул эти слова и поставил «очень прошу Вас». Его просьба и рекомендации исполнялись гораздо лучше и точнее, чем иные строгие приказы с угрозой наказания» (профессор А. И. Купцов).

«Для Николая Ивановича не существовало никаких различий по занимаемому положению, — рассказывает профессор Л. П. Бреславец. — Он всех звал по имени и отчеству, даже если сотруднику было 14—15 лет (молодежь работала у нас весной и летом — при посеве и уборке). Я никогда не слышала, чтобы он ошибся или перепутал имена, никогда не видела, чтобы изменилось выражение его лица — здоровался ли он с начинающими сотрудниками или с маститыми учеными. Разве только если он ловил кого-нибудь на неправильном или фальшивом ответе. Тут он умел немногими словами, не повышая голоса, довести человека до признания своей ошибки. Но лучше всего для людей, имевших счастье работать с ним, был его собственный пример...

Николай Иванович был самым настоящим товарищем

в лучшем значении этого слова; он умел и одобрить и поддержать в беде, но умел и говорить те горькие истины, которые так часто приходится выслушивать молодым сотрудникам».

Вавилов умел давать советы и делать замечания в шутиливой, доброжелательной форме, так что это никогда не было обидным:

— Дорогой, ну кто же будет читать все эти надписи, ведь это выставка, а не научная статья. У вас же нет ничего привлекающего внимание. Посетители увидят сухие растения и мелкие надписи и пройдут мимо. Надо сделать так: по полу протянуть веревку, а над стендом дать крупную надпись: «Абрикос за Полярным кругом». Тогда какаждый посетитель, споткнувшись о веревку, упадет, а поднимаясь, невольно взглянет на крупную надпись, заинтересуется... и будет рассматривать экспонаты.

Демократичен и прост в обращении Вавилов был еще с детства, с юности, когда дружил с детьми рабочих Пресни, хоть это и не нравилось его отцу. Не прерывал он этой дружбы и став студентом. А когда отец стал ему выговаривать за «панибратство», Николай Иванович демонстративно переселился из родного дома в студенческое общежитие, пока Иван Ильич не сдался.

«...Однажды устроили мы костюмированный вечер в Детском Селе (в 1923 году), в вестибюле дворца.

Оркестрант объявил, что сейчас музыканты сыграют «польку-бабочку», но пары стояли, не зная, как ее танцевать.

В это время из своего кабинета вышел Николай Иванович, который до этого просматривал чью-то рукопись, готовящуюся к печати, подхватил первую попавшуюся на пути «даму» и с искренним весельем прошел несколько кругов, пока в танец не втянулась вся молодежь.

Николай Иванович жил нашими интересами, бедами, радостями. Его интересовала личная жизнь каждого, он был для нас авторитетнейшим советником во всех делах,

даже в мелочах» (К. Г. Прозорова, бывший научный сотрудник ВИРа).

Николай Иванович никогда не упускал случая похвалить хорошего работника, поставить его в пример другим, всячески помочь ему. В архиве трудился Е. И. Глейбер. Там он дневал и ночевал, наводя порядок, хотя это оставалось для многих незаметным. Но только не для Вавилова.

— Вы, друзья, все должны помочь Глейберу, — говорил он. — Ради дела он с себя последнюю рубашку снимет...

Нередко, не успев принять даже до десяти вечера всех, кто к нему пришел, Николай Иванович запросто приглашал ожидавших в «преддверии», как шутливо прозвали комнату перед его кабинетом, отправиться с ним к нему домой и побеседовать там.

«Здесь, в гостиной, гостям предлагали чай. На длинном столе преобладало сладкое — печенье, пирожные, множество сортов конфет. Стояло и несколько бутылок легкого виноградного вина, но желающий выпить должен был обслужить себя сам. Николай Иванович всю жизнь оставался равнодушным к спиртному. За столом завязывалась общая оживленная беседа, продолжались деловые разговоры, начатые в институте» (профессор Ф. Х. Бахтеев).

«В квартире Вавилова допоздна толкался народ. Кого только тут не встретишь — из самых различных учреждений Академии наук, музеев до Эрмитажа включительно и из многих мест нашей необъятной страны. Доценты и профессора, доктора и кандидаты наук «всех мастей», как любил с искренним удовольствием говорить хозяин, знакомя пришедшего с каким-нибудь новым человеком.

Своим образным и всегда веским словом, слегка налегая на «о», переходя в личной беседе неожиданно на дружеское «ты», он просто обезоруживал своих оппонентов в самых сложных спорах. «А не загнул ли ты тут кое-что от лукавого? — с хитрющими прищуренными глазами,

почесывая затылок, тихим баском говорил Вавилов. — Подумай!» И ненароком «загнувший» (а это мог быть и молодой диссертант, и убеленный сединой заслуженный ученый) сразу понимал всю суть тонкого вавиловского замечания и начинал смущенно благодарить» (П. П. Померанцев).

Зашедший к Вавилову домой в выходной день, если это было зимой и Николай Иванович не уезжал на опытные поля, чаще всего мог застать его за любимым занятием: расстелив на полу огромную карту, академик и президент Географического общества лежал на ней, намечая маршруты будущих экспедиций. Нимало не смутившись, он предлагал гостю устроиться рядом и так — «на глобусе» — беседовал с ним. Многие с удовольствием вспоминают об этих интереснейших беседах.

Николай Иванович был тонким психологом, большим знатоком людей. Он умел найти к каждому правильный подход: одного похвалить, другого — пожурить, высмеять, третьего — вовремя подбодрить.

Зимой 1918 года с известным селекционером К. И. Пангалом случилась беда: он попал под трамвай и лишился левой ноги.

«...Все мои страстные стремления к большому, значимому в науке разом рухнули, и я чувствовал себя выброшенным из жизни, — вспоминает он. — Это настроение еще усиливалось при встречах с людьми. Каждый, с печальным видом пожимая мне руку, высказывал свое соболезнование, и такое «дружеское» сочувствие только увеличивало мое отчаяние. Но вот однажды в моем служебном кабинете появился Николай Иванович. Он вошел, как всегда, бодро, весело, поздоровался и, усевшись в кресло, обратился ко мне со своей широкой, милой улыбкой:

— Ну как дела, что нового?

— Сами видите, Николай Иванович, калекой стал, выбыл из строя, — горестно ответил я.

— Ногу потерял, так уж и из строя вышел! — доб-

родушно усмехнулся Николай Иванович. — Пустяки какие! А автомобили на что? — добавил он.

И, словно я действительно сказал ему о каком-то не стоящем внимания пустяке, он стал рассказывать о начатых им в Саратове исследованиях...

— Вот приезжайте-ка ко мне в Саратов, посмотрите, поговорим, — заключил он, прощаясь.

Когда он ушел, я с удивлением почувствовал себя совсем другим человеком. На мою инвалидность нуль внимания, даже усмехнулся, даже пошутил. Значит, это действительно не такое уж несчастье, как я себе представлял! Беседа была обычная, деловая, расспрашивал о моих работах, пригласил приехать в Саратов... Стало быть, по-прежнему, стало быть, я не выбывал из жизни?! И надо было пережить то, что пережил я, чтобы понять, какой огромной радостью наполнилась моя душа».

Профессор, заслуженный деятель науки Молдавской ССР К. И. Пангало вспоминает и о другом похожем случае, когда Николай Иванович так же умело и чутко, без всяких громких и «возвышенных» слов сумел подбодрить человека в трудную минуту. Организатору и первому директору Среднеазиатской станции ВИРа М. Ф. Перескокову предстояла тяжелая, опасная операция.

«Он был удручен, но Николай Иванович, дня за два до операции обсуждая с ним дела, вел беседу так, как будто жизни Перескокова ничто не угрожало. Заканчивая разговор, он сказал:

— Так, значит, к хирургам направляетесь послезавтра? Ну а завтра обязательно пойдите в театр и послушайте там какую-нибудь хорошую оперу.

И, улыбнувшись, похлопал по плечу Мирона Филипповича, который тоже как-то посветлел лицом.

За многие десятки лет мне ни разу не приходилось видеть на лице Николая Ивановича выражения печали, разочарованности, равнодушия, усталости, — добавляет профессор Пангало. — Это была какая-то воплощенная

жизнестойкость, и благодаря ей Николай Иванович был в состоянии работать с исключительным напряжением».

Вот Вавилов пишет упавшему духом сотруднику: «Впереди нужно сделать горы: заставить расти у нас хинное дерево, заставить яблоки цвести от семян через несколько месяцев, персики плодоносить месяца через три-четыре после посева семян. Неплохо было бы заставить хинные прутики, которые у нас растут, накапливать процентов до 10 хинина вместо одного процента. Повторяю: задач перед физиологом и физиологией — гора. Жду от вас подвигов».

«Всех, кто знал Николая Ивановича, воодушевляли его неисчерпаемая жизнерадостность, великодушие, щедрая и обаятельная натура, многосторонность его интересов и энергия, — вспоминает американский ученый Г. Меллер. — Эта яркая, привлекательная и общительная личность как бы вливала в окружающих свою страсть к неутомимому труду, к свершениям и радостному сотрудничеству. Я не знал никого другого, кто разрабатывал бы мероприятия такого гигантского масштаба, развивал их все дальше и дальше и при этом вникал бы так внимательно во все детали...

...Я хочу еще раз подчеркнуть, что Н. И. Вавилов был поистине великим в самых разнообразных проявлениях — как ученый, как администратор, как человек. В противоположность некоторым исключительным личностям он живо интересовался всем окружающим, притом без малейшего чувства превосходства. Он целиком погружался в работу, в служение науке и народу, в разрешение проблем, в научный анализ и синтез, в наблюдение и в эстетическое восприятие. Обладая глубокими познаниями, он был при этом более жизнелюбивым и жизнеутверждающим, чем кто-либо, кого я когда-нибудь знал. И его усилия, так же, как и пример его жизни, поистине не пропали даром».

«Привести в порядок земной шар!»—это было сказано

в юности шутливо, но выполнялось всерьез. Вавилов шлет все новые и новые экспедиции во все уголки Земли.

Он руководит работой нескольких тысяч ученых, создает новые институты и опытные станции в разных уголках огромной страны, читает лекции, выступает с докладами, пишет книги и статьи, редактирует чужие, отвечает на сотни писем из многих стран, но при первой возможности отправляется в путь — в Японию, в Синцзян, в Корею или в Дагестан, в Среднюю Азию.

«Поскольку существуем — движемся», — любил говорить Николай Иванович, и эти слова можно поставить эпиграфом ко всей его кочевой жизни. Он успел посетить пятьдесят две страны — большую часть планеты!

Недаром он любил шутить: «Если у тебя есть десять рублей в кармане, путешествуй!»

«Трудно даже представить себе, как один человек мог объехать так много стран, и притом не как турист, а как ученый, собирающий необходимый научный материал, десятки тысяч образцов семян и растений для того, чтобы заложить основу новой селекции, новых идей и новых теорий...

За экспедициями Вавилова внимательно следили во многих странах. Ему стали подражать, поняв огромную значимость собираемого растительного материала. Имя Н. И. Вавилова упоминалось наряду с именами наиболее прославленных в мире путешественников» (академик ВАСХНИЛ Н. А. Майсурян).

А великого сеятеля снова тянуло в дорогу. Кажется, давно объездил весь Советский Союз, но вот отправляется в новое путешествие.

Опять он поражает всех неутомимостью: «Только поздним вечером вернулись мы на станцию. ...пограничники пригласили Николая Ивановича и его товарищей на ужин. А глубокой ночью, без перерыва и отдыха Вавилов открыл совещание по будущему гваюлы... Совещание закончилось на рассвете. Большинство спут-

ников Николая Ивановича к этому времени уже свалились от усталости. С теми, кто еще держался на ногах, он отправился осматривать поля Туркменской опытной станции... Было уже совсем светло. Сотрудники, не участвовавшие в совещаниях и мирно спавшие на свежем воздухе под марлевыми пологам, просыпаясь, с удивлением видели быстро движущуюся группу людей, во главе которых летел бодрый, свежий и веселый академик Вавилов. За короткий марш по полям он заметил все существенное, дал нужные рекомендации, поругал кое-кого за упушения. Затем с веселым криком поднял ото сна тех, кто не выдержал ночного совещания, сел в машину и уехал в Кизыл-Арват и дальше, к новым людям, новым дорогам и новым работам» (профессор А. В. Гурский).

Где-то в горах Кавказа его встречают другие ученые, радостно изумляются, спрашивают: «Куда вы едете, Николай Иванович?» — «Вселенную объезжаем», — весело отвечает он.

Его сопровождают ученики, среди них молодой ученый Ф. Х. Бахтеев. Они останавливаются на ночлег в одном горном ауле. Вечером Николай Иванович долго беседует с горцами, восхищая их великолепным знанием фарси. Но многие растения на местном наречии называются по-особому, и Вавилов тщательно записывает в неразлучную памятную книжку: пшеница — «манауа», рожь — «сусела», ячмень — «хор».

Перед сном Николай Иванович при неверном, трепещущем свете свечи долго заполнял дневник. А поднялся он, как всегда, с зарей. Оделся бесшумно, чтобы никого не потревожить, взял походный мешочек с туалетными принадлежностями и направился к горному ручейку. Бахтееву тоже не спалось, и он вышел вслед за Вавиловым. Николай Иванович брился, склонившись над водой и глядясь в нее вместо зеркала. Он весело приветствовал Бахтеева.

Они умылись обжигающей ледяной водой. Растираясь

жестким полотенцем, Вавилов нетерпеливо поглядывал на поля, карабкавшиеся по склону горы.

— Прогуляемся? — предложил он.

— После завтрака?

— Зачем откладывать? Сейчас, — засмеялся Николай Иванович. — Жизнь коротка, надо спешить. А завтрак никуда не уйдет.

Они пошли по узкой тропе над ущельем, из которого поднимались и таяли клочья ночного тумана. Солнце уже пригревало вовсю; чистый горный воздух кружил голову.

Вспоминая через много лет, профессор Бахтеев напишет: «Это утро с Вавиловым было одним из самых радостных в моей жизни...»

Опять Вавилов нередко рискует жизнью и спокойно встречает путевые опасности. Чуть не тонет вместе с упавшей лошастью при переправе через бешеную Кызыл-Дарью. В последнюю минуту ему каким-то чудом удается освободить ноги из стремян и выплыть.

«Как-то раз мы добирались (вернее, пытались добраться) самолетом из Ганджи в Баку, но над аэропортом нас предупредили о невозможности приземления из-за того, что скорость ветра достигала 130 километров в час, — вспоминает лауреат Нобелевской премии Г. Меллер. — Когда же мы повернули обратно, летчик сообщил, что и назад мы не доберемся, так как горючего хватит лишь на короткое расстояние. Вполне естественно, некоторые из нас перетрусили. Напротив, Николай Иванович, к общему изумлению, сознавая свое бессилие чем-либо помочь, улучил минуту поспать. К счастью, летчику удалось благополучно совершить посадку на поле, защищенном от ветра грядой невысоких холмов, поблизости от городка и от железной дороги, и мы к вечеру доехали поездом до Баку. Этот случай был отнюдь не единственным на протяжении нашей поездки, в течение которой нам неоднократно представлялась возможность убеждаться в невозможном спокойствии и самообладании Николая Ивановича».

За первые семь месяцев 1940 года Вавилов успевает написать более семидесяти печатных листов новых статей и научных работ!

Продолжает, обновляя и все углубляя, он работы, начатые еще в молодости, новыми изданиями выходят его замечательные труды: «Селекция как наука», «Учение о происхождении культурных растений после Дарвина», «Законы естественного иммунитета растений к инфекционным заболеваниям».

Он разрабатывает подробную инструкцию для составления экологической карты страны. В Оксфорде выходит на английском языке его «Новая систематика культурных растений».

«...Надо писать до черта — большие книги. Чтобы на тысячу лет дать занятий людям...» — пишет он в одном из писем. Он словно чувствует, как мало у него осталось времени впереди... Нужно продвинуть хлеба и овощи на север, заставить плодоносить пески пустыни, дать стране собственную хину, каучуконосы, длинноволокнистый хлопок. Надо спешить!

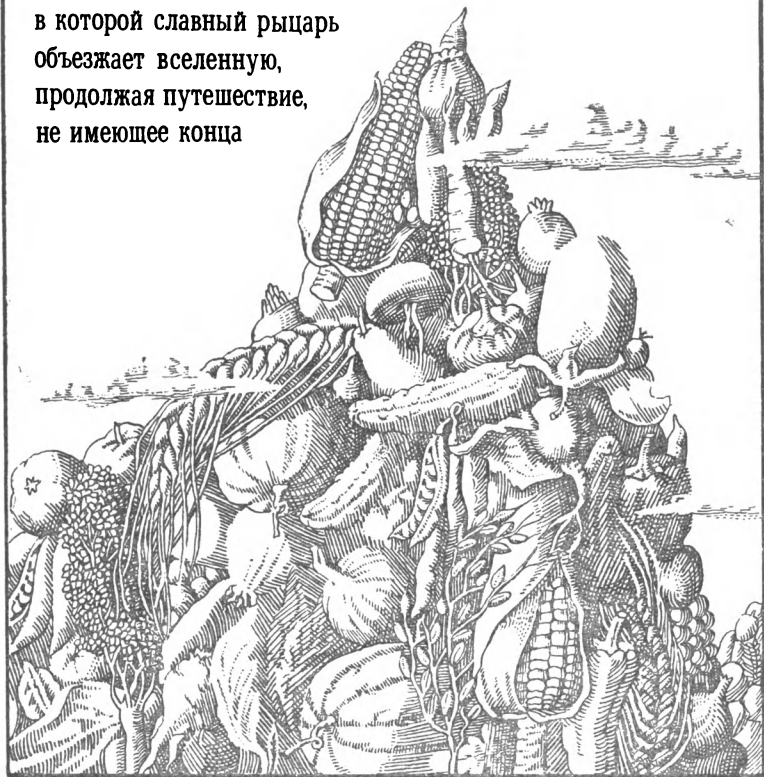
Летом 1940 года Вавилов организует экспедицию в только что воссоединенные западные районы Белоруссии и Украины. Надо им помочь побыстрее наладить растениеводство по всем правилам науки, подобрать самые лучшие сорта для местных полей.

В Киеве он встречается с учеными, посещает научные станции, институты, но находит время выступить и на республиканском слете пионеров.словно молодея на глазах, Николай Иванович с увлечением рассказывает о замечательной науке — ботанике, о своих путешествиях, о том, какие интересные задачи их ждут впереди и как много еще предстоит сделать. После выступления пионеры окружают его, задают все новые вопросы, долго не отпускают.

Это последнее выступление Вавилова, и оно устремлено в будущее, обращено к молодежи.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ,

в которой славный рыцарь
объезжает вселенную,
продолжая путешествие,
не имеющее конца

Нетленно и неоценимо наследие, оставленное Вавилонским людям.

Четыре пятых всех посевных площадей страны заняты сортами различных растений, выращенных из семян

уникальной мировой коллекции ВИРа. Эта коллекция уже помогла нашим селекционерам вывести свыше тысячи новых ценных сортов — «вавилонских», как их называют. Они дают стране свыше пяти миллионов тонн дополнительной продукции в год — это не менее четырех миллиардов рублей дохода. Весьма весомый вклад в экономику страны!

В создании прославленной «Безостой-1», признанной лучшей в мире по урожайности и адаптации к различным условиям — она дает до ста центнеров с гектара! — участвовали, кроме местных украинских сортов, пшеницы, вывезенные в свое время из Испании, Японии, Италии, Аргентины.

Сорта кукурузы, привезенные Вавиловым из Америки, были использованы нашими прославленными селекционерами для получения лучших гибридов. Заокеанские «упланды» помогли обновить отечественное хлопководство и вывести его на первое место в мире.

Все посадки на Памире, обеспечивающие теперь подблачный край своим превосходным картофелем, ведут начало от пяти клубней из коллекции ВИРа. Используя для гибридизации «дикарей», вывезенных в свое время из горных долин Южной Америки, советские селекционеры создали несколько отличных сортов картофеля, урожайных и не боящихся губительной фитофторы. Это особенно важно для нашей страны, ведь она выращивает треть всего картофеля на планете.

Но разве можно измерить в центнерах или рублях то благотворное воздействие, какое продолжают оказывать во всем мире идеи Николая Ивановича Вавилова?

«Все более или менее крупные труды Н. И. Вавилова определили собой решительный поворот в теории и в методах исследования... Его научные труды, его изумительные по новизне и оригинальности исследования, его идеи, концепции и теории раскрыли перед биологами, растениеводами и генетиками необычайно широкие горизон-

ты и вдохновили их на новые исследования. После опубликования Николаем Ивановичем своих основных трудов почти все биологические исследования у нас и за рубежом развивались в направлении высказанных им идей» (академик ВАСХНИЛ Н. А. Майсурян).

«Николай Иванович Вавилов был одним из немногих для своего времени ученых, которые глубоко и плодотворно понимали и применяли диалектику, диалектический метод в своей теоретической работе. Можно сказать, что он был пионером в этом большом и трудном деле. В этом Н. И. Вавилов шел далеко впереди своего времени, страстно боролся против лжеученых, вульгаризировавших диалектику в угоду ложным схемам и догмам, далеким от действительной науки...

Не только силой своего таланта исследователя-ученого, но и примером всей своей жизни Николай Иванович Вавилов оказывает исключительное воздействие на современную науку — на ее теоретическую, философскую и этическую основу» (член-корреспондент АН СССР И. Т. Фролов).

Всюду трудятся растениеводы, с гордостью называющие себя его учениками и последователями. И эти люди — главное наследие Вавилова.

Это его ученики и соратники в трудные дни блокады Ленинграда совершили подвиг, восхитивший весь мир, — спасли уникальную коллекцию ВИРа.

Остались в институте, не эвакуировались четырнадцать человек во главе с Н. Р. Ивановым и В. С. Лехновичем. Они отбивали коллекцию от полчищ обезумевших с голода крыс. Они сами погибали от голода, но сберегли все семена, до зернышка.

Труднее всего было сохранить коллекцию картофеля. Семена зерновых могли подождать пересева несколько лет. А клубни бесценного картофеля, привезенного Николаем Ивановичем и его помощниками из Южной Америки, надо было не только спасти от зимних морозов, но и

весной непременно высадить в землю, чтобы они не погибли.

Этим, не щадя себя, занимались В. С. Лехнович, сопровождавший Вавилова в его последнем путешествии по Закарпатья, и О. А. Воскресенская — всю зиму днем и ночью обогревали хранилище, весной из последних сил вскапывали землю и сажали картофель, а потом днем и ночью охраняли всходы.

— Ходить было трудно, да, невыносимо трудно вставать каждое утро, руками-ногами двигать... А не съесть коллекцию — трудно не было, — говорит, вспоминая те дни, Вадим Степанович Лехнович. — Нисколько! Потому что съесть ее было невозможно. Дело своей жизни, дело жизни своих товарищей...

От голода умер Д. С. Иванов — возле тысяч пакетов с рисом, которые ему доверили сберечь.

Умерла от голода хранительница овса Л. М. Родина.

За письменным столом — с пакетом семян в руках, которые он готовил к отправке самолетом на Большую землю, — умер А. Г. Щукин.

Осколок снаряда скосил, как в бою, хранителя гербария Е. Ф. Вульфа.

Помните скромного трудолюбивого архивного работника Глейбера, помочь которому как-то призывал товарищей Вавилов? («Вы, друзья, все должны помочь Глейберу... Ради дела он с себя последнюю рубашку снимет!») Николай Иванович не ошибся в нем. Е. И. Глейбер погиб во время блокады, но, как солдат, не оставил своего поста, оберегая архивы, в которых хранилось и научное наследие великого сеятеля.

Вот какие люди выросли и работали рядом с Вавиловым, — он передал им «чекан души своей».

И теперь ученики и продолжатели дела Николая Ивановича, пользуясь открытыми им законами и собранными им и его помощниками семенами, создают новые сорта, осваивают для земледелия ранее бесплодные края.

Портреты неутомимого искателя и великого сеятеля можно встретить в кабинетах селекционеров и агрономов в далекой Мексике и на Цейлоне. Он смотрит нам в глаза доброжелательно и весело. Он улыбается.

Его именем названы гора в Антарктиде, ледник на Памире, улицы и площади во многих городах. По решению международного комитета имя братьев Вавиловых присвоено большому району лунной поверхности. Фамилия Николая Ивановича украшает обложку международного журнала «Heredity» («Наследственность»), выходящего в Англии — вместе с именами Дарвина, Линнея, Менделя и других исполинов.

В кабинете в Институте растениеводства, который носит теперь имя Вавилова, — книги с закладками и его пометками на полях. Под стеклом, рядом с примитивным афганским серпом и семенами овсюга, подобранными среди развалин древней Помпеи, лежит походный высотомер в кожаном потертом чехле. Кажется, великий путешественник и сеятель вышел из комнаты лишь ненадолго, сейчас вернется, чтобы отправиться в новое странствие.

Славный рыцарь продолжает объезжать и приводить в порядок вселенную.

Специалисты утверждают, что идеи, уже давно высказанные Вавиловым, теперь даже становятся еще актуальнее — настолько они опережали свое время. Интерес и внимание к экологии, всегда отличавшие Николая Ивановича, стали ныне всеобщими, когда мы осознали жизненно важное значение окружающей среды.

В одной из своих работ Вавилов описал «идеальный сорт пшеницы XX века». Сорок шесть признаков, сорок шесть пунктов стали рабочим заданием для селекционеров всего мира. Неполегаемость при обильных урожаях, высокий процент белка, отзывчивость на удобрения и орошение — все, чего добиваются от новых сортов селекционеры в разных странах, было предусмотрено Вавиловым. Но он же и предупреждал, как будет нелегко объединить

в одном сорте большое число ценных и важных признаков! Ведь каждый признак определяется комбинацией многих генов, которые при скрещивании взаимодействуют между собой по сложным законам. Так что результат этих сочетаний бывает порой нелегко предвидеть.

Во всех уголках планеты тысячи ученых постепенно создают общими усилиями этот идеальный сорт, тщательно продуманный великим сеятелем увлекательных идей.

Все новые экспедиции отправляются в «вавилонские центры» за семенами. Специальная комиссия Организации Объединенных Наций признала необходимым при планировании международных экспедиций обязательно использовать разработанную Вавиловым теорию о центрах происхождения культурных растений.

В 1970 году Нобелевской премией мира наградили агронома Нормана Борлауга за выведение новых сортов пшеницы, позволивших в очень короткий срок резко увеличить урожайность на полях многих южных развивающихся стран, особенно нуждавшихся в этом.

В Мексике, где Борлауг проводил свои работы, урожайность пшеницы за четверть века выросла в четыре раза, валовая продукция в семь раз!

Кроме высокой урожайности, сорта, выведенные Борлаугом, отличаются и другими превосходными качествами: у них короткий стебель, они не полегают. Уже свыше семидесяти южных стран возделывают сейчас эти сорта. За три года (1966—1969) площади их посевов возросли в тысячу раз! Это по праву называли «зеленой революцией».

Создавая новые замечательные сорта, талантливый селекционер и агроном, по его собственному признанию, шел путями, указанными Вавиловым. Он посетил ВИР, поехал по нашей стране.

Исходным материалом для выведения по советам Вавилова новых сортов с заранее задуманными свойствами Борлауг из всего растительного богатства мира выбрал

японскую карликовую пшеницу «норин-10». Позднее американские селекционеры использовали ее для создания нового сорта «гейнс», давшего в опытных посевах невиданный урожай — 141 центнер с гектара!

Но в странах, расположенных севернее, в умеренной климатической зоне, эти замечательные карликовые гибриды, к сожалению, не приживаются. Для этих стран — и в первую очередь для нашей средней полосы — новые сорта, неполегающие и высокоурожайные, еще предстоит создать. И конечно, огромную помощь в этом может оказать замечательная «вавилонская коллекция» ВИРа.

Только в металлических коробках на стеллажах сохранились семена не боящейся ржавчины уникальной персиянки, за которой так долго охотился Вавилов. На полях Закавказья, ее древней родины, персиянку растениеводы уже давно не могут найти. Тем дороже каждое ее коллекционное зернышко. Правда, эта замечательная пшеница плохо поддается скрещиванию. Но, используя ее, английские и австралийские селекционеры все же сумели вывести новые сорта, стойкие против ржавчины и урожайные.

И многие ученые считают, что, может быть, те сорта, какие они пытаются вывести, уже давно создала природа. Их семена лежат где-нибудь на полках в коллекциях, нужно только их там как следует поискать... Вполне возможно!

Помните пятьдесят разновидностей карликовой пшеницы, обнаруженных Вавиловым в Афганистане? Они могут оказаться весьма полезными для выведения новых неполегающих урожайных сортов.

Как много увлекательных задач впереди! Николай Иванович постоянно напоминал об этом. Вместе с профессором Е. В. Вульфом он как-то сделал весьма наглядный и красноречивый подсчет и привел его в одной из своих работ. Из 200 тысяч высших растений, существующих на Земле, человек использует пока 20 тысяч. По-на-

стоящему же освоено и введено в культуру лишь 2 тысячи из них. И львиную долю посевных площадей — 90 процентов — занимают всего-навсего только 20 основных видов. Сколько ценнейших растений еще ожидают, чтобы ими по-хозяйски занялись селекционеры!

И не будем забывать, что на полях и в огородах вековечная война с вредителями и болезнями растений еще в самом разгаре. Одна ржавчина продолжает отнимать десятую часть урожаев пшеницы, а в сырые, влажные годы во многих районах — даже до половины. Недаром ее называют «бурым пожаром». Зловещее сравнение!

Писатель Ю. Черниченко в одном из очерков сопоставил весьма выразительные цифры. По данным Института экономики Министерства сельского хозяйства СССР в 1973 году потери от вредителей растений составили у нас не менее 12 миллиардов рублей. Во время Великой Отечественной войны страна столько же тратила каждый год на оборону!

«Разумеется, близость цифр относительная, — отмечает писатель, — никто знака равенства не ставит, но война идет».

Да, на этом фронте, пролегающем через каждое поле, не слышно выстрелов, к счастью, не падают, обливаясь кровью, сраженные люди, но битва идет — и обходится нам почти так же дорого, как настоящая война.

С юности Вавилов мечтал «привести в порядок земной шар». Это значит изучить все растительное богатство мира, чтобы выбирать и создавать заново для каждого поля наиболее подходящие сорта, самые урожайные и не боящиеся болезней, стойкие против вредителей.

Это значит и преобразовать всю систему земледелия, чтобы при любой погоде получать устойчивые высокие урожаи.

Приводить в порядок, так уж до конца! Хочется по примеру Вавилова помечтать об этом: каким будет земледелие будущего?

Экономисты и ученые спорят о том, какими должны быть тракторы будущего, комбайны. Уже испытываются первые модели «стальных коней», работающих автоматически. Странно, необычно выглядят их пустые кабины — без водителей. И конструкторы уже задумываются: а зачем нужна в таком случае кабина?

А может, никаких тракторов на полях вообще не будет?

Еще при жизни Вавилова, в тридцатых годах, В. Р. Вильямс высказал очень интересную идею о будущей системе обработки полей. Он назвал ее «мостовым земледелием». Звучит несколько загадочно, но идея очень проста.

Представьте себе, что все поля разделены узенькими рельсовыми путями на полосы по 100—150 метров шириной. Между тележками, движущимися по рельсам, как мостик, перекинута легкая металлическая ферма. На нее навешивают орудия, которые нужны в данный момент: плуги или культиваторы, сеялки или уборочные агрегаты. Никаких тракторов и комбайнов. Никакой бензиновой гари: тележки приводятся в движение электричеством. Прошли одну полосу, переходят на другую.

Очень заманчивая идея! И вполне выполнимая уже сейчас. Нужно, конечно, выровнять, спланировать отдельные участки на каждом поле и проложить рельсы. А прочные и легкие мостовые фермы вполне по силам современной технике.

Но предлагаются проекты еще дерзновеннее. Может, вообще не нужны... поля? Лучше заменить все поля и огороды нашей огромной страны одной-единственной гигантской «теплицей» — в десять этажей и площадь в семьдесят на семьдесят километров! Одна она сможет обеспечить всеми нужными продуктами растениеводства 450 миллионов человек.

На первый взгляд размеры этой «теплицы» пугают:

десятиэтажный комбинат, равный по площади целому подмосковному району!

Конечно, построить его нелегко, и обойдется он недешево: примерно в девять триллионов рублей по прикидкам авторов удивительного проекта.

Но какие выгоды обещает его осуществление! Одна такая теплица, всего по площади средний подмосковный район, сможет прокормить всю страну. Лучшие сорта, совершеннейшая агротехника, надежная защита от вредителей и болезней, полная независимость от капризов погоды.

Не будем забывать: страна наша огромна, но семьдесят процентов ее пашины находятся в зоне недостаточного увлажнения и подвержены засухе.

Вот когда земледелие будет окончательно приведено в порядок. А какая экономия земли! Ведь земли, пригодной для обработки, вовсе не так уж много на нашей планете, три четверти поверхности которой занимает океан. Доктор технических наук Ю. Ф. Новиков, специалист по земледельческой технике, приводит весьма впечатляющие цифры. Оказывается, в 1975 году на каждого жителя планеты приходилось всего-навсего полтора гектара плодородной земли. На этом квадратике со сторонами менее ста двадцати пяти метров должны, кроме человека, прокормиться еще домашние и дикие животные. Так что фактически на долю одного человека приходится для его прокормления плодородной земли... что-то около футбольного поля по площади! И с каждой секундой — вот пока вы прочли эту фразу! — «жизненная площадка» каждого из нас уменьшается, потому что население планеты непрерывно растет, площадь же ее поверхности, увы, остается неизменной.

А постройка гигантских теплиц позволит не только добиться надежного изобилия продуктов питания, но и всю землю, занятую сейчас полями и посевами кормовых культур, освободить под леса, парки, сады.

Интереснейший этот проект вовсе не из какого-то фантастического романа. Его разработали и тщательно экономически обосновали В. Галицкий и Ю. Абакумов, — молодые ученые, работающие в научном центре Пущино на Оке. И одобрила смелую идею весьма требовательная и реально мыслящая аудитория — научная конференция, проходившая несколько лет назад в Дубне.

Вероятно, этот или какой-то другой подобный проект непременно будет осуществлен — и не в столь уж отдаленные годы. Больно он заманчив! Хотя, пожалуй, как говорилось и на конференции, лучше все же построить не одну теплицу, а, скажем, десять, площадью, соответственно, поменьше — в разных уголках страны. Зачем перегружать транспорт лишними перевозками? Их и строить будет полегче. Но суть останется та же: пусть десять «полей», десять «теплиц» общей площадью с один подмосковный район станут кормить страну!

Вполне возможно, многим из юных читателей этой книги доведется самим принять участие в осуществлении таких заманчивых проектов.

И Николай Иванович Вавилов непременно будет с нами в осуществлении самых грандиозных и дерзких планов преобразования природы, «приведения в порядок» нашей планеты. Ведь он — наш вечный современник. Его мечты, его предвидения, его идеи продолжают жить, как продолжают давать все новые и новые щедрые всходы семена, припасенные великим сеятелем.

Славный рыцарь продолжает объезжать вселенную, и последнее его путешествие не будет иметь конца!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая, в которой Н. И. Вавилов выбирает жизненный путь, неожиданно оказавшийся богатым опасностями и приключениями	5
Глава вторая, в которой Дорога исканий еще не найдена окончательно	14
Глава третья, в которой завязывается затяжной роман с таинственной персиянкой и происходят другие не менее занимательные события	23
Глава четвертая, в которой поиски приводят путешественника на Крышу мира — к Подножию солнца . .	35
Глава пятая, в которой биологи приветствуют появление своего Менделеева	47
Глава шестая, в которой неутомимый охотник за растениями проникает в опасную Страну неверных . . .	61
Глава седьмая, в которой люди, хорошо знавшие Н. И. Вавилова, рассказывают о поразительных качествах его характера	74
Глава восьмая, в которой на пути бесстрашного искателя встают все новые преграды	82
Глава девятая, в которой разбойники пытаются отнять у отважного путешественника бесценные сокровища, добытые в Стране стоячего солнца	92
Глава десятая, в которой Н. И. Вавилов заглядывает в глубь тысячелетий и беседует на двадцати двух языках	110
Глава одиннадцатая, в которой даже шпики оказываются полезными для науки, если их умело использовать	120
Глава двенадцатая, в которой великий сеятель заново открывает Америку	129
Глава тринадцатая, в которой опять звучат голоса людей, хорошо знавших Н. И. Вавилова	145
Глава последняя, в которой славный рыцарь объезжает вселенную, продолжая путешествие, не имеющее конца	164

Голубев Г. Н.

Г62 Великий сеятель: Николай Вавилов. Страницы жизни ученого./Худож. В. Любаров. — М.: Мол. гвардия, 1979. — 175 с., ил. — (Пионер — значит первый).

35 к. 100 000 экз.

Жизнь академика Н. И. Вавилова — удивительно целеустремленная, светлая, до конца отданная людям. Истинный пионер науки, он становится виднейшим исследователем в области сложнейших взаимоотношений наследственности и изменчивости. Академик Н. И. Вавилов был организатором всей сельскохозяйственной науки нашей страны и много сделал для того, чтобы люди имели вдоволь хлеба.

70803—152			28г + 4г
Г 078(02)—79	059—79.	48000000000.	57(09) + 63(09)
			ББК

Для среднего школьного возраста

ИБ № 1521

Глеб Николаевич Голубев

ВЕЛИКИЙ СЕЯТЕЛЬ

Редактор Надежда Тимофеева

Художественный редактор Анна Романова

Технический редактор Татьяна Кулагина

Корректор Анна Долидзе

Сдано в набор 22.12.78. Подписано к печати 01.06.79. А04645. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Условн. печ. л. 7,7. Учетно-изд. л. 7,9. Тираж 100 000 экз. Цена 35 коп. Заказ. 2249.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцевская, 21.

35 коп.

63

ВЫПУСК

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ